

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Филинова Юлия Владимировна

**Коммуникативно-прагматические функции шведских модальных
частиц *ju, väl, nog* и *visst* в драматическом диалоге
(на материале пьес Л. Нурена)**

Специальность 5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (германские языки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

к.ф.н. доц. Матьцина Ирина Витальевна

Москва – 2023

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Драматический диалог как особая разновидность диалогического дискурса	12
1.1. Исследование диалогической речи.....	12
1.2. Особенности устного спонтанного диалога.....	15
1.3. Особенности драматического диалога	17
1.4. Проблема определения границ реплик.....	19
1.5. Прагматический инструментарий анализа частиц.....	20
1.5.1. Понятия пропозиции и пресуппозиции	20
1.5.2. Теория речевых актов	24
1.5.3. Косвенные речевые акты	27
1.5.4. Понятия когезии и когерентности	30
Выводы по главе 1	33
Глава 2. Модальные частицы как объект исследования	35
2.1. Частицы в русском языке	35
2.1.1. История исследования	35
2.1.2. Классификация русских частиц	37
2.2. Модальные частицы в немецком и скандинавских языках	40
2.3. Модальные частицы в шведском языке	41
2.4. Понятие и типы модальности.	52
Выводы по главе 2	59
Глава 3. Функции модальных частиц ju, väl, nog и visst в драматическом диалоге	60

3.1. Анализ частотности употребления модальных частиц	62
3.2. Характеристика модальной частицы ju	62
3.2.1. Перевод высказываний с частицей ju	64
3.2.2. Анализ коммуникативно-прагматических функций ju	68
3.3. Характеристика модальной частицы val	92
3.3.1. Перевод высказываний с частицей val.....	94
3.3.2. Анализ коммуникативно-прагматических функций val в прямых речевых актах.....	95
3.3.3. Анализ коммуникативно-прагматических функций val в модальных вопросах повествовательной структуры.....	117
3.3.4. Анализ коммуникативно-прагматических функций val в косвенных речевых актах.....	120
3.4. Характеристика модальной частицы nog	124
3.4.1. Перевод высказываний с частицей nog.....	126
3.4.2. Анализ коммуникативно-прагматических функций nog	126
3.5. Характеристика модальной частицы visst	143
3.5.1. Перевод высказываний с частицей visst	144
3.5.2. Анализ коммуникативно-прагматических функций visst ...	144
Выводы по главе 3.....	152
Заключение.....	161
Библиографический список	164
Приложение.....	182

ВВЕДЕНИЕ

Единицы, которые называют модальными частицами, присутствуют во многих языках, хотя и различаются по количеству форм и их дистрибуции [Bergqvist 2020:491]. Модальные частицы представляют сложность как для лингвистов (которые сталкиваются, в частности, с проблемой именования, определения и выделения этого класса), так и для тех, кто осваивает их при изучении иностранного языка. Эти сложности обусловлены тем, что модальные частицы не имеют изолированного лексического значения, а лишь привносят в высказывание тончайшие оттенки смысла, которые раскрываются в контексте – семантику модальных частиц «можно определить как прагматическую» [Крылова 2012:40].

Размытость семантики модальных частиц обуславливает их способность реализовывать различные функции, причем «чем более размыта семантика частицы, тем большее количество функций она может реализовывать в тексте» [Eriksson 1988:76-77]. Настоящее исследование посвящено анализу коммуникативно-прагматических функций шведских модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* в драматическом диалоге. *Ju*, *väl* и *nog* уже давно выделяются в качестве модальных частиц многими шведскими и отечественными исследователями [Aijmer 1996; Lindström 2008; Маслова-Лашанская, Толстая 2005], в то время как статус *visst* остается неопределенным: о *visst* как о модальной частице говорят лишь некоторые исследователи [Aijmer 1996, Scherf 2018]. Выбор этих частиц для анализа обусловлен относительно большим количеством примеров с ними в материале исследования, а также желанием выявить и разграничить контексты употребления каждой из них. Способность частиц выражать малым многое, «кодировать» все многообразие прагматических значений, связывать высказывание с отношением говорящего к сообщаемому, с другими высказываниями, соотносить его с ситуацией непосредственного действия [Николаева 1985:7], требует, как отмечает Э. Б. Крылова, многоаспектного описания их функциональной семантики [Крылова 2012, 2021]. При анализе

коммуникативно-прагматических функций шведских частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* в драматическом диалоге применяются структурно-семантический, коммуникативно-функциональный и прагматический методы исследования, что позволяет всесторонне рассмотреть коммуникативно-прагматические функции частиц в контексте и их роль в выражении пропозиций и пресуппозиций, формировании прямых и косвенных речевых актов, обеспечении связности драматического диалога.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена возросшим в последнее время интересом лингвистов к изучению живой речи, ее функционирования и отражения в письменных источниках, а также новизной материала исследования: функции шведских модальных частиц впервые исследуются на материале драматического диалога, который объединяет в себе характеристики письменной и устной речи.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к анализу коммуникативно-прагматических функций шведских модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst*, что позволяет по-новому их классифицировать в группе средств выражения субъективной модальности в шведском языке.

Теоретическую основу работы составляют труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные исследованию различных аспектов коммуникации и диалогической речи как в структурно-языковой, так и в прагматической перспективе – в частности, работы Л. П. Якубинского, Н. Ю. Шведовой, М. М. Бахтина, Е. В. Падучевой, Н. Д. Арутюновой, П. Линелля, Й. Олвуда, Ф. Палмера, а также исследования Т. М. Николаевой, Н. Ю. Шведовой, К. Л. Киселевой, Д. Пайара, С. В. Кодзасова, К. Бонно, И. Б. Левонтиной, К. Аймер, М. Эрикссона, Я. Линдстрёма, Г. Свенссон, Д. Петерссона, Э. Б. Крыловой, Н. Давидсена-Нильсена и др.

Объектом настоящего исследования являются шведские модальные частицы *ju*, *väl*, *nog* и *visst*.

Предметом исследования служат коммуникативно-прагматические функции шведских модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* в современном драматическом диалоге.

Цель настоящей работы – провести системный анализ коммуникативно-прагматических функций модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst*. Данная цель обусловила следующие **задачи**:

1. Определить основное субъективно-модальное значение, которое выражает каждая из частиц.
2. Определить типы речевых актов, в которых употребляется каждая из частиц.
3. Определить, в каких контекстах употребляется каждая из частиц.
4. Охарактеризовать роль каждой частицы в формировании косвенных речевых актов.
5. Проанализировать связь между способом выражения пропозиционального субъекта и употреблением каждой из частиц.
6. Проанализировать роль частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* в обнаружении анафорической или катафорической связи между высказываниями и, таким образом, в развитии драматического диалога.

Материалом для исследования послужили пьесы современного шведского драматурга Ларса Нурена из сборника «Терминал» (Terminalen), вышедшего в издательстве Albert Bonniers förlag в 2014 году. Выбор материала продиктован его современностью, особенностями драматических диалогов, а также отсутствием исследований функций шведских модальных частиц на подобном материале. Драматические произведения отличаются тем, что принадлежат одновременно к письменному и устному модусу и включают в себя черты обоих, что позволяет, с одной стороны, проанализировать коммуникативно-прагматические функции частиц в непосредственной ситуации общения, а с другой – наблюдать эти функции в продуманном и хорошо организованном тексте, где употребление частиц не случайно, а подчинено авторскому замыслу. В анализируемых пьесах практически нет действия, они представляют собой череду диалогов, связанных между собой общей сюжетной линией. Персонажи и темы их бесед время от времени

повторяются, что объединяет между собой отдельные пьесы. Часто персонажи говорят о чем-то так, будто об этом уже упоминалось прежде. В большинстве пьес имена персонажей не называются, мы знаем лишь их роли по отношению друг к другу (*Fadern Отец*, *Modern Мать* и др.), а в некоторых пьесах имя персонажа заменяет буква (А, В, С, D), так что читатель не знает даже, к какому полу этот персонаж принадлежит. Таким образом, фоновые знания читателей пьесы с самого начала не совпадают с фоновыми знаниями персонажей и зрителей, что подчеркивает значимость тщательного анализа контекста при исследовании функций шведских частиц.

В ходе исследования было проанализировано употребление модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* в двенадцати пьесах сборника: *Tyst musik* (*Тихая музыка*), *Vinterförvaring* (*Запасы на зиму*), *Litet Rekviem* (*Маленький Реквием*), *Allt...innan* (*Все...до этого*), *Förnimmelse* (*Ощущение*), *Genom* (*Преодоление*), *Om kärlek* (*О любви*), *Ljus* (*Свет*), *Sönderfallande* (*Разрушение*), *Om ljuset* (*Про свет*), *Skalv* (*Тряска*), *Grått rum* (*Серая комната*). Общий объем исследованного материала составил 650 страниц. Все примеры переведены на русский язык.¹ Анализируя способы перевода частицы в разных контекстах и учитывая семантические и функциональные особенности единиц, выбранных в качестве переводческих эквивалентов, можно сделать выводы о семантике и функциях оригинальных модальных частиц. Таким образом, перевод может быть еще одним методом исследования этих функций. Главной целью перевода в данной работе было адекватное отражение заданной в оригинале коммуникативной установки говорящего, а также, насколько возможно, сохранение лексики и синтаксиса оригинала.

Методы исследования определяются поставленными целями и задачами, а также особенностями предмета описания. Основными в работе стали методы структурно-семантического, коммуникативно-функционального, контекстуального и прагматического анализа.

---

¹ Перевод на русский язык всех приведенных в работе примеров выполнен ее автором – Ю. В. Филиновой. Ранее вышеперечисленные пьесы на русский язык не переводились.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Шведские модальные частицы *ju*, *väl*, *nog* и *visst* выделяются из класса модальных фразовых обстоятельств благодаря просодическим, грамматическим, стилистическим и функциональным особенностям. Они являются операторами эпистемической модальности и употребляются в драматическом диалоге в качестве средств выражения значений аффирмативного и проблематического типов, а также значений эвиденциальности.
2. Драматический диалог сочетает в себе особенности устного спонтанного диалога и письменной речи и является особой разновидностью диалогического дискурса. Модальные частицы, способные выражать пресуппозиции, а также служить средством когезии и когерентности, приобретают особую значимость в литературно оформленном диалогическом тексте.
3. Полисемантическая и полифункциональность модальных частиц обуславливают необходимость их комплексного исследования с учетом таких прагматических параметров, как тип реплики, тип речевого акта, коммуникативное намерение участников коммуникации, лингвистический и ситуативный контекст.
4. Частица *ju* является средством выражения значений аффирмативной модальности и употребляется для воздействия на субъективный мир собеседника и убеждения его в достоверности содержания пропозиции. *Ju* употребляется в речевых актах утверждения, сообщения, объяснения, возражения, аргумента и оценки, где реализует эмфатическую функцию, служит для объединения говорящего и слушающего в одной коммуникативной ситуации, напоминания слушающему о релевантном факте, а также для выражения внезапности, с которой говорящий что-то припоминает. Анафорическая и (реже) катафорическая функции, которые частица реализует в

большинстве контекстов, делает ее одним из основных средств развития диалога.

5. Основное модальное значение частицы *väl* – выражение той или иной степени неуверенности говорящего в достоверности содержания пропозиции. Частица *väl* имеет интерактивную природу: употребляя ее, говорящий обращается к собеседнику за подтверждением или опровержением своего предположения, основанного на субъективных представлениях об истинном положении дел. В этом качестве частица реализует фатическую функцию, смягчает иллокутивную силу высказывания, служит маркером вежливости и употребляется в модальных вопросах повествовательной структуры, а также в косвенных речевых актах вежливости. В утвердительных речевых актах частица *väl* приобретает аффирмативные характеристики и реализует экспрессивную и эмфатическую функции.
6. Частица *nog* в качестве средства выражения проблематической модальности сигнализирует, что у говорящего имеются объективные доводы, позволяющие представить гипотезу как верную и не требующую подтверждения собеседника. Употребляя *nog* в актах предположения и согласия, говорящий дистанцируется от неудобной для себя правды, стремится сделать высказывание менее категоричным. В утвердительных речевых актах частица приобретает аффирмативные характеристики и реализует эмфатическую функцию. В качестве средства связности драматического диалога частица *nog* нередко имеет катафорическую функцию.
7. Значения и функции частицы *visst* определяются ее синтаксической позицией и интонационным выделением. Безударный вариант частицы в позиции после личной формы глагола является средством выражения значений эвиденциальности и сигнализирует, что предположение говорящего основано на объективном источнике информации – собственном сенсорном опыте или словах третьих лиц, – что позволяет

говорящему снять с себя часть ответственности за достоверность пропозиции. Ударный вариант частицы является средством выражения аффирмативной модальности и реализует эмфатическую функцию.

Теоретическая значимость настоящей диссертации состоит в том, что выделенные в процессе анализа коммуникативно-прагматические функции шведских модальных частиц могут стать отправной точкой в исследованиях, посвященных различным аспектам шведского диалогического дискурса, а также в работах по сопоставлению особенностей употребления шведских и русских модальных частиц.

Практическая ценность исследования обусловлена тем, что полученные результаты и сам материал исследования могут найти применение в практическом курсе речевой коммуникации на шведском языке, в практическом курсе перевода, в теоретических курсах стилистики и лингвистики текста, в спецкурсах по лексике, грамматике и синтаксису шведской разговорной речи. Они также могут быть полезны переводчикам при работе, в частности, с драматическими произведениями.

Апробация исследования. По теме диссертации опубликовано в целом пять работ, все опубликованы в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова. Результаты, полученные в процессе работы, обсуждались на международных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2021» и «Ломоносов-2022» на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, а также на XVI Межвузовской научно-практической конференции «Перевод – мост между мирами 2021».

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, выводов по результатам исследования, заключения, библиографического списка и приложения.

Во **введении** содержатся цель и задачи исследования, актуальность работы, а также материал и методы исследования.

В первой главе описываются основные особенности драматического диалога как материала данного исследования, а также прагматические инструменты анализа значений и функций модальных частиц.

Во второй главе приводится история изучения и классификация шведских, норвежских, датских и русских модальных частиц, их роль в современном языке, а также принципы выделения модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* из класса модальных слов.

В третьей главе анализируются коммуникативно-прагматические функции шведских модальных частиц в различных контекстах.

В заключении представлены выводы, к которым мы пришли в результате исследования.

Библиографический список включает 163 источника, в том числе 74 на иностранных языках.

В приложении представлены примеры, не вошедшие в текст диссертации и демонстрирующие функции шведских модальных частиц.

ГЛАВА 1. ДРАМАТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ КАК ОСОБАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В настоящем исследовании рассматриваются коммуникативно-прагматические функции шведских модальных частиц в **драматическом диалоге** [Глущенко 2005]. Следует отметить, что в отличие от текста, который может быть драматургическим (все литературное поле пьесы), театральным (сценическое представление, реализуемое с помощью различных театральных средств) и драматическим (объединяющим два предыдущих понятия) [Защепкина 2011:236], диалог может быть только драматическим, поскольку он является ключевым средством развития действия в драме и объединяет в себе все его аспекты.

Прагматический подход к анализу функций частиц требует учета особенностей текста, в котором они употребляются, а также лингвистического и ситуативного контекстов, коммуникативной ситуации и коммуникативного намерения говорящего. Драматический диалог был выбран в качестве материала исследования, поскольку он представляет собой особый тип текстов, вмещающий в себя характерные черты как письменной, так и устной форм бытования дискурса.

В данной главе приводятся основные положения, касающиеся понятий диалог и диалогичность, разъясняются основные термины, а также описываются прагматические инструменты, необходимые для анализа модальных частиц.

1.1. Исследование диалогической речи

В отечественной лингвистике исследованием диалогической речи занимались, в частности, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский, Н. Ю. Шведова. Более поздние исследования, посвященные функциональным особенностям и прагматике диалога, принадлежат Н. Д. Арутюновой, Т. Н. Колокольцевой, А. М. Стельмашуку и др. М. М. Бахтин придает диалогичности основополагающее значение: «Язык живет только в диалогическом общении пользующихся им. Диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка. Вся жизнь языка, в любой области его употребления (бытовой, деловой, научной, художественной и др.), пронизана диалогическими

отношениями» [Бахтин 1963:205]. Бахтин разграничивает предложение, как единицу языка и непосредственный объект изучения лингвистов, и высказывание как единицу речи. «Предложение, утвердительное по своей природе, является *реальным* утверждением лишь в контексте утвердительного высказывания» [там же с. 263]. «Только высказывание имеет *непосредственное* отношение к действительности и к живому говорящему человеку (субъекту). В языке только потенциальные возможности (схемы) этих отношений... Только высказывание может быть верным (или неверным), прекрасным, справедливым и т.д.» [там же с. 301]. Поскольку в нашем исследовании велика роль прагматического воздействия слов конкретного субъекта на объект, функции модальных частиц анализируются именно в составе высказывания.

М. М. Бахтин отмечает также, что реальной единицей общения является «не единичное монологическое высказывание, а взаимодействие нескольких высказываний» – то есть, диалог [Бахтин 1979:211]. Л. П. Якубинский, разграничивая понятия диалогической и монологической речи, относит диалогическую форму общения к непосредственной, возникающей спонтанно, без предварительной подготовки, однако отмечает, что существуют формы диалога, когда между собеседниками отсутствует зрительный контакт, – например, посредством записок или в темноте, или по телефону [Якубинский 1986:25].

Современные исследователи рассматривают диалог как сложный процесс взаимодействия между его участниками на различных уровнях: физическом, биологическом, психологическом и социальном. При этом наибольшее внимание уделяется психологическому и социальному уровням. Диалогическая коммуникация рассматривается как «рациональная и кооперативная деятельность собеседников» [Allwood 1988:4], в которой говорящий и слушающий имеют определенные коммуникативные намерения, или интенции: говорящий стремится донести до слушающего свою мысль, а слушающий стремится интерпретировать ее правильным образом. При таком взгляде на диалог объектом изучения становятся:

- цели и намерения говорящего субъекта (действия диалогического характера, речевые шаги) [Колокольцева 2001; Романов 1988];
- поддержание внимания собеседника к этим целям и намерениям в процессе их планирования и непосредственного взаимодействия участников коммуникации (коммуникативная инициатива, обеспечение обратной связи с собеседником) [Азнабаева 2002];
- информационный поток, реализуемый в рамках диалогической коммуникации (тематические компоненты, способы введения новой информации) [Федотова 2006];
- обоснование информационного домена диалогической коммуникации в аспекте содержания диалогических высказываний [Остапюк 2007];
- контекст речевого взаимодействия (диалогическая активность собеседников, их коммуникативные роли) [Балаян 1971];
- общие разговорные принципы (кооперация собеседников, рациональный характер их диалогических действий) [Кудряшов 2005].

При этом существует множество разнообразных подходов к исследованию диалога, наиболее актуальным из которых является функциональный, или прагматический. В рамках этого подхода наиболее распространены:

- 1) теория речевых актов, разработанная Дж. Остином и Дж. Р. Сёрлем;
- 2) теория дискурсивной модели диалога (Exchange Structure Model), разработанная представителями Бирмингемской школы и ставшая продолжением первой теории (Дж. Синклер, М. Кулхард, А. Тсуи и др.);
- 3) разговорный анализ (Г. Сакс, Э. Щеглов, Г. Джефферссон, В. Херман и др.);
- 4) функциональная грамматика (М.А.К. Халлидей и Р. Хасан).

Диалог развивается по определенным правилам, которые включают в себя:

- 1) грамматические правила (моделирование последующего диалогического хода в соответствии с диалогической грамматикой);

- 2) правила контроля развития диалога (распознавание коммуникативных неудач);
- 3) конверсационные правила (поддержание гармоничного хода диалогического общения в терминах когерентности и эксплицитности выражения мыслей);
- 4) корректирующие правила (внесение необходимых изменений в процесс развития диалога вследствие ослабленного речевого эффекта реализуемых диалогических актов) [Володина 2015:16].

Эти правила подкрепляются некоторыми принципами ведения коммуникации, без следования которым общение, если и не оказывается неудачным, сильно усложняется. Исследователи выделяют следующие принципы:

- максимы кооперации [Grice 1975];
- принципы вежливости [Ларина 2003];
- уместность реализации коммуникативного действия [Гордон, Лакофф 1985];
- рациональность коммуникативного действия [Cohen 1990];
- стратегии диалогического общения [Койт 1988].

Говорящий стремится донести до собеседника смысл также и «через само коммуникативное намерение, которое собеседник призван воспринять» [Bach, Harnish 1979:84].

1.2. Особенности устного спонтанного диалога

Л. П. Якубинский выделяет следующие основные особенности устного диалога:

- Диалог подразумевает сравнительно быстрый обмен речью, когда каждый компонент обмена является репликой и одна реплика в высшей степени обусловлена другой;
- важную роль при восприятии диалогической реплики играет ее зрительное и слуховое восприятие, которое обеспечивается такими невербальными средствами, как мимика, жесты, телодвижения, интонация, тон, тембр. Интонация, с которой произносятся реплики, а также «отношения силового,

интонационного и тембрового порядка» [там же] также имеют большое значение в диалоге – с помощью них передается отношение говорящего к сообщаемому и слушающему. То есть, в устном диалоге интонация является важным средством выражения субъективной модальности;

- диалог строится на чередовании реплик, так называемом «реплицировании». Несмотря на кажущуюся бессвязность и неупорядоченность, чередование реплик происходит по определенным правилам, описанным, в частности, в статье «Простейшая систематика организации очередности в разговоре» [Sacks, Schegloff, Jefferson 1974];
- определить границы реплик и отделить их друг от друга достаточно трудно, поскольку они вписаны в единую канву коммуникативной ситуации и каждая реплика говорящего обусловлена предшествующей репликой собеседника;
- в диалоге одним из важных факторов успешной коммуникации, восприятия речи становится бытовая обстановка, с опорой на которую происходит обмен репликами. Общая коммуникативная ситуация позволяет участникам диалога опускать некоторые элементы, наличие которых подразумевается. Это «влечет за собой образование целых шаблонных фраз, как бы прикрепленных к данным бытовым положениям и шаблонным темам разговора»: например, этикетных фраз приветствия и прощания [Якубинский 1986:26].

Эти особенности, хотя и относятся в первую очередь к устному диалогу, отражаются в диалоге письменном как в письменной фиксации устной речи. Так, интонационные средства, быстрый обмен репликами, «возможность недосказывания, неполного высказывания» [Якубинский 1986:32] передаются на бумаге лексическими и синтаксическими средствами: упрощением синтаксической структуры предложения, опущением лексических элементов, которые подразумеваются контекстом.

1.3. Особенности драматического диалога

Наилучшим образом драматический диалог охарактеризовал М. М. Бахтин: «Драматический диалог представляет из себя борьбу между ценностными контекстами действующих лиц, выражение столкновения между различными эмоционально-волевыми позициями, занятыми действующими лицами в одном и том же событии, выражение борьбы оценок. Участники диалога в прямой речи каждым словом непосредственно высказывают предмет и свою действенную реакцию на него – интонация жизненно реалистична, автор непосредственно не выражен. Но все эти противоборствующие выражения реакции действующих лиц объемлются единым ритмом <...> придающим некоторый тон всем высказываниям, приводящим их все к одному эмоционально-волевому знаменателю, ритм выражает реакцию на реакцию, единую и однообразную, чисто формально-эстетическую реакцию автора на все противоборствующие реакции героев, на все трагическое событие в целом, эстетизировав его, вырывает из действительности (познавательно-эстетической) и художественно обрамляет его» [Бахтин 1986:145]. Из этого определения вытекает главное отличие драматического диалога от спонтанного устного диалога: он создается автором произведения намеренно для передачи читателю/зрителю той или иной информации или тех или иных реакций и для того, чтобы воздействовать на него. На драматический диалог ложится объемная художественная нагрузка: он обязан развивать действие и характеризовать персонажей, «в нем не должно быть проходных высказываний» [Бырдина 1992:46]. Каждая реплика диалога точно выверена и служит замыслу автора.

Кроме того, в драматическом произведении помимо непосредственных участников действия присутствуют – зримо или незримо – автор произведения и читатель/зритель. Присутствие автора проявляется, в том числе, через ремарки, которые призваны дать читателям более полное представление о характере персонажей и особенностях действия, а также подсказать режиссеру и актерам, как играть роли этих персонажей на сцене, чтобы выполнить авторский замысел. Автор выбранных для анализа пьес ограничивается лаконичными ремарками («Пауза»,

«Молчание»), которые, тем не менее, позволяют лучше понять особенности коммуникативной ситуации и коммуникативное намерение ее участников. Наличие и необходимость авторских ремарок обусловлены еще одной важной особенностью драматического диалога – его **двуплановостью**, связанной с тем, что «каждая пьеса предназначена для сценической постановки» [Elam 2002:2] и, соответственно, «имеет два плана выражения – на бумаге и на сцене <...>» [Thornborrow & Wareing 1998:116]. Эта двойственность отражается на характере драматического диалога: являясь центром драматического произведения, он, с одной стороны, литературно опосредован, а с другой – должен звучать естественно при прочтении вслух/постановке на сцене, а значит, иметь лексические и синтаксические особенности разговорного стиля, такие как разговорная и просторечная лексика, междометия и междометные фразы, модальные и дискурсивные частицы, а также эллиптические синтаксические конструкции, нетипичный порядок слов, повторы.

Драматический диалог предполагает действие: «слово либо непосредственно реализуется в действии, либо связано с ним косвенно, опосредованно. Иначе говоря, диалог непосредственно реализуется, завершаясь волевым актом» [Глущенко 2005:8]. Герои драматического произведения не просто обмениваются информацией, но активно воздействуют друг на друга, пытаются изменить точку зрения оппонента, заставить его совершить тот или иной поступок, пересмотреть свою жизненную позицию и т. п. В написанном диалоге в свернутом, концентрированном виде «содержатся характеры и побуждения персонажей, существо драматического конфликта, сверхзадача каждого образа и всей пьесы в целом – т. е. практически все компоненты сценического действия» [Herman 1995:16]. Модальные частицы, выражающие отношение говорящего к действительности, выполняют в таком случае роль неких проводников действия, они призваны вызвать ту или иную реакцию на действительность.

Н. Ю. Шведова, анализируя опосредованный, записанный диалог, обращает внимание на то, что в диалоге высказывания связаны между собой, и «эта взаимосвязанность есть всегда взаимосвязанность смысловая и – в определенных

случаях – структурно-языковая» [Шведова 1956:68]. Высказывания, между которыми наблюдается синтаксическая (функционально-грамматическая) и смысловая связь, Шведова называет **репликами**; при этом одна реплика обусловлена другой, в результате чего образуется «коммуникативная единица диалога» [там же с. 69], или «диалогическое единство». При анализе диалогических единств обычно выделяются инициативные и ответные реплики, или реплики-стимулы и реплики-реакции.

Таким образом, единицей диалога является реплика. Реплика может состоять из одного или нескольких высказываний. Взаимодействуя на разных уровнях, реплики образуют диалогическое единство. Этими понятиями мы будем оперировать при анализе значений и функций модальных частиц в диалогическом тексте.

1.4. Проблема определения границ реплик

Реплики в диалоге «традиционно разделяются на монологические и диалогические» [Sörlin 2008:29]. Это разделение несколько условно: диалог может стать «обменом монологами, например при обмене приветствиями или небольшими “речами” на каких-нибудь церемониях, при попеременном рассказе о впечатлениях, переживаниях или приключениях» [Якубинский 1986:25]. М. Фистер говорит о двух способах интерпретации монолога. С одной стороны – если рассматривать монологическую речь с коммуникативной точки зрения, – она включает в себя речь говорящего, когда тот пребывает (или думает, что пребывает) в одиночестве. С другой – можно рассматривать реплики с точки зрения их независимости от окружающих реплик: «чем более независима реплика, тем более она монологична» [Pfister 1988:126]. Можно также отметить, что на вид реплики может влиять ее длина: если реплика продолжается какое-то время и речевой ход не передается собеседнику, можно говорить о том, что эта реплика является монологической [Svensson 2009:22]. По мнению П. Линелля, реплика считается монологической, если говорящий продолжает говорить несколько диалогических ходов подряд, и собеседник не стремится перехватить инициативу [Linell

2005:244]. Однако конкретные критерии для определения длины монологической и диалогической реплик отсутствуют, и разграничение диалогических и монологических реплик представляет сложность. В нашем исследовании к монологическим репликам относятся реплики, в которых говорящий рассказывает или размышляет о чем-то, описывает что-то в течение продолжительного времени, не получая отчетливой реакции собеседника.

1.5. Прагматический инструментарий анализа частиц

Прагматика «широко, настойчиво и последовательно эксплицирует коммуникативную сторону языкового функционирования и употребления» [Винокур 1993:22]. В данном разделе уделяется большое внимание теории речевых актов, а также подробно рассматриваются понятия пропозиции и пресуппозиции, контекста, когезии и когерентности, которые будут использованы ниже при проведении прагматического анализа функций модальных частиц в драматическом диалоге.

1.5.1. Понятия пропозиции и пресуппозиции

При анализе коммуникативно-прагматических функций модальных частиц в контексте того или иного речевого акта необходимо ввести понятие пропозиции. Пропозиция – это «именно тот объект, с которым имеют дело речевые акты (а также модальные операторы, предикаты пропозициональной установки и нек. др.)» [Падучева 1985:34]. Суждения, которые представляет пропозиция (от англ. *proposition суждение*), не являются, как и предложения, истинными или ложными сами по себе, а приобретают одну из этих характеристик в выражающем их высказывании и, далее, в речевом акте, причем пропозиция – это «общее содержание утверждений, суждений, обещаний, пожеланий и желаний, вопросов и ответов, того, что может быть возможным или вероятным» [Stalnaker 1972:390], то есть суждение может выступать не только как утверждение, но и как, например, предположение или мнение. Пропозиция, выражаемая в высказывании, является, таким образом, важным элементом любого речевого акта, в речевом акте пропозиция утверждается, обретает форму, приобретает различные иллокутивные

функции. Разнообразные средства эпистемической модальности, в частности модальные частицы, выражают отношение говорящего к достоверности содержания той или иной пропозиции и являются средствами выражения пропозициональной установки говорящего [Крылова 2012:23]. «Пропозициональная установка, то есть субъективное отношение говорящего к содержанию пропозиции, складывается, как нам представляется, из следующих основных для высказывания оценок: эпистемической, аксиологической и адмиративной» [Крылова 2021:47]. Субъектом пропозиции, или пропозициональным субъектом, мы будем называть грамматический субъект в предложении, в котором употреблена частица.

Предложения естественного языка «не являются семантически элементарными, а разлагаются на смысловые компоненты» [Падучева 1985:48]. Некоторые из этих смысловых компонентов могут составлять пропозиции. Пропозиции могут вступать друг с другом в определенные отношения: «одна пропозиция может определять другую, быть ее причиной или следствием, включаться в ее состав и т. д.» [Яковлев 2011:158]. Пропозиции могут быть выражены в предложении эксплицитно или имплицитно. Подразумеваемый семантический компонент предложения, не выраженный в нем с достаточной эксплицитностью, называется пресуппозицией (презумпцией) [Падучева 1985:60]. Так, если кто-то говорит: «Ваш друг ждёт вас на улице», то очевидна пресуппозиция, что у вас есть друг и что вы знаете, какую улицу имеет в виду говорящий». Если у вас спрашивают: «Почему вы опоздали?», то пресуппозицией является сам факт вашего опоздания [Ружицкий 2001:13].

Пресуппозиция «входит в семантику предложения как фонд общих знаний собеседников, как их предварительный договор» [Арутюнова 1973:85-86]. Развитие теории пресуппозиции (Фреге, Кинэн, Лакофф) связано со стремлением исследователей разграничить в рамках семантики то, что утверждается в языке, и то, что является предпосылкой этого утверждения, – эксплицитовать смыслы, запряванные в предложение.

Н. Д. Арутюнова выделяет несколько разновидностей пресуппозиций в зависимости от значения, в котором этот термин употребляется в исследованиях:

- 1а. коммуникативно-нерелевантные элементы значения предложения (экзистенциальные пресуппозиции);
- 1б. коммуникативно нерелевантные компоненты значения слова, обеспечивающие правильное отнесение слова к денотату;
2. представление говорящих о естественных отношениях между событиями (логические пресуппозиции);
3. условия эффективности речевого акта (прагматические пресуппозиции);
4. семантическая детерминация одного слова или высказывания другим словом или высказыванием в тексте (синтагматические пресуппозиции);
5. представление говорящего о степени осведомленности адресата речи (коммуникативные пресуппозиции) [Арутюнова 1973:89].

В контексте анализа модальных частиц наиболее интересными представляются прагматические и коммуникативные пресуппозиции, поскольку они являются важным формальным средством для описания семантики коммуникативной структуры предложения. Под пресуппозициями в прагматическом аспекте понимаются предпосылки, предварительные «условия, которым должен отвечать мир для того, чтобы высказывание могло быть воспринято в его прямом смысле» [Keenan 1971:47]. Коммуникативные пресуппозиции представляют собой презумпции говорящего о знаниях слушающего, их содержание может включать, например, отсылку к фоновым знаниям коммуникантов.

Субъективные миры говорящего и слушающего против объективного мира действительности

В речевом акте «язык оказывается употребленным для выражения того или иного соотношения с действительностью» [Бенвенист 1974:313]. При помощи высказываний говорящий стремится «установить некоторое соотношение, референцию с реальным миром... Референция, как соотнесенность с внешним

миром, является неотъемлемой частью речевого акта» [там же с. 314]. Действительно, каждое высказывание требует соотнесения с объективным миром реальности, поскольку говорящий, как адресант сообщения, неизбежно находится под влиянием различных социальных факторов, его восприятие действительности так или иначе ограничено. То же можно сказать и об адресате сообщения – слушающем. Его восприятие высказывания может отличаться от того, каким предполагал его говорящий: это связано с тем, что слушающий тоже находится в своем ограниченном мире. Таким образом, реальность обоих участников коммуникации оказывается субъективной и установить соотношение этой реальности с объективной действительностью бывает не очень просто.

«Для лингвиста реальная действительность – это действительность, которая подается говорящим как реальная, для лингвиста важно, подчеркивается ли возможное несовпадение этого мира с реальным миром при помощи специальных языковых средств: наклонения, модальных слов, интонации» [Шмелев 2002:35]. Говорящий может представлять свое высказывание как достоверное и, если в данной коммуникативной ситуации имеется достаточно объективных причин считать его таковым, – например, он обращается к фоновым для обоих коммуникантов знаниям, чему-то общеизвестному или общепринятому, – вопрос соотнесения такого высказывания с объективной реальностью не стоит. «В случае же возможного несовпадения субъективного мира говорящего с реальным миром действительности, т. е. при отсутствии или недостаточности информации о нем, говорящий, используя специальные средства, информирует слушающего об этом несовпадении и о мере своей ответственности за передачу недостоверной информации. В случае несовпадения, с точки зрения говорящего, субъективного мира слушающего с его собственным и/или объективным миром действительности, говорящий также использует специальные средства функционального воздействия на слушающего для подтверждения эксплицируемой им степени достоверности высказывания и меры своей ответственности за нее» [Крылова 2021:58]. Одним из таких специальных средств являются модальные частицы.

Для правильной интерпретации пропозиции, считывания заложенных в высказывание пресуппозиций и, соответственно, правильного анализа коммуникативно-прагматических функций модальных частиц необходимо учитывать «внесловесный», ситуативный контекст, то есть условия, в которых совершается коммуникативный акт: «время и место, где мы находимся в момент восприятия, а также намерения говорящего или пишущего, его мнение, ожидание, интересы и т. п.» [Ружицкий 2001:13]. Ближайшее языковое окружение высказывания – лингвистический контекст, – хотя и выполняет важные функции в тексте, в частности, позволяя языковым единицам реализовывать референциальные функции, недостаточен для понимания целостного смысла беседы.

Ситуативный контекст высказывания складывается из трех моментов:

- 1) из общего для говорящих пространственного кругозора (единство видимого: *комната, окно* и проч.);
- 2) из общего же для обоих знания и понимания положения;
- 3) из общей для них оценки этого положения» [Волошинов 1926:249-250].

1.5.2. Теория речевых актов

Пропозиции воплощаются в речевых актах. Чтобы коммуникация состоялась, и коммуникативная цель говорящего была достигнута, собеседник должен не только услышать и воспринять пропозицию говорящего, но и понять его коммуникативное намерение. Говорящий и слушающий являются равнозначными участниками коммуникативной ситуации и несут равную ответственность за ее развитие и успешность. На этом принципе основана теория речевых актов, впервые сформулированная Дж. Остином [Austin 1962] и развитая Дж. Сёрлем [Searle 1975], Й. Олвудом [Allwood 1988], К. Бахом и Р. Харнишем [Bach, Harnish 1979], и др. По Остину единый речевой акт является трехуровневым образованием: «Речевой акт в отношении к используемым в его ходе языковым средствам выступает как локутивный акт; в отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления — как иллокутивный акт; в отношении к своим результатам — как перлокутивный акт» [Остин 1986:26]. При этом иллокутивный акт считается

центральным в этой трихотомии, и коммуникация будет успешной, даже если перлокутивный эффект – конкретное действие собеседника – отсутствует: «В иллокутивном акте наше речевое действие успешно, когда наши слушатели распознают наше намерение. Однако наше воздействие на слушателей не предполагает результата в виде их веры нам или непосредственной реакции, а предполагает лишь их понимание нашего намерения. В этом состоит иллокутивный акт» [Searle 1975:47].

Другим аспектом, представляющим интерес для данного исследования, является то, что для иллокутивного акта важен контекст, в котором говорящий исполняет свое коммуникативное намерение: говорящий как бы опирается на конкретную коммуникативную ситуацию и вовлекает в нее собеседника. Это происходит естественно, поскольку единство коммуникативной ситуации является важной отличительной чертой диалога. В общем контексте «активизируются общие для говорящего и собеседника убеждения и знания» [Bach, Harnish 1979:117].

Дж. Остин выделил пять типов иллокутивных актов:

- вердиктивы (выражают оценочное мнение, предположение);
- экзерситивы (выражают приказы, советы, предостережения);
- комиссивы (выражают обещания, обязательства, намерения);
- бехабитивы (смешанная группа, выражающая различные социальные установки);
- экспозитивы (объясняют точку зрения или аргумент).

Позже Дж. Сёрл доработал его исследование, в результате чего появилась классическая теория речевых актов.

Й. Олвуд при определении речевых актов отмечает, что «каждый коммуникативный акт имеет две базовые функции: экспрессивную и эвокативную» [Allwood 1976:57]. Экспрессивная функция раскрывает отношение говорящего: убежденность в чем-то, удивление, вовлеченность в то, о чем он говорит. Эвокативная функция подразумевает ту реакцию, которую говорящий стремится

вызвать у слушающего: доверие, удивление, готовность к действию. Таким образом, Олвуд выделяет четыре основных речевых акта: декларативный (акт утверждения), интеррогативный (акт вопроса), директивный (акт побуждения) и экспрессивный (акт выражения).

По мнению Е. В. Падучевой [Падучева 1985:25], в **декларативном акте** говорящий стремится донести до собеседника некое утверждение, в котором сам в той или иной степени убежден, и хочет, чтобы собеседник ему поверил/согласился с ним. Этот акт подразумевает, что:

- говорящий имеет основания считать пропозицию истинной;
- для говорящего не очевидно, что слушающий знает об истинности пропозиции.

В декларативном речевом акте мы выделяем три центральные категории:

- утверждение говорящим какого-либо факта;
- объяснение говорящим какого-либо действия или события;
- оценку говорящим какого-либо факта или события.

В **интеррогативном акте** говорящий запрашивает у собеседника ответ на вопрос. Это предполагает, что:

- говорящий не знает ответа;
- говорящий верит, что слушающий знает ответ, но ни для него, ни для слушающего не очевидно, что слушающий сам сообщит нужную информацию [Падучева 1985:27].

В **директивном акте** говорящий призывает собеседника к тому или иному действию с помощью просьбы или приказа. В этом случае:

- говорящий предполагает, что слушающий в состоянии совершить это действие;
- ни для говорящего, ни для слушающего не очевидно, что слушающий совершит это действие сам по себе.

Среди всех директивных речевых актов принято разделять три класса: предписания (прескриптивные акты), советы (суггестивы) и просьбы

(реквестивные речевые акты). Внутри этих классов выделяются различные функциональные варианты.

К предписаниям относятся приказ, распоряжение, запрет, требование и т.д.

Советы включают в себя предложение, призыв, предупреждение.

Просьбы предполагают необязательность выполнения действия для адресата, наличие у него права на принятие решения о выполнении либо невыполнении действия, «выгодность действия для говорящего» [Searle 1975:48].

В **экспрессивных речевых актах** говорящий выражает опасение, злость, угрозу, досаду, надежду, возмущение и др.

1.5.3. Косвенные речевые акты

При анализе диалогической речи необходимо также учитывать разделение речевых актов на прямые и косвенные. «Под косвенными речевыми актами понимаются такие высказывания, формальные свойства которых не соответствуют иллокутивной силе, непосредственно выводимой из их прагматического контекста» [Рахилина, Бычкова, Жукова 2021:9], то есть в косвенных речевых актах есть «несоответствие между формальным строением предложения и реальным коммуникативным предназначением соответствующего высказывания» [Булыгина, Шмелев 1992:111], в отличие от прямых актов, где иллокутивный эффект предопределяется собственным значением высказывания. Различение прямых и косвенных речевых актов и формирующих их высказываний приводит к необходимости различать собственное и прагматическое значение языковых единиц [Гак 1992:7-11]. Поскольку модальные частицы имеют прагматическую семантику, можно предположить, что они могут участвовать в формировании косвенных речевых актов. Выявление такой роли модальных частиц является одной из задач настоящего исследования. Среди косвенных речевых актов выделяют, например, «предположение в форме вопроса, речевые акты вежливости, уговаривания, побудительные косвенные речевые акты, риторические вопросы и др.» [Крылова 2012:50]. Рассмотрим отдельно некоторые из них.

Риторические вопросы

Риторические вопросы находятся на стыке между вопросительными и повествовательными предложениями. Они оформлены как вопросительные предложения, однако имеют иллокутивную функцию эмфатического утверждения: назначение такого вопроса – «вести в поле зрения коммуникантов ‘ответ’, заведомо известный им или ‘ответ’, к которому, по мнению говорящего, слушающий неминуемо должен прийти, исходя из того, что стало ему известно» [Кобозева 1988:42]. Определение риторического вопроса как конструкции, в которой наблюдается расхождение формы и значения, позволяет соотнести его с косвенными речевыми актами [Бердник 1982:54]. Риторический вопрос, с одной стороны, не требует ответа, поскольку ответ уже известен говорящему. С другой стороны, сама формулировка вопроса, даже риторического, предполагает обязательность ответа [Конрад 1985:359, Якубинский 1986:134, Йокояма 2005:77]. Функция риторического вопроса – привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон, создать приподнятость, т. е. вовлечь адресата в рассуждение или переживание, как бы заставляя самого сделать вывод [Крылова 2021:42].

В нашем материале риторические вопросы в их классической интерпретации не встречаются. Однако некоторые высказывания с частицами, как будет видно из примеров в третьей главе, выполняют именно такую функцию – говорящий обращается к слушающему не затем, чтобы получить ответ, а чтобы подчеркнуть свое отношение к той или иной ситуации. Таким образом, высказывание, не являясь риторическим вопросом по существу – вопрос только подразумевается, – выполняет функцию такого вопроса в драматическом диалоге.

К риторическим вопросам примыкают также **модальные вопросы повествовательной структуры**. Такие высказывания сохраняют порядок слов, характерный для повествовательного предложения (вопросительные предложения в шведском языке характеризуются инвертированным порядком слов, при котором личная форма глагола предшествует грамматическому субъекту), однако употребляются с вопросительным знаком и соответствующей интонацией.

Поскольку такие вопросы не имеют своей целью получение определенной информации, а предназначены только для подтверждения выдвинутой говорящим гипотезы, то их можно, вслед за Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым, отнести к гипотетическим предложениям в функции вопроса, т.е. к косвенным речевым актам [Булыгина, Шмелев 1997:296].

Косвенные речевые акты вежливости

Говорящий не выполнит свое коммуникативное намерение в полной мере, если будет игнорировать принятые в обществе нормы вежливости [Allwood 1976:136]. Нормы вежливости распространяются не только на лексическое наполнение высказывания и его просодические особенности, но и на определение очередности при ведении диалога. В обычной ситуации говорящий стремится донести до собеседника свою мысль, не обидев его, не спровоцировав конфликт.

П. Браун и С. Левинсон выделяют две различные стратегии вежливости, которые могут помочь говорящему достичь коммуникативной цели и расположить к себе собеседника:

- стратегии сближения с собеседником с помощью обращения напрямую к собеседнику, попытки найти общие для себя и собеседника аспекты ситуации, комплиментов и т.д. (положительная вежливость);
- стратегии отстранения, когда мы предоставляем собеседнику свободу (отрицательная вежливость) [Brown, Levinson 1987:13].

М. Саари, исследуя различия в коммуникации на шведском языке в Швеции и Финляндии, приходит к выводу, что в Швеции более распространена первая стратегия [Saari 1995:104].

Когда перед говорящим стоит цель добиться перлокутивного эффекта – уговорить или вынудить собеседника совершить какое-то действие – он употребляет директивные речевые акты. Стандартным средством выражения императивности является глагол в форме императива. Однако в шведском языке

восклицательные предложения с глаголом в форме повелительного наклонения воспринимаются как приказы или категорические призывы к действию [Saari 1995:88]. Для смягчения категоричности высказывания говорящий часто стремится облечь приказ или призыв в более нейтральную форму – вопроса или утверждения. В практической главе исследования анализируется роль модальных частиц в формировании косвенных речевых актов вежливости.

1.5.4. Понятия когезии и когерентности

Взаимное стремление участников диалога к успешной коммуникации обуславливает взаимосвязанность реплик на смысловом и структурно-языковом уровнях. Для развития диалога каждая реплика должна:

- иметь связь с предшествующей репликой;
- обладать собственным содержанием, релевантным в контексте данного речевого акта;
- создавать связь с последующей репликой [Lindström 2008:14].

Поскольку задача донести свою мысль до собеседника в доступной ему форме стоит перед субъектом речи – говорящим, – именно он в первую очередь несет ответственность за связность диалога. На уровне общения проблемы связности непосредственно соотносятся с принципами кооперации П. Грайса, сформулированными в виде следующих правил (максим):

- максима количества: высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется для достижения текущей коммуникативной цели;
- максима качества: говорящий должен сообщать только истинную информацию и у него должно быть достаточно оснований, чтобы считать ее таковой;
- максима релевантности: говорящий не должен отклоняться от темы;

- максима ясности: говорящий должен избегать неполных выражений и двусмысленности, его речь должна быть лаконичной и хорошо структурированной [Грайс 1985:225].

Максима релевантности, в частности, «определяет, как диалогические шаги собеседников сцепляются в определенную последовательность и формируют диалогический текст» [Володина 2015:29].

Исследователи выделяют два уровня связности текста – когезию и когерентность. Понятие «когезия» было введено М. А. К. Халлидеем и Р. Хасан в исследовании «Когезия в английском языке»: когезия – это «набор значимых отношений, общий для всех текстов, отличающий текст от “не-текста” и служащий средством обнаружения взаимозависимости содержания отдельных отрезков» [Halliday 1976:22]. Данный термин используется, в первую очередь, в отношении значения, которое обнаруживается на уровне текста и определяет его именно как текстовое произведение. Когезия, по мнению Халлидея и Хасан, является характеристикой текста, обладает семантической природой и, соответственно, реализуется через грамматику и словарный состав языка. Выделенные этими исследователями средства связности могут быть дифференцированы на грамматические (референция, субституция, эллипсис, конъюнкция) и лексические (повторы, синонимизация и другие отношения семантического характера). При этом исследователи подчеркивают важный факт: грамматические и лексические элементы «начинают выполнять функцию связующих средств, когда они интерпретируются через свои отношения с какими-либо другими элементами текста» [Halliday 1976:31-33]. В драматическом диалоге связующие средства в той или иной реплике интерпретируются через предшествующее и/или последующее высказывание и реализуются в рамках диалогического единства. В зависимости от функций средств связности в тексте логическая связь, которая создается между высказываниями или репликами, может быть анафорической (данное высказывание связано с предшествующим), катафорической (данное высказывание обнаруживает связь с последующим) или анафорико-катафорической.

Отношения когезии возникают как между высказываниями в одной реплике, так и между репликами внутри диалогического единства. При этом, как отмечает Н. Ю. Шведова, линии синтаксического подчинения выявляются почти исключительно в формах второй реплики [Шведова 1960:17]. Т. Г. Винокур выделяет два вида синтаксической зависимости второй реплики от первой:

1. Состав второй реплики является неполным, и ее смысл «восполняется» благодаря первой реплике.
2. Вторая реплика выражает различные оценочные реакции на действительность, опосредованную первой репликой. В состав второй реплики часто входит частица, модальное слово или междометие [Винокур 1953:44].

Помимо логических связей между сегментами диалогического текста, которые обеспечиваются самими участниками коммуникации, смысл, передаваемый коммуникантами, конструируется на основе «некоторых контекстуальных ресурсов, таких как предварительный контекст общения, конкретная ситуация общения, фоновые знания» [Володина 2015:25]. Эти ресурсы проявляются на глобальном уровне текста: благодаря им текст выступает, как связный, целостный феномен. Связность, выявляемую на втором, глобальном, уровне, «уровне дискурса» [Милевская 2003:60], называют когерентностью. Понятие когерентности шире понятия когезии: когезия репрезентирует формально-грамматическую связность, когерентность предполагает также «семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной) связности дискурса, как локальной, так и глобальной» [Макаров, 2003:195].

Для когерентности драматического диалога важную роль играют следующие параметры:

- единая коммуникативная ситуация (единое тематическое пространство между собеседниками);
- понимание контекста ситуации;
- общие фоновые знания.

Модальные частицы не только обладают способностью «создавать коммуникативную ситуацию и делать то или иное высказывание коммуникативно уместным» [Савельева 2018:228], но и могут связывать коммуникативные ситуации, отсылая к прошлому знанию или опыту, общему для говорящего и слушающего, или некому общеизвестному фоновому знанию, актуальному для всего общества. Однако ввиду недостаточности объективных критериев и инструментов анализа средств, обеспечивающих глобальную связность на уровне дискурса, в данном исследовании мы ограничиваемся анализом возможной связующей функции частиц на локальном уровне текста.

Выводы по главе 1

1. При анализе функций модальных частиц необходимо принимать во внимание особенности драматического диалога, который, сочетая в себе особенности устного спонтанного диалога и письменной речи, является особой разновидностью диалогического дискурса. Ограниченная возможность использования просодических средств при передаче коммуникативного намерения говорящего в письменно оформленном диалоге приводит к необходимости поиска иных коммуникативных средств, способных имплицитно выразить подразумеваемое. Одним из таких средств являются модальные частицы.
2. Единицей диалога является реплика, которая в свою очередь может состоять из одного или нескольких высказываний. Высказывания выражают пропозиции и пресуппозиции, которые раскрываются в контексте того или иного речевого акта. При анализе функций модальных частиц необходимо рассмотреть контекст, в котором употреблена частица, а также определить тип речевого акта (прямой или косвенный; декларативный, интеррогативный или директивный; утверждения, сообщения, просьбы и т.д.), в контексте которого она присутствует и который она формирует, поскольку в рамках того или иного речевого акта реализуется коммуникативное намерение говорящего.
3. Драматический диалог как цельное, литературно оформленное произведение характеризуется связностью на локальном и глобальном уровнях. Локальную

связность называют когезией, глобальную – когерентностью. Связность на уровне высказываний и реплик в рамках данного диалогического единства может осуществляться разнообразными грамматическими и лексическими средствами. Модальные частицы, как средства выражения пропозициональной установки говорящего, могут обладать некоторыми характеристиками средств связности.

ГЛАВА 2. МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование лексических единиц, относимых к классу модальных частиц, начинается с интереса лингвистов к изучению устной речи, законов ее отражения и функционирования в письменных источниках. «Причины этого обращения к частицам вполне соотносимы с общими сдвигами в языкознании: от описания факта через язык к определению отношения к этому описанию; человек может связывать высказывание с общим знанием о мире, со своим отношением к сообщаемому, может связывать высказывание с другими высказываниями в том же тексте, может соотносить его с ситуацией непосредственного действия» [Николаева 2000:304]. Прежде считалось, что устная речь возникает и развивается спонтанно и не поддается исследованию, однако с течением времени мнение исследователей изменилось, что способствовало возникновению таких направлений исследования, как дискурс-анализ, конверсационный анализ и др. [Brown, Yule 1983; Sacks, Schegloff, Jefferson 1974]. Исследования устной речи, значений и функций прагматических лексем, «передающих информацию субъективно-модального (интенционального) и метатекстового характера» [Кобозева 2008:199], начинаются практически одновременно в отечественной и западной лингвистике.

2.1. Частицы в русском языке

2.1.1. История исследования

Отличительной «типологической чертой русского языка является наличие в нем большого и развитого класса частиц» [Маркова 2017:17]. Частицы «не имеют "позитивных" категориальных признаков» [Стародумова 1997:4], то есть унифицированных черт, которые позволили бы однозначно выделить их из других классов слов, и потому их количество, выделяемое исследователями, варьируется: в «Академическом толковом словаре русского языка» приводится 131 частица [Крысин 2016], в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова – 84 частицы [Ушаков 2021], в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова –

75 частиц [Ожегов 2008]. Лингвисты также спорят по поводу описания, определения, именованя и классификации частиц.

На материале русского языка исследования, посвященные частицам как отдельному классу слов, стали появляться в 60-70-х годах XX века [Шведова 1960], хотя В. В. Виноградов еще раньше отмечал, что есть «несколько небольших групп слов, которые объединены общими свойствами гибридного – полулексического, полуграмматического типа и промежуточным положением между наречиями и модальными словами, с одной стороны, и союзами – с другой стороны. <...>. Частицы (как ни расплывчат этот термин) приходится рассматривать как особый класс слов, но в том же грамматико-семантическом кругу, к которому относятся предлоги, союзы и связки» [Виноградов 1947:664-665]. Таким образом, уже тогда исследователи обратили внимание на существование единиц, которые отличаются и от знаменательных слов – наречий, и от служебных – союзов – и призваны «вносить главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов и предложения или же служить для выражения разного рода грамматических (а, следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений» [Виноградов 1986:544].

Однако было необходимо найти «критерии отличия частиц от, к примеру, союзов и междометий и их вместе – от наречий как класса полнозначных слов» [Николаева 1985:4]. Для выделения таких критериев нужно выявить общие для всех единиц данного класса черты, что трудноосуществимо, поскольку эти единицы крайне неоднородны. Одним из возможных решений проблемы стала идея пословного описания частиц. Многие исследователи, в частности, Е. А. Стародумова, считают это решение единственно верным: «Достаточно полная и ясная картина функционирования частиц может быть представлена только на основе “пословного” их описания, исследования каждого слова – но обязательно с учетом его парадигматических связей с другими, функционально подобными словами» [Стародумова 1973:3]. Такой подход позволил определить частицы, как разряд «неизменяемых служебных слов, <...> передающих коммуникативный статус высказывания, а также выражающих отношение

высказывания и / или его автора к окружающему контексту, выраженному или подразумеваемому...» [Николаева 1990:579]. В отличие от союзов и предлогов, частицы «служат главным образом для выражения значений коммуникативного плана, а именно для обозначения различных отношений говорящего (субъекта оценки) к содержанию высказывания или к какой-то его части, а также к другому субъекту – адресату, собеседнику» [Стародумова 1997:3]. Исследованию отдельных русских частиц посвящены работы Е. А. Стародумовой, Е. В. Падучевой, И. Б. Левонтиной, Д. О. Добровольского, А. Н. Баранова, И. М. Кобозевой, А. В. Плунгяна, Е. В. Рахилиной и других.

2.1.2. Классификация русских частиц

Семантическая неопределенность частиц затрудняет их классификацию. Традиционная классификация русских частиц принадлежит В. В. Виноградову, он выделяет восемь разрядов частиц:

- усилительно-ограничительные или выделительные (*и, а, да, же, ведь* и др.);
  - присоединительные (*тоже, также, к тому же, и то, притом, все* и др.);
  - определительные (*подлинно, именно, как раз, точь-в-точь* и др.);
  - указательные (*вот, вон, это, оно, там же, туда же* и др.);
  - неопределенные (агглютинативные морфемы *то, либо,нибудь*);
  - количественные (*почти, ровно, чуть не, точно*);
  - отрицательные (*не, ни*);
  - модально-приглагольные (*бы, лишь бы, ну, пускай, пусть, да* и др.)
- [Виноградов 1986:546-554].

Исследователь отмечает, что модальные функции в той или иной степени присущи частицам всех разрядов. Кроме того, класс частиц глубоко внедряется в группу модальных слов, в результате чего складываются гибридные типы частиц, главным предназначением которых является передача модальных значений. Четко отграничить их от остальных непросто, поскольку объективных критериев отбора лексем в класс модальных частиц не существует. К этим гибридным типам, помимо

приглагольных частиц, можно отнести глагольные частицы-связки (*это, как*), вопросительные и восклицательно-вопросительные частицы (*ли, неужели, ужели, разве, что за*), а также «частицы, выражающие недоверие к чужой речи (*будто*), к чужим утверждениям и характеристикам (*якобы*), частицы, вводящие чужую речь (*мол, де* и т. п.), и некоторые другие типы [Виноградов 1986:554].

В основе классификации, приводимой в «Русской грамматике-80», также лежит функциональный критерий. Здесь выделяются следующие частицы:

1. формообразующие (с их помощью образуются формы слов – *давай(те), бы* – и синтаксические формы предложений – *пусть, пускай, да, чтоб, бы*);
2. отрицательные (выражают отрицание – *не, ни*);
3. вопросительные (совмещают значение вопросительности с более или менее ярко выраженной модальной окрашенностью – *а, ли (ль), не ... ли, неужели, никак (прост.), ужели (устар.), разве, что за, что, что ли, как*);
4. характеризующие действие по протеканию во времени или результативности (*было, бывало, бывает, чуть (было) не, едва (было) не, как, мало не (прост.), ну (с инфинитивом), только что не, нет-нет (да) и, так и*);
5. утверждающие или отрицающие реплики диалога (*да, нет, есть, точно, так, действительно, именно, вот, вот именно, как есть (прост.), ну да (разг.), хорошо, ладно (разг.), идет (разг.), ну (прост.), никак нет, тоже (мне), прямо, туда же, вот еще, где (уж), куда (уж)*).

Авторы «Русской грамматики» замечают, что модальная окрашенность характерна для класса частиц в целом [АГ-80, раздел «Частицы»], однако есть единицы, в которых «с наибольшей полнотой представлен весь комплекс модальных значений» [там же]. Эти частицы делятся на несколько подгрупп:

- частицы, подчеркивающие (усиливающие, акцентирующие) сообщение или какую-то его часть; выражающие ту или другую оценку, качественную характеристику; согласие или несогласие; предупреждение, угрозу; опасение; предложение, принятие, допущение; сомнение, неуверенность, неопределенность отношения; удивление; уверенность; стремление к смягчению, сглаженности, нерезкости выражения (*а, ведь, вон, вот, всего,*

всего-навсего, да, еще, же, и, и есть, или, именно, как есть, ли, лишь, ну, оно, просто, прямо, таки, так-таки, те, тебе, только, уж, это);

- частицы, выражающие волевою направленность, волеизъявление: призыв к согласию, к ожиданию; просьбу дать возможность сделать что-н.; решимость (*дай, дай-ка, давай-(те), сём, сём-ка* (прост.));
- частицы, выражающие завершение или выявление предшествующего состояния; соответствие или несоответствие ожидаемому; связывание с известным, отнесение к известному; предпочтительность чего-н. перед чем-н.; независимость, несвязанность с чем-либо; своевременность; единственность и исключительность; противопоставленность; обусловленность или необусловленность; уступительное отграничение; отношение сообщения к его источнику (*(и) без того, вот и, вот тебе (те) и, всё, да, де, дескать, единственно, еще, знай (знай себе), и так, и то, исключительно, лучше, мол, на что, нет, но, ну и, однако, так и, тебе, только, то-то, самое, себе, якобы*).

Используя при описании частиц дискурсивный подход, многие современные исследователи и лексикографы (И. М. Кобозева, Д. Пайар, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев и др.) описывают их в рамках более широкой группы дискурсивных или прагматических частиц или маркеров [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993]. Некоторые исследователи, в частности И. Б. Левонтина, объединяют модальные частицы в мелкие функциональные подгруппы и, к примеру, описывают лексемы *да, ну, уж, же, бишь* и др., как частицы переспроса и припоминания [Левонтина 2011], лексемы *вон* и *вот* – как дейктические частицы [Левонтина 2016], лексемы *ишь, уж, -ка, да, же, ведь* – как диалогические частицы [Левонтина 2016].

Вышеприведенные классификации подтверждают, что разряд модальных частиц является очень обширным и разнородным, при этом частицы, характеризующиеся как модальные, могут принадлежать к нескольким группам одновременно. В связи с невозможностью выделить четкие подгруппы модальных частиц, современные исследователи исходят из функций каждой частицы в

речевом акте и высказывании, как «речевом произведении, созданном в ходе речевого акта и рассматриваемом в контексте этого речевого акта» [Падучева 1985:29]. В рамках таких исследований отдельно анализируется коммуникативно-прагматическое употребление частиц в различных контекстах.

2.2. Модальные частицы в немецком и скандинавских языках

По мнению некоторых исследователей [Bergqvist 2020:480; Wessén 1958:80; Svensson 2009:199], модальные частицы проникли в скандинавские языки – датский, норвежский и шведский (в исландском и фарерском частицы появились под влиянием датского языка) – через нижненемецкий в Средние века.

Немецкий язык относят к «сильнопартиклевым языкам» [Николаева 1985:10] – т.е. языкам с большим количеством частиц. В немецком, как и в русском, список частиц является открытым и не до конца определенным: так, «грамматика серии Duden выделяет 46 частиц, грамматика Г. Хельбига (Helbig) и Й. Буши (Buscha) – 68 частиц» [Савельева 2018:1275], из которых обычно выделяют семнадцать модальных: *aber но*, *auch тоже*, *bloß лишь*, *denn тогда*, *doch однако*, *eigentlich в сущности*, *eben как раз*, *etwa около*, *erst только*, *halt просто*, *ja ведь*, *nun (mal) ну*, *nur только*, *schon же*, *vielleicht возможно*, *ruhig просто*, *wohl наверное* [König 1997:57]. Исследованию немецких модальных частиц посвящены работы В. Абраама, Х. Вейдта, А. Буркхарда, Д. Хартманна, Э. Кёнига, Г. Хельбига, В. Кёрца, Д. Франка, Э. Хентшела, Р. Ратмайра, Э. Рудольфа, В. Вольски и других.

Современный датский язык немногим уступает немецкому – здесь выделяют двенадцать частиц – *da же*, *jo ведь*, *dog все-таки*, *nu -то*, *nok скорее всего*, *vel наверное*, *vist кажется*, *mon же*, *bare просто*, *blot лишь*, *kun только* [Крылова 2012] – больше, чем в соседних норвежском и шведском.

Исследованию датских частиц посвящены, в частности, работы Д. Е. Андерсена, К. Бойе, Н. Давидсена-Нильсена, П. Дурст-Андерсена, Л. Хельторф, Т. К. Кристенсена, Х. Г. Якобсена, Е. С. Йенсена, Р. Теркельсена, Й. Мортенсена, Э. Б. Крыловой и др. Одной из отличительных особенностей

датских частиц является «их активное использование во всех стилях речи» [Крылова 2012:9].

В Норвежском академическом словаре термин «модальная частица» определяется следующим образом: «фразовое обстоятельство, которое выражает ту или иную модальность». В качестве примера приводятся *nå, da, jo, nok, vel, visst*. В «Грамматике норвежского языка» эти же единицы называются модальными обстоятельствами (*modaladverbial*) [1997:824], а К. Мак Дональд относит их к модальным наречиям (*modale adverb*) [2009:83]. Исследованием и описанием норвежских модальных частиц занимаются, в частности, Т. Фретхейм, К. Мак Дональд, А. Грэнн, Я. Т. Фолунд, С. Лье, Х. И. Ваннебу.

2.3. Модальные частицы в шведском языке

В шведскоязычном академическом дискурсе термин «модальная частица» (шв. *modalpartikel*) появился относительно недавно: впервые он был введен в работах К. Аймер [Aijmer 1977], посвященных исследованию перевода со шведского на английский и французский языки предложений с частицами. Интерес шведских лингвистов к модальным частицам совпал с началом изучения особенностей разговорной речи. Впервые о словах, которые можно отнести к этому классу, заговорили в 1963 году, когда состоялась конференция, посвященная вопросам структуры и функционирования «живого» шведского языка под названием *Svenskans beskrivning* («Описание шведского языка»). На ней шведский лингвист Ёста Хольм (G. Holm) выступил с докладом, посвященным синтаксису разговорной речи; доклад, однако, был опубликован лишь в 1996 году [Holm 1996]. Назвав модальные частицы *ju* и *väl* «легкими обстоятельствами²» (*lätta adverbial*), Хольм указал на необходимость выработки критериев для их отграничения от других «модальных обстоятельств» (*modala adverbial*). Следует отметить, что

---

² «Легкие обстоятельства» – односложные безударные обстоятельства, которые занимают первое место в ряду других обстоятельств при их наличии в предложении: *De har väl alltså tyvärr inte behagat gå* [SAG 4:90] – То есть, они, **наверное**, к сожалению, просто не пожелали идти (перевод и примечание автора, Ю. Ф.).

Хольм и многие другие исследователи, в частности авторы «Шведской академической грамматики», говоря о частицах, предпочитают употреблять термин «обстоятельство», таким образом делая акцент на функциях частиц в составе предложения.

В 1977 году К. Аймер [Aijmer 1977] продолжила исследование лексем *ju* и *väl* и назвала их «модальными частицами» (*modala partiklar*). Аймер разграничила их и «обычные обстоятельства» (*vanliga adverbial*), руководствуясь в первую очередь просодическими и синтаксическими особенностями: модальные частицы, в отличие от фразовых обстоятельств, «занимают безударную позицию и больше привязаны к определенному месту в предложении (находятся в постпозиции к личной форме глагола в главном предложении) [там же]. Исследовательница высказала мнение о принципиальной непереводаемости этих лексем и трудностях, которые возникают при их усвоении иностранными учащимися, о чем писала также, в частности, А. Вежбицкая [Wierzbicka 1976:327].

Анализ современных лингвистических исследований на материале шведского языка свидетельствует о том, что на данный момент единой классификации шведских модальных частиц не существует. Авторы относят эти лексемы к классу дискурсивных частиц (*diskurspartiklar* [Saari 1994; Norrby 2002; Lindström 2008]), дискурсивных маркеров (*diskursmarkörer* [Lehti-Eklund 2001; Ottesjö 2005a]), обстоятельств речевого акта (*talaktsadverbial* [Andersson 1976; Eriksson 1988]) или модальных частиц (*modalpartiklar* [Aijmer 1977]), исходя из того, какая их функция находится в центре внимания. Множество определений этого класса свидетельствует о разнообразии подходов ученых, а также о полифункциональности и семантической размытости частиц.

Сегодня существует три основных подхода к выделению шведских модальных частиц:

1. Некоторые авторы учитывают в первую очередь синтаксический аспект (Ф. Бейер, К. Платсак, У. Телеман и др.). Так, в последней версии «Шведской академической грамматики» [SAG 1999:4] модальные частицы описываются в

группе модальных фразовых обстоятельств (modala satsadverbial³), которые «семантически выражают отношение говорящего к содержанию высказывания или речевого акта, выражаемого в высказывании» [SAG 4:84].

2. Другие исследователи, в частности У. Юсефсон и М. Эрикссон, анализируют употребление частиц в устной речи и называют их «обстоятельствами речевого акта» [Eriksson 1988].

3. К. Аймер, Я. Линдстрём, Я-У. Эстман, Л-Г. Андерссон и некоторые другие лингвисты используют термин «модальные частицы» и считают, что они представляют собой отдельный класс слов, обладающий некоторыми характерными особенностями и выделяющийся из классов модальных фразовых обстоятельств, наречий и дискурсивных частиц [Aijmer 2016]. Однако у авторов нет единого мнения относительно того, какие единицы входят в этот класс. Так, Линдстрём выделяет модальные частицы *ju*, *väl*, *nog* и *nu* [Lindström 2008:95], а Аймер – *ju*, *väl*, *nog* и *visst* [Aijmer 1996]. Поскольку исследования К. Аймер основаны на множестве примеров из параллельных корпусов и представляются наиболее достоверными, в качестве предмета данного исследования были выбраны именно эти частицы.

Отсутствие единого мнения относительно вопроса о выделении модальных частиц в самостоятельный класс объясняется тем, что их функция в предложении/высказывании в целом близка к функции модальных наречий (*säkert* *наверняка*, *kanske* *может быть*, *tyvärr* *к сожалению*), которые «выражают оценку говорящим истинности высказывания или его отношение к высказыванию» [SAG 4:107] и могут передавать значения эпистемической модальности. Кроме того, все анализируемые нами модальные частицы графически и фонетически идентичны единицам, принадлежащим к другим морфологическим классам – в первую очередь также к наречиям. Отделить модальные частицы от других лексических классов помогает анализ их употребления с учетом синтаксической позиции и интонационного выделения. Ниже приведен обзор всех единиц, совпадающих по

---

³ Фразовые обстоятельства – лексические элементы, которые «характеризуют высказывание в целом» [Маслова-Лашанская 2005, с. 285].

графическому оформлению и звучанию с частицами ju, väl, nog и visst (здесь и далее все примеры взяты из словарей SAOB, Norstedts, Lexin, если не указано иное).

I. Наряду с **модальной частицы visst** выделяют прилагательное viss *определенный* в форме среднего рода и наречие со значением *конечно, точно*:

Men det finns ännu ett visst hopp att han kan få sina pengar tillbaka.

Остается определенная надежда на то, что он может вернуть свои деньги.

– Kommer du imorgon? – Ja, visst (Javisst).

Ты придешь завтра? – Да, конечно.

II. **Модальная частица nog** по форме и звучанию совпадает с наречием nog со значением *достаточно*, которое часто используется в современном шведском языке. В отличие от частицы, оно может занимать постпозицию по отношению к прилагательному:

Han är stark nog att lyfta 100 kilo.

Он достаточно силен, чтобы поднять 100 кг.

В этом примере nog является наречием, поскольку такая синтаксическая позиция – в постпозиции к прилагательному – нетипична для частицы.

Также наречие nog может относиться к существительному и употребляться перед ним:

Man hade nog tid, men så här är det varje gång då det gäller den svenska servicen.

Времени было достаточно, но так происходит каждый раз, когда приходится иметь дело со шведским сервисом.

В этом примере наречие nog занимает синтаксическую позицию после личной формы глагола, что характерно для модальных частиц. Определить, имеем ли мы дело с наречием или частицей, помогает интонация: в отличие от наречия частица безударна.

Ср.:

Man hade 'nog tid, men så här är det varje gång då det gäller den svenska servicen.

Времени было достаточно, но так происходит каждый раз, когда приходится иметь дело со шведским сервисом.

Man hade nog tid, men så här är det varje gång då det gäller den svenska servicen. *Время, пожалуй, было, но так происходит каждый раз, когда приходится иметь дело со шведским сервисом.*

Также наречие *nog* может употребляться в функции объекта (см. SAOB *nog*), приобретая значение предметности:

Hon fick *nog*.

Чаша ее терпения переполнилась (букв. «Она получила достаточно») (Britt-Marie var här).

Глагол *få* в значении *получать* (здесь он употреблен в форме претерита) требует прямого дополнения, что дает основание говорить о субстантивации *nog*. Употребление модальной частицы в данном контексте невозможно.

III. **Väl** может быть не только частицей, но также и существительным, и наречием:

1. Существительное *väl* *благо, благополучие, добро, радость* часто употребляется в составе устойчивых выражений и речевых клише: *i väl och ve i i радости, i i горе, allmänt väl всеобщее благо; vilja någon väl желать кому-то добра.*

Также существительное *väl* может выступать первым компонентом композитов:

- существительных: *välmening* *благое намерение*, *välgörenhet* *благотворительность*, *välfärd* *благосостояние*;
- прилагательных: *välvillig* *доброжелательный*.

2. Наречие *väl* имеет несколько значений:

A) *Хорошо, наилучшим образом*:

Är allt *väl*? *Все хорошо?*

Наречие *väl* в этом значении выступает также первым компонентом в составе композитов – причастий первого и второго типа (в конструкциях со значением успешно выполненного действия): *Han är välförberedd. Он хорошо подготовлен; Arbetet är välgjort. Работа сделана хорошо; En välfungerande maskin. Хорошо работающий аппарат.*

Б) *Слишком*:

Hon är väl för ung⁴.

Она даже слишком молода.

В) *Зато:*

Han såg inte NN men väl hennes syster.

Он не видел НН, но [зато] видел ее сестру.

Г) Значение результативности (возможно, развилось из значения (А) *сделать хорошо* => *сделать как следует* => *сделать*):

När maskinen väl har kommit igång sköter den sig nästan av sig själv.

Когда станок [как следует] раскочегарится, он уже работает почти самостоятельно.

Употребление существительного väl ограничено закрепленными в языке выражениями. Наречие väl имеет больше сфер употребления, однако в современном шведском языке значения Б), В), и Г) встречаются очень редко. В подавляющем большинстве случаев наречие является первым компонентом сложного причастия.

IV. **Ju** может входить в состав сложного союза *ju...desto чем...тем*, который употребляется исключительно перед прилагательным в сравнительной степени и предполагает определенный порядок слов:

Ju roligare jobb man har **desto** mer sällan sjukskriver man sig.

Чем интереснее работа, тем реже болеешь.

В некоторых случаях *ju* в таком значении употребляется самостоятельно:

Han blev alltmer högröstad **ju** längre kvällen led.

Он становился все более громкогосым по мере приближения вечера.

В «Шведском академическом словаре» [SAOB], в котором приводится история значений и употреблений различных лексем, *ju* описывается как наречие с большим количеством значений и функций. Так, наречие *ju* может иметь значения *всегда, постоянно*, а также быть словом-связкой и создавать логические отношения противопоставления (в возражениях значение *ju* сходно со значением наречий *dock*

⁴ В данном случае väl, в зависимости от контекста, можно принять за модальную частицу, если väl употребляется в безударной позиции: «Она, наверное, слишком молода».

однако и *åtminstone по крайней мере*) и следствия (в качестве близких синонимов указаны наречия *alltså таким образом, därför поэтому*). Также отмечается способность наречия *ju* употребляться перед модальными словами, в частности, *säkert несомненно, bestämt определенно*, и усиливать их значение. Однако последний пример подобных употреблений датируется 1750 годом. На сегодняшний день эта частица не имеет омонимов в виде наречий или модальных слов.

Таким образом, основная проблема заключается в отграничении модальных частиц от наречий и модальных слов, омонимичных с ними. Для решения этого вопроса шведская исследовательница К. Аймер [2016:150-152] разработала критерии, каждый из которых по отдельности не является однозначным, однако вместе они дают достаточно наглядную и целостную картину и потому будут использоваться нами в работе при выделении и анализе частиц.

1. Грамматические критерии

А) Морфологический: модальные частицы, в отличие от наречий, представляют собой одноморфемные образования и, соответственно, морфологически неразложимы. Действительно, одноморфемный состав *ju, väl* и *nog* не вызывает сомнений. Форма частицы *visst*, однако, совпадает с формой наречия *visst*, образованного от прилагательного *viss* (*уверенный, определенный*) с помощью суффикса *-t*. Тем не менее, в SAOB лексема *visst* рассматривается как одноморфемная.

Б) Синтаксический: модальные частицы, в отличие от наречий, относятся ко всему предложению, и в главном предложении, как правило, стоят после личной формы глагола. Также они не могут использоваться самостоятельно и формировать отдельные высказывания. Это помогает, в частности, отграничить модальные частицы и наречия *nog* и *visst*:

Han är nog stark. Он, наверное, сильный.

Han är stark nog. Он достаточно сильный.

Han kommer visst. Он, скорее всего, придет.

Kommer han? – Visst. Он придет? – Конечно.

Данный критерий, однако, как замечает, в частности, Н. Шерф [Scherf 2018:6], не столь однозначен, поскольку частицы *nog* и *visst* могут употребляться в инициальной позиции, а *ju* и *väl* могут стоять в конце предложения:

Han är mer stockholmare än göteborgare **ju**.

Он же больше стокгольмец, чем гетеборжец.

Du har redan pratat med henne **väl**?

Ты же уже поговорил с ней? [Josephson 2005:15]

Однако подобные примеры стилистически маркированы и имеют ярко выраженный разговорный оттенок [Josephson 2005:16, SAG 4:115].

2. Просодический критерий

Модальные частицы, в отличие от наречий, обычно стоят в безударной позиции в предложении:

Vi har *nog* tid (*nog* в безударной позиции). *У нас, пожалуй, есть время.*

Vi har *nog* tid (*nog* в ударной позиции). *У нас достаточно времени.*

Здесь, однако, также есть нюансы, поскольку частицы *nog* и *visst* употребляются в инициальной позиции в определенных контекстах и в таких случаях практически всегда являются ударными [Scherf 2018:36].

3. Функциональный критерий

Помимо модального значения, частицы реализуют в диалоге различные коммуникативно-прагматические функции, которые определяются в первую очередь контекстом. Принадлежность модальных частиц к устной форме бытования дискурса «позволяет говорить о том, что они имеют интерактивные функции» [Lindström 2008:96].

Кроме того, К. Аймер и Я. Линдстрём говорят о способности модальных частиц обнаруживать логические связи между высказываниями в диалоге.

4. Стилистический критерий

Большинство исследователей отмечает, что модальные частицы употребляются в основном в устной речи.

Модальные частицы и дискурсивные маркеры

Обращение к функционированию языковых единиц в устной коммуникации, применение дискурсивного и прагматического подходов к их исследованию привели к выделению группы «единиц, функционирующих в когнитивной, экспрессивной, социальной и текстовой сферах» [Schiffrin 2015:54] – исследователи назвали их дискурсивными, или прагматическими, маркерами.

Определение понятия «дискурсивный маркер» зависит от того, с какой точки зрения рассматривать данное явление. В исследованиях, проведенных на материале английского языка, М. А. К. Халлидей и Р. Хасан анализируют дискурсивные маркеры, исходя из понятия когезии [Halliday, Hasan 1976]. По их мнению, в языке существует набор единиц, которые помогают создавать связный текст, «выражая определенные значения, которые предполагают наличие других компонентов в дискурсе» [там же с. 236]. Таким образом, эти единицы – дискурсивные маркеры – обладают союзными функциями.

Д. Шиффрин анализирует дискурсивные маркеры с точки зрения дискурса как такового [Schiffrin 1987a]. Она определяет дискурсивные маркеры как «секвенциально зависимые частицы, которые обрамляют единицы речи» [Schiffrin 1987:31, Каменский 2007:172], «употребляются в инициальной позиции и связаны непосредственно с речью и текстом» [Schiffrin 2015:57]. Шиффрин замечает, что к дискурсивным маркерам могут относиться единицы, принадлежащие к разным частям речи – союзы (*and* *и*, *but* *но*), междометия (*oh* *ой*), наречия (*now* *теперь*, *then* *тогда*) и даже лексикализованные фразы (*you know* *знаешь*, *i mean* *то есть*) [там же]. Таким образом, различные единицы объединяются в группу дискурсивных маркеров исходя не из частеречной принадлежности, а из функций, которые они могут реализовывать в тексте/речи. Разделяя понятия когезии, как локальной связности текста, и когерентности, как связности глобальной, Шиффрин также отмечает важную роль дискурсивных маркеров в обеспечении связности на обоих уровнях.

Фрейзер исследует дискурсивные маркеры с точки зрения прагматики и теории пресуппозиций [Fraser 1990]. По его мнению, дискурсивные маркеры

вынесены за скобки содержания высказывания и относятся к коммуникативному намерению говорящего, тому посылу, который говорящий в это высказывание вкладывает [там же с. 387].

Вышеупомянутые исследователи не пишут в своих работах о модальных частицах, поскольку в английском языке частицы не выделяются – они «растворены в других грамматических классах» [Савельева 2018:1275]. Тем не менее, вопрос о том, в какой степени модальные частицы, как коммуникативные единицы в речи, можно отнести к дискурсивным маркерам, представляется релевантным и очень перспективным.

У лингвистов пока нет однозначного ответа на этот вопрос. Опираясь на работы Д. Шиффрин, Я. Линдстрём разделяет дискурсивные маркеры на первичные и вторичные: первичные маркеры призваны регулировать диалог и представляют собой особую категорию междометий, а вторичные маркеры – слова, выполняющие ту же функцию, но относящиеся к другим классам – союзам, наречиям и глаголам. Дискурсивные частицы, по мнению Линдстрёма, относятся к первичным маркерам и употребляются в первую очередь для регулирования и развития диалога, однако описать значения и функции каждой отдельной частицы достаточно трудно, поскольку они зависят от позиции частицы в предложении и контекста [Lindström 2008:65]. Линдстрём, ссылаясь на «Граматику финского языка» [ISK 2004:770] и исследования Х. Хильмисдоттир [Hilmisdóttir 2001] на материале исландского языка, предлагает функционально-синтаксическую классификацию дискурсивных частиц в соответствии с их позицией в диалогическом единстве или сложном синтаксическом целом, а также с их функцией регуляторов или модификаторов диалога. В *таблице 1* представлена предложенная им классификация [2008:80]:

Категория	Примеры	Синтаксические характеристики	Функция

Диалогические частицы (dialogpartiklar)	mm, a, ja, jo, nä, aha, jaha, nähä, jasså, nå, hördu, va, okej	Могут составлять отдельное высказывание в диалоге	Регуляторы
«Частицы, оформляющие высказывание» (yttrandepartiklar)	eh, äh, öh, vetdu, serdu, förstårdu, ja menar, nå, då, va	Привязаны к высказыванию, в которое включены	Регуляторы
Выделительные (фокусирующие) частицы (fokalpartiklar)	liksom, typ, sär, ba	Могут менять синтаксическую позицию в зависимости от того, к какому элементу пропозиции относятся	Модификаторы
Модальные частицы (modalpartiklar)	ju, väl, nog, nu	Определяют высказывание в целом	Модификаторы
			<i>Таблица 1</i>

Таким образом, Линдстрём включает модальные частицы в состав первичных дискурсивных маркеров с функцией модификации диалога. Стоит отметить, что частица *visst* не включена ни в одну из категорий. Однако Линдстрём включает в группу модальных частиц лексему *nu*, которая, как следует из его исследования, обладает целым рядом прагматических значений и функций, однако активно употребляется только в региональной разновидности шведского языка – финляндском шведском [Lindström 2008:99; Saari 1979]. По этой причине *nu* не рассматривается в нашем исследовании.

Вопрос о том, можно ли говорить о модальных частицах, как о дискурсивных маркерах требует дальнейшего исследования. В данной работе термин

«дискурсивные маркеры» не применяется к модальным частицам, поскольку класс частиц имеет более гомогенный состав и более узкий набор значений и функций, что дает возможность сопоставить их друг с другом и провести более глубокий анализ каждой из частиц.

2.4. Понятие и типы модальности

Модальность – одна из самых сложных и недостаточно изученных категорий, «включающая разнородные модальные характеристики, которые проявляются в разных аспектах структуры предложения, зачастую наслаиваясь одна на другую» [Золотова 1973:140]. В отечественной лингвистике к сфере модальности принято относить следующие группы значений:

1. Противопоставление высказываний по признаку реальность – ирреальность – отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего;

2. противопоставление высказываний по иллокутивной силе – типу предложения по цели высказывания (повествовательные, вопросительные и побудительные);

3. противопоставление высказываний в соответствии с ментальной установкой говорящего – выражение сомнения, гипотетичности, желательности и т. д. К этой же категории относятся значения возможности и необходимости [Падучева 2016].

Первый тип отношений получил в работах многих отечественных лингвистов (М. С. Гурычева, Н. Ю. Шведова, М. Докулил, А. Б. Шапиро, О. С. Маслов, В. А. Ицкович и др.) название «объективная модальность», второй – «иллокутивная модальность». К третьему относятся отношения желательности, необходимости, долженствования, невозможности. Этот тип принято называть субъективной модальностью.

I. Объективная модальность

Отношения объективной модальности представляют собой «противопоставление по признаку реальность-нереальность» и выражаются с

помощью категории наклонения: изъявительного — с одной стороны, условно-желательного и побудительного — с другой. Этот аспект модальности является конституирующим признаком любого предложения как в русском, так и в шведском языке (оба примера взяты из корпуса шведского языка Språkbanken):

Det skulle vara bra om bröderna kunde spela i VM i år också.

Было бы хорошо, если бы братья смогли принять участие и в Чемпионате мира этого года. (Желаемое действие, которое, возможно, осуществится);

Det skulle ha varit bra om bankerna hade gått ihop.

Было бы хорошо, если бы банки объединились (в прошлом). (Действие неосуществимо).

Основным средством выражения объективной модальности является наклонение, и этот аспект не является предметом данного исследования.

II. Иллокутивная модальность

Объективная модальность не может существовать без второго обязательного типа модальности – иллокутивного. Это связано с тем, что «вне контекста утверждения пропозиция не имеет истинностного значения, т.е. ни реальной, ни ирреальной объективной модальности» [Падучева 2016]. В рамках иллокутивной модальности выделяется три грамматических иллокутивных типа предложений: асертивы (утверждения), императивы (побуждения) и интеррогативы (вопросы).

III. Субъективная модальность и эвиденциальность

Субъективная модальность

Субъективная модальность выражает ментальную установку говорящего или, другими словами, отношение говорящего к высказываемому. «Значения, относимые к субъективной (установочной, оценочной) модальности, указывают на отношение говорящего к ситуации, о которой он сообщает, т.е. на его психологическую или ментальную установку – желательность, гипотетичность, оценку вероятности и подобное» [Падучева 2016]. М. Нурдман отмечает, что «этот аспект модальности определяет, в какой степени и каким образом говорящий комментирует степень достоверности того, что уже было сказано» [Nordman

1986:194]. Субъективная модальность, в отличие от объективной, не является конституирующим признаком высказывания и не всегда присутствует в предложении.

В. А. Плунгян особо выделяет оценочный компонент значений субъективной модальности и отмечает, что «различается несколько важнейших типов оценочных значений – в зависимости от того, какой именно параметр ситуации подвергается оценке и по какой “шкале” он оценивается говорящим как в ту или иную сторону отклоняющийся от нормы» [Плунгян 2011:318]. Так, различаются:

- оценка по степени интенсивности реализации ситуации (‘сильно’ ~ ‘слабо’);
- этическая оценка (‘хорошо’ ~ ‘плохо’, ‘правильно’ ~ ‘неправильно’, и т.п.) – в некоторых работах этот тип оценочной модальности называется аксиологической модальностью [Крылова 2012:69];
- эпистемическая оценка (оценка говорящим степени достоверности или степени вероятности данной ситуации).

Плунгян называет эпистемическую оценку «главным оценочным значением, имеющим наиболее интенсивные связи с другими значениями как в сфере модальности, так и за ее пределами» [Плунгян 2011:319].

Э. Б. Крылова определяет понятие эпистемической модальности как «отношение говорящего к содержанию пропозиции с точки зрения его достоверности и меры своей ответственности за нее» [Крылова 2012:72]. Анализируя датские модальные частицы, она выделяет три типа эксплицитно выраженных эпистемических значений:

- проблематическая модальность;
- аффирмативная модальность;
- комментирующая модальность [Крылова 2012:69-95].

«Средства выражения значений **проблематической модальности** сигнализируют о наличии у говорящего проблемы оценки содержания пропозиции

как достоверной из-за отсутствия или недостаточности информации о реальной действительности.

Средства выражения значений **аффирмативной** модальности сигнализируют о наличии, с точки зрения говорящего, аналогичной проблемы у слушающего.

Средства выражения значений **комментирующей** модальности сигнализируют о наличии, с точки зрения говорящего, проблемы восприятия конкретной ситуации (в связи с ее двусмысленностью, например) в объективном мире действительности и направлены на комментарий данной ситуации и обоснование адекватности ее понимания говорящим» [Крылова 2012:74].

Круг значений проблематической модальности является очень широким и трудно поддается классификации. К нему «относятся различные оттенки сомнения, предположения, неуверенности и даже уверенности» [Крылова 2012:75]. Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, Н. Д. Арутюнова и другие, выделяют два подтипа проблематической модальности: гипотетичность (предположительность) и неуверенность. Говорящий высказывает свое предположение о достоверности или недостоверности пропозиции. Это предположение может быть:

А) субъективной гипотезой говорящего, не имеющей подтверждения «из реальных источников объективной действительности» [Крылова 2012:75];

Б) неуверенностью, основанной на чувственном восприятии говорящего или информации, полученной от некоего третьего лица. Говорящий не уверен в достоверности полученной им информации и не может взять на себя «эпистемическое ручательство» [Булыгина, Шмелев 1992:135] за нее. Это значение некоторые исследователи, в частности Н. А. Козинцева [Козинцева 1994], относят к отдельному аспекту субъективной модальности – эвиденциальности.

С помощью средств аффирмативной модальности говорящий пытается убедить слушающего в том, что его пропозиция достоверна. «Инвариантной функцией всех средств аффирмативной модальности является функция воздействия на субъективный мир слушающего для подтверждения достоверности высказывания» [Крылова 2012:88].

Значения комментирующей модальности «связаны с проблемой восприятия реальной ситуации в объективном мире действительности» [Крылова 2012:91]. Характерной чертой всех средств выражения данного круга значений является «функциональная направленность на комментарий, или объяснение, сложившейся ситуации в реальной действительности» [там же].

Среди средств выражения эпистемической модальности в шведском языке выделяют [Nordman 1986:195]:

1. Модальные глаголы:

Sveriges största korv **måste** finnas hos DJ Burgare (здесь и далее в этом пункте источником примеров является работа Д. Петерссона *Inte, nog och visst i mittfält och fundament* [Petersson 2006]).

Самый большой хот-дог в Швеции, должно быть, продается в киоске DJ Burgare.

2. Модальные прилагательные во вводящей пропозиции;

Det **är möjligt** att Sveriges största korv finns hos DJ Burgare.

Возможно [Это возможно, что], самый большой хот-дог в Швеции продается в киоске DJ Burgare.

3. Модальные наречия и частицы;

Sveriges största korv finns **säkert** hos DJ Burgare.

*Самый большой хот-дог в Швеции **наверняка** продается в киоске DJ Burgare.*

Sveriges största korv finns **ju** hos DJ Burgare.

*Самый большой хот-дог в Швеции продается, **как ты знаешь**, в киоске DJ Burgare.*

4. Эксплицитные модусы с ментальными предикатами:

Jag tror att Sveriges största korv finns hos DJ Burgare.

***Мне кажется**, самый большой хот-дог в Швеции продается в DJ Burgare.*

Эвиденциальность

В некоторых языках существуют особые грамматические средства, которые указывают на источник информации, сообщаемой говорящим, то есть на косвенный характер этой информации. В других языках – в частности, в русском, немецком и шведском – эти значения передаются лексически. Комплекс средств, которые служат для указания на источник информации, принято объединять понятием «эвиденциальность».

Связь между эпистемической модальностью и эвиденциальностью очевидна: «эпистемическая модальность обычно означает выраженную говорящим неполную степень достоверности сообщаемой им информации, а эвиденциальность маркирует источники информации, на которых говорящий основывает свое высказывание» [Падучева 2016]. Но вопрос о том, как рассматривать эвиденциальность – как отдельную модальную категорию или как категорию эпистемической модальности, – для лингвистов является спорным.

Одни исследователи [Chung, Timberlake 1985; Козинцева 1994] считают, что оценка говорящим истинности пропозиции и указание на источник информации являются независимыми параметрами, по-разному характеризующими высказывание: «эпистемические значения характеризуют ситуацию по отношению и к актуальному миру, и к другим возможным мирам, в то время как эвиденциальные значения характеризуют ситуацию только в актуальном мире, учитывая при этом источник информации говорящего» [Буркова 2004:354]

Другие исследователи [Chafe 1986, Willet 1988, Palmer 1986, Крылова 2012] рассматривают эвиденциальные значения как разновидность эпистемических. Палмер [Palmer 1986] приводит следующую модель эпистемической модальности (табл. 2):

	«суждения», предположения (judgements)
--	--

Эпистемическая модальность (epistemic modality)	«эвиденциалы», умозаключения (evidentials)
<i>Таблица 2</i>	

В группе «суждения» высказываемая говорящим информация представляется как «возможно/вероятно, истинная». Это догадка, предположение говорящего, не основанное ни на чем, кроме его субъективного представления о том, как обстоят дела, или некоторого логического вывода, который он делает на основании своего прошлого или некоего общего знания. Группу «эвиденциалов» можно представить как умозаключение, которое говорящий делает на основании (а) непосредственного сенсорного восприятия, (б) слов третьих лиц или (в) других источников.

В первом случае речь идет о так называемой «сенсорной эвиденциальности» [Крылова 2012:79], когда говорящий ссылается на источник, доступный его чувственному восприятию [Willet 1988:57-97]:

- визуальный;
- аудитивный;
- иначе воспринимаемый

Во втором случае можно говорить о «пересказывательности» [Крылова 2012:79]: говорящий ссылается на третье лицо, которое является источником информации. В этом случае говорящий в большей степени освобождает себя от ответственности за истинность пропозиции, поскольку не может в полной мере отвечать за слова третьего лица.

В случае сенсорных эвиденциалов ответственность говорящего больше, поскольку чувства, хотя они и могут быть обманчивы, всецело принадлежат ему. В рамках пересказывательности выделяются:

- значение «отчуждения», т. е. отмежевания от чужого высказывания;
- значение сомнения говорящего в достоверности чужого высказывания;
- значение предположения говорящего о его достоверности [Отин 1966].

В шведском языке категория эвиденциальности, как и категория эпистемической модальности, выражена лексическими средствами – глаголами сенсорного восприятия, модальными наречиями и частицами с эвиденциальными функциями [Aijmer 1996].

Выводы по главе 2

1. Шведские модальные частицы *ju*, *väl*, *nog* и *visst* выделяются из классов наречий и дискурсивных маркеров благодаря своим грамматическим, просодическим, синтаксическим, морфологическим, стилистическим и функциональным особенностям.
2. Модальные частицы могут выражать оценку говорящим сообщаемого, его отношение к сообщаемому, а также возможность, гипотетичность, желаемость действия и т.д. и являются одним из средств выражения субъективной модальности.
3. Частицы *ju*, *väl*, *nog* и *visst* выражают оценку говорящим степени достоверности высказывания и степень уверенности говорящего в верности этой оценки, их можно отнести к средствам выражения эпистемической модальности, посредством которой выражается отношение говорящего к содержанию пропозиции.
4. Определение типа эпистемической модальности, в рамках которого функционирует частица, позволит обозначить ее основные значения и функции. Частицы могут выражать значения аффирмативной, проблематической или комментирующей модальности, а также эвиденциальности.

ГЛАВА 3. ФУНКЦИИ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ JU, VÄL, NOG И VISST В ДРАМАТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ

В данной главе анализируются функции шведских модальных частиц в драматическом диалоге. Полисемантичесность и полифункциональность частиц приводят к определенным трудностям в их описании и систематизации. Для упрощения этого процесса мы выделили два аспекта, на которые будем ориентироваться при анализе:

- I. функционально-грамматический;
- II. коммуникативно-прагматический.

I. Функционально-грамматический аспект

Данный аспект включает в себя следующие параметры:

1. синтаксическую позицию частицы;
2. наличие/отсутствие интонационного выделения частицы;
3. разряд местоимения, которым выражен субъект пропозиции в высказывании с частицей;
4. тип предиката;
5. логические отношения, которые наблюдаются между высказыванием с частицей и предшествующим/последующим высказыванием.

Эти параметры являются отправной точкой в нашем исследовании. Они позволяют обнаружить основные формальные закономерности употребления частиц в драматическом диалоге, а также проанализировать, могут ли частицы быть средством связности в диалоге и выполнять анафорическую, катафорическую или анафорико-катафорическую функцию. Для удобства структурирования материала был выбран единый принцип группирования примеров. Поскольку в каждом диалогическом единстве мы имеем дело с взаимодействием между говорящим и слушающим, примеры разделены на группы в зависимости от субъекта пропозиции в высказывании с частицей. Субъект пропозиции может быть выражен:

- личными местоимениями 1 лица единственного и множественного числа
jag, vi;

- личными местоимениями 2 лица единственного и множественного числа *tu, ni*;
- неопределенно-личным местоимением *man*;
- личными местоимениями 3 лица (одуш.) единственного и множественного числа *han, hon, de*;
- личным местоимением 3 лица (неодуш.) единственного числа *det*.

II. Коммуникативно-прагматический аспект

Этот аспект учитывает все коммуникативные параметры, позволяющие выявить модальное значение и коммуникативно-прагматические функции частицы, реализуемые ею в рамках данной коммуникативной ситуации в контексте того или иного речевого акта. Поскольку для полноценного анализа необходимо видеть ближайшее окружение частицы, в рассматриваемые примеры включено не только высказывание с частицей, но и одно или несколько предшествующих и последующих высказываний. Коммуникативно-прагматический аспект включает следующие параметры:

1. тип реплики, в составе которой используется частица (монологическая или диалогическая, инициативная или реактивная);
2. тип речевого акта, который формирует частица (прямой или косвенный; декларативный, интеррогативный или директивный);
3. тип иллокутивного акта, в контексте которого употреблена частица (акт утверждения, сообщения, оценки, предположения и т.д.);
4. тип субъективно-модальных значений, которые выражает частица (аффирмативный и/или проблематический);
5. коммуникативное намерение говорящего при употреблении частицы;
6. ориентацию говорящего на собеседника и то знание, к которому он обращается, чтобы представить пропозицию как истинную (собственное, чужое, общее для говорящего и собеседника или общеизвестное знание);

7. степень готовности говорящего взять ответственность за достоверность высказываемой пропозиции/потребность говорящего в подтверждении от слушающего;
8. нормы вежливости, которые стремится соблюсти говорящий.

3.1. Анализ частотности употребления модальных частиц

Ju	Väl	Nog	Visst
882	632	73	26
<i>Таблица 3</i>			

В *таблице 3* представлено количество модальных частиц, выявленное в ходе анализа материала. Таблица демонстрирует, что модальная частица *ju* является наиболее частотной, на что указывают и другие исследователи [Aijmer 1977, Svensson 2009, Eriksson 1988, Järnefelt 2019]. Количество примеров с частицей *väl* также достаточно велико, а частицы *nog* и *visst*, как видно из таблицы, заметно им уступают. Авторы «Шведской академической грамматики» также описывают единицы *ju* и *väl* как наиболее распространенные модальные фразовые обстоятельства [SAG 4:114-117].

3.2. Характеристика модальной частицы *ju*

Авторы «Шведской академической грамматики» относят *ju* к подгруппе модальных фразовых обстоятельств, которые призваны выражать убежденность говорящего в достоверности пропозиции (*försanthållande satsadverbial*) [SAG 4:114]. Они отмечают, что *ju* употребляется преимущественно в декларативных речевых актах, не может быть ударным и имеет строго определенную синтаксическую позицию – после личной формы глагола, перед другими фразовыми обстоятельствами. Инициальная или конечная позиция *ju* возможна только в разговорном стиле или диалекте:

Då kan man inte hjälpa honom över gränsen **ju**. [SAG 4:114]

* Тогда ему не смогут помочь пересечь границу **ведь**.

Как пишут авторы «Грамматики», главная функция *ju* заключается в том, чтобы отослать слушающего к источнику информации, доступ к которому у него есть, – то есть, говорящий дает собеседнику понять, что рассчитывает (или делает вид, что рассчитывает, хочет рассчитывать) на то, что он и собеседник (или общество в целом) знают или могут сделать вывод о том, что сказанное в пропозиции истинно – «как мы с тобой оба знаем» [SAG 4:114]. Для этого говорящий чаще всего обращается к прошлому, или фоновому, знанию слушающего [там же]. Таким образом, высказывание с *ju* обычно выражает что-то очевидное или уже известное слушающему и часто имеет характер «заметки на полях», некоего примечания в тексте (это замечание, вероятно, в большей степени относится к художественной прозе).

Я. Линдстрём также отмечает, что с помощью *ju* говорящий указывает на то, что у слушающего есть все основания признать его пропозицию достоверной [Lindström 2008:96], то есть с помощью данной частицы говорящий может воздействовать на слушающего таким образом, чтобы тот принял содержание пропозиции как истинное. *Ju* сигнализирует, что сообщаемое в высказывании не может вызывать сомнений, поскольку в нем выражено нечто «само собой разумеющееся» [Eriksson 1988:92]: слушающему ничего не остается, кроме как согласиться с говорящим.

Примеры из параллельного корпуса в составе Национального корпуса русского языка подтверждают мнение исследователей:

”Var inte fänig nu”, sa hon, ”jag ser **ju** att du är ensam”.

— *Да не обижайтесь, я же вижу, что вам одиноко.* [Kjell Westö. Lang (2002) | Чель Вестё. Кристиан Ланг — человек без запаха (Мария Людковская, 2005)]

В данном примере переводчица передала *ju* с помощью русской частицы *же*, которая «возвращает адресата к релевантной информации» [Бонно, Кодзасов 1998:407].

Приняв во внимание все вышесказанное, можно предположить, что частица *ju* является средством выражения **аффирмативного типа эпистемической модальности**. Однако этим ее характеристика не ограничивается: как самая

распространенная частица, *ju* «обладает большим количеством самых разнообразных функций, которые, ко всему прочему, часто накладываются друг на друга» [Eriksson 1988:92], что значительно затрудняет анализ данной частицы.

3.2.1. Перевод высказываний с частицей *ju*

«Большой шведско-русский словарь» издательства «Норстедтс» [Marklund Shararova 2012] предлагает передавать частицу *ju* на русский язык русскими частицами *ведь* или *же*. В параллельном корпусе в составе Национального корпуса русского языка также преобладают эти эквиваленты:

Ni äter mig ur huset som det är, men vad ska jag göra, ni är **ju** kött och blod.

*Вы обедаете меня в моем собственном доме, но что я могу поделать, **ведь** вы моя плоть и кровь.* [Nina Wähä. Testamente (2019) | Нина Вяха. Завещание (Е. Савина, 2020)]

Man måste **ju** ta hand om den också.

*И потом, за ней **же** еще ухаживать надо.* [Sara Kadefors. Sandor slash Ida (2001) | Сара Кадефорс. Сандор / Ида (А. Наумова, 2020)]

Нередки случаи опущения частицы при переводе:

Det var **ju** många som gjorde så på den tiden. Grävde ned sina saker.

В то время многие закапывали свои вещи. [Danny Wattin. Herr Isakowitz skatt (2014) | Данни Ваттин. Сокровище господина Исаковица (А. В. Савицкая, 2015)]

Поскольку выбор варианта перевода зависит от того, какое значение частицы реализуется в контексте, а в вышеуказанных примерах контекст отсутствует, обоснование переводческого выбора в том или ином примере требует тщательного анализа, что выходит за рамки настоящего исследования. Однако в преддверие нашего анализа следует привести краткую характеристику частиц *ведь* и *же*.

Бонно и Кодзасов называют *ведь* и *же* клитическими частицами, которые характеризуются крайней абстрактностью смысла, максимальной зависимостью семантической интерпретации от контекста [Бонно, Кодзасов 1998:390].

Частица *ведь* представлена в словарях, неоднократно рассматривалась в литературе и считается относительно изученной; см. [Бонно, Кодзасов 1998; Кобозева 2008; Левонтина 2011]. Согласно словарям [Морковкин 1997, Ожегов, Шведова 1997], *ведь* может выполнять в тексте роль частицы и союза со значениями причины, присоединения, уступки, условия. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *ведь* определяется как частица, которая «подчеркивает сказанное, в мыслях или в речи противопоставляя это чему-нибудь другому как мотив, как известное, очевидное или как более целесообразное» [Ожегов, Шведова 1997:71]. Функцию подчеркивания, акцентирования известного можно назвать прототипической: основной инвариантной семой частицы *ведь* является «знание», обладание сведениями, «проявление внутренней убежденности субъекта речи в чем-либо и стремление субъекта речи убедить адресата» [Стародумова 2002:118] – «Я знаю и считаю, что это нужно принять во внимание» [Левонтина 2005:1]. Кроме того, «ведь указывает на то, что вводимая информация, будучи адекватной, является одновременно релевантной для правильной интерпретации ситуации адресатом речи. Гарантом адекватности является действительность, гарантом релевантности – говорящий» [Бонно, Кодзасов 1998:400].

Наиболее подробно значения частицы приводят Бонно и Кодзасов [Бонно, Кодзасов 1998]. Они отмечают, что возможны два вида интерпретации ситуации в случае *ведь*: чисто когнитивная (вводимая с помощью *ведь* информация позволяет построить правильное знание) и когнитивно-поведенческая (вводимая информация позволяет выбрать правильное поведение):

*Камчадалы не знали хлеба – **ведь** в условиях вечной мерзлоты зерновые не вызревают.*

*Возьми шапку – замерзнешь **ведь**.* [Бонно, Кодзасов 1998:428-429]

Авторы выделяют аргументативное *ведь*, которое, в свою очередь, может выражать аргумент «за» и аргумент «против».

Аргумент «за»:

а) утвердительные высказывания: *Пора ложиться. **Ведь** тебе завтра рано вставать.*

б) запросы на подтверждение: *Ты **ведь** красные яблоки не ешь? Возьми зеленое.*

в) вопросы-просьбы: *У Маши завтра день рождения. Ты **ведь** ее поздравил?*

Аргумент «против»:

а) напоминание о релевантном факторе: *Зачем ты ему дал деньги? Обманет **ведь**!*

б) нарушение презумпции: *Теперь и здороваться не хочет! А **ведь** как прежде подлизывался!*

в) отрицательный комментарий: *А я вот и заплакать не могу. И **ведь** я во всем виноват...*

Ведь «переключения» установки:

Введение установки:

а) «прозрение» говорящего: *Ой, **ведь** я на лекцию опаздываю!*

б) догадка: *А **ведь** между ними что-то намечается!*

в) оценочное «прозрение»: ***Ведь** как поет!*

Замена установки:

а) замена диктума: *Ой, **ведь** это водка!*

б) замена модуса: *Дошли **ведь** все-таки, а?* [Бонно, Кодзасов 1998:430-439].

Частица же также хорошо исследована лингвистами. Противопоставляя *же* частице *ведь*, некоторые исследователи делают вывод о том, что «по своим функциям *же* близка к частице *ведь*, но, тогда как *ведь* вносит в высказывание «мягкие ноты», *же* является более экспрессивным, жестким и категоричным [Vasilyeva 1972:54]. На то же указывают словари, в которых *же* описывается как частица и как союз. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, например, *же* выступает как частица, которая «подчеркивает сказанное с некоторым оттенком раздражения, недовольства по поводу того, что приходится говорить об известном, очевидном, повторять сказанное, напоминать или требовать снова: *Ты же знаешь, что этого нельзя делать*» [Ожегов, Шведова 1997:190-191]. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова *же* рассматривается как частица, «употребляющаяся для смыслового выделения, подчеркивания значения

слова, после которого ставится»: *На первом же экзамене провалился; Да не кричите же так!*; а также как частица, «употребляющаяся для подчёркивания, усиления смысла сказанного (при сопоставлении, противопоставлении): *Что ты стоишь? Тебя же ждут!*; *Что ты в этом понимаешь? Ты же не специалист*» [Кузнецов 1998:301]. Н. Ю. Шведова отмечает, что в построениях с частицей *же* выявляются три круга значений: 1) акцентирование; 2) усиление; 3) удивление, соединенное с тем или иным отношением к тому, о чем сообщается [Шведова 1960:223-224]. Таким образом, прототипической функцией частицы *же* также является способность подчеркивать, акцентировать известное, однако в отличие от *ведь*, с помощью *же* говорящий в большей степени воздействует на собеседника, данная частица обладает большей риторической активностью, «*ведь* — маркер нормы, а *же* — маркер превышения нормы» [Кобозева 2008:204]. Кроме того, *же* в большей степени направлена на то, чтобы «возвращать адресата к релевантной информации» [Бонно, Кодзасов 1998:406-407], то есть акцентировать информацию, хорошо известную собеседнику.

Авторы работы «Дискурсивные слова русского языка» отмечают, что у разных употреблений *же* прослеживается общее значение: эта частица «маркирует сохранение точки слежения в сфере введенного в предтексте когнитивного объекта. Говорящий использует *же*, когда предполагает, что партнер может выйти за пределы актуализированной зоны когнитивного поля» [Бонно, Кодзасов 1998:407].

Авторы выделяют несколько сфер действия *же*:

1. Аргументативное *же*

а) аргумент «против»: *Что ты лежишь! Петя же приехал!*

б) аргумент «за»: *Приезжайте к нам на дачу. Там же такой лес, такая река!*

2. *Же* подтверждения

Ну к Вале-то приходите все вместе! – Мы были же у Вали!

3. *Же* аргументативно-противопоставительное

Ну сами посудите, как я могу эти деньги получить? Не дадут же мне их без вашей подписи!

4. Конструкции с *же...ведь* (аргументация нападения и подтверждение)

*Ну почему бы действительно не отпустить человека в деревню? **Ведь** просился **же**, каждый день просился.*

5. *Же* побуждения

а) позиция следования в причинно-следственных конструкциях: *Этот разговор уже описан Гоголем, не будем **же** повторяться.*

б) повторные просьбы: *Да пригласи **же** меня в ресторан.*

6. *Же* в вопросах

а) повторные вопросы: *Так когда **же** он придет?*

б) возражение: *Какой **же** это Ваня?* [Бонно, Кодзасов 1998:407-427]

Вышеприведенная характеристика двух русских частиц помогает выбрать и обосновать наиболее адекватный вариант перевода высказываний со шведской модальной частицей *ju*, а также высветить некоторые функциональные особенности шведской частицы.

3.2.2. Анализ коммуникативно-прагматических функций *ju*

I. Подлежащее выражено местоимением 1 лица единственного или множественного числа *jag/vi*

Среди примеров данной подгруппы особый интерес вызывают те, в которых частица употребляется в монологической реплике, ориентированной в первую очередь на самого говорящего. В подобных примерах мы наблюдаем некое размышление вслух, предназначенное для собеседника лишь в той степени, в какой ему необходимо понимать состояние говорящего в момент речи:

(1) Johanna: <...> Det var ett recept som jag såg i tidningen. <...> Jag tänkte att vi kunde äta det någon gång.

Jonas: Ja, det såg jag också. Jag tänkte själv att jag skulle riva ut det. <...> Men jag tror att jag slängde tidningen imorse. Jag tror att jag slängde den utan att tänka på det. Jag vet inte vad jag tänkte på. Jag tänkte **ju** att vi skulle testa det till helgen. <...> Jag glömde bara bort det.

Johanna: Nu kom du ihåg det.

Paus. (Tyst musik)

Юханна: <...> Я увидела в газете один рецепт. <...> Подумала, что его можно будет как-нибудь опробовать.

Юнас: Да, я его тоже видел. И тоже подумал, что стоит его вырезать. <...> Но утром я, кажется, выбросил газету. Я ее, кажется, выбросил, не подумав о рецепте. Не знаю, о чем я думал. Я же думал опробовать его на выходных. <...> Я просто забыл о нем.

Юханна: Ну, вот теперь ты о нем вспомнил.

(Пауза.)

В примере (1) частица *ju* включена в реактивную реплику говорящего. Перед нами контекст пояснения – говорящий поясняет предыдущую мысль («Не знаю, о чем я думал [когда выбросил рецепт], потому что хотел опробовать его на выходных»). Отреагировав на слова собеседника, говорящий меняет тему, углубляется в размышления о причинах своего поступка. Синтаксический параллелизм (*Jag tror att jag slängde...*), многочисленные повторы (в частности, глагола *tänka*) подкрепляют предположение о том, что мы наблюдаем поток мыслей говорящего, не предназначенный для кого-то, кроме него самого. С помощью частицы *ju* говорящий напоминает себе, что собирался сделать. Это воспоминание сопровождается упреком в свой адрес: «Как же я мог про это забыть?». Любопытно, что в рассматриваемом примере Юнас дважды использует одну и ту же формулировку – *jag tänkte...*, однако частица *ju* присутствует только во второй. Это дополнительное усиление передается в русском переводе частицей *же*, обладающей, по сравнению с *ведь*, большей риторической активностью.

Высказывание с *ju* связано с предшествующим высказыванием говорящего отношениями пояснения: «...странно, что я так поступил, [потому что] я хотел опробовать рецепт на выходных». Эта анафорическая связь выражена имплицитно, и частица помогает ее обнаружить. Если частицу убрать, причинно-пояснительная связь пропадет. Таким образом, в данном примере можно говорить о связующей функции *ju*, благодаря которой она развивает действие в диалоге.

Большинство реплик с *ju*, однако, являются диалогическими, что подтверждает диалогический характер данной частицы, отмеченный во многих исследованиях. Наиболее частотными оказались примеры, в которых реплики с *ju* используются в контексте объяснения или пояснения – говорящий стремится объяснить собеседнику причину тех или иных слов или действий. При этом он ориентируется на собеседника и обращается к общему для них обоим знанию, как бы включая собеседника в свою ситуацию. Частица *ju* при этом сигнализирует о наличии общего для обоих коммуникантов знания и таким образом помогает говорящему реализовать стратегию сближения с собеседником. В некоторых примерах *ju* употребляется с целью манипуляции: когда говорящий утверждает, что слушающему это известно, у слушающего не остается возможности возразить:

(2) Han: Det var bra att du ringde.

Hon: Ja.

Han: Vi älskar **ju** varandra.

Hon: Ja, jag älskar dig. (Allt...innan)

Он: Хорошо, что ты позвонила.

Она: Да.

Он: Мы же любим друг друга.

Она: Да, я люблю тебя.

В примере (2) мы наблюдаем причинно-пояснительные отношения между двумя высказываниями говорящего, которые составляют отдельные реплики (**Хорошо, что ты позвонила, потому что мы любим друг друга*). При этом союз между высказываниями отсутствует, ответственность за обнаружение такой логической связи полностью лежит на частице. Таким образом, *ju* в данном случае реализует анафорическую функцию.

В других примерах говорящий стремится напомнить собеседнику о некоем факте, о котором тот мог забыть. При этом частица усиливает риторическую активность высказывания, подчеркивает уверенность говорящего в том, что собеседник обладает необходимым знанием:

(3) Jonas: Var köpte du lammköttet?

Johanna: I Hallen.

Jonas: Jaså. Där.

Olof: Vi brukar **ju** gå dit.

Jonas: Ja, jag vet. Vi brukade gå dit. (Tyst musik)

Юнас: Где ты купила баранину?

Юханна: В «Халлене».

Юнас: Ах там. Ясно.

Улоф: Мы же туда обычно ходим.

Юнас: Да, я знаю. Мы туда обычно ходили.

В примере (3) высказывание с частицей связано с предыдущими высказываниями Юханны и Улофа с помощью наречия места *dit* (в переводе – дейктическое местоименное наречие *туда*), которое заменяет название магазина и пересекается с наречием *där* (*там*). Частица *ju* не реализует анафорической функции.

Частица *ju* не всегда указывает на общее для говорящего и собеседника знание. Есть примеры, в которых с помощью частицы говорящий, объясняя собеседнику причину своего поступка и указывая ему на некий релевантный факт, который тот должен знать, обращается в первую очередь к собственному знанию, а *ju* сигнализирует слушающему, что высказывание говорящего не подлежит сомнению. В подобных примерах *ju* употребляется в актах объяснения:

(4) Olof: Det var det vi ville ha. Enkelt och rent. Och ljjust.

Jonas: Ja.

Olof: Det var därför vi ville ha borgerlig begravning. Vi tror **ju** inte.

Jonas: Inte jag heller.

Улоф: Мы хотели, чтобы все было так [о похоронах]. Просто, без излишеств. И светло.

Юнас: Понимаю.

*Улоф: Вот почему мы хотели гражданскую панихиду. Мы **ведь** не верующие.*

Юнас: Я тоже.

(5) Karin: Ja. Jag är så glad för att ni kunde komma...

Johanna: Ja, jag tyckte att jag skulle gå... Vi var **ju** ändå gifta med varandra en gång i tiden... även om det känns nästan överkligt, så länge sedan som det var...

Karin: Ja. (Tyst musik)

Карин: Да. Я так рада, что вы смогли прийти...

*Юханна: Да, я подумала, что должна прийти... Мы **ведь** все-таки когда-то были супругами... хотя сейчас это кажется почти невозможным, так давно это было...*

Карин: Да.

На коммуникативно-прагматическом уровне частица сигнализирует релевантность данного факта для собеседника и таким образом объединяет коммуникантов в единое коммуникативное поле, обусловленное ситуацией. Однако поскольку в обоих примерах говорящий обращается к собственному знанию, на первый план выходит анафорическая функция частицы, благодаря которой она обнаруживает причинно-пояснительную связь между высказываниями. Здесь функция *ju* приближается к союзной.

Кроме причинно-пояснительных отношений *ju* в примерах данной подгруппы может обнаруживать логические отношения уступки и противопоставления между высказываниями:

(6) Olof: Det kändes bra att ni var där.

Jonas: Vi ses knappt... Ja, idag sågs vi **ju**.

Улоф: Хорошо, что вы пришли.

*Юнас: Мы почти не видимся... Ну, **вот** сегодня встретились.*

В примере (6) в реактивной реплике с *ju* говорящий обращается к общему для него и слушающего знанию – частица сигнализирует очевидность факта встречи для обоих коммуникантов и помогает говорящему реализовать стратегию сближения со слушающим. Кроме того, *ju* указывает на внезапное озарение говорящего – он делает оговорку, вспомнив о встрече. На логическом уровне высказывания Юнаса связаны друг с другом уступительно-противительными отношениями («мы почти не видимся, хотя/но сегодня встретились»). Частица при этом играет важную роль в обнаружении этой связи и реализует анафорическую

функцию. Передача *ju* русскими частицами *ведь* или *же* в этой ситуации кажется не лучшим решением, что продиктовано очевидностью ситуации, при которой данные русские частицы звучат неестественно. В шведском высказывании частица *ju* в первую очередь используется как средство обнаружения логических отношений между высказываниями, а во вторую очередь – на коммуникативном уровне – для выражения внезапного воспоминания говорящего.

(7) Johanna: Så bra att du kom.

Olof: Men det var **ju** färdigt på något sätt. Alla tog **ju** adjö.

Johanna: Vi kunde **ju** ha frågat några fler.

Olof: Ja... javisst. Det är klart. (Tyst musik)

Юханна [Юнасу]: Как хорошо, что ты пришел.

Улоф: Но все же как бы закончилось. Все же попрощались.

Юханна: Мы же могли бы позвать кого-то еще.

Улоф: Да... конечно. Само собой.

В примере (7) реактивные высказывания с *ju* связаны с предшествующим высказыванием собеседника противительными отношениями: «Как хорошо, что ты пришел. – Но ведь все закончилось и все попрощались. – [Да, но] ведь мы могли бы позвать кого-то еще». В обеих репликах частица употреблена в контексте возражения говорящего на утверждение собеседника. В первом случае возражение выражено эксплицитно посредством противительного союза *men* *но*, во втором случае частица высвечивает эту логическую связь самостоятельно, реализуя анафорическую функцию и развивая диалог. На коммуникативном уровне говорящий использует частицу, чтобы воздействовать на собеседника, убедить его в его неправоте. В реплике Улофа с помощью *ju* говорящий апеллирует к чему-то очевидному. В реплике Юанны *ju* приобретает эмфатическую функцию, которая подчеркивает убежденность говорящего в своей правоте.

В других примерах частица, хотя и участвует в обнаружении связи между высказываниями, не обладает полноценной связующей функцией:

(8) Jonas: ... Vem var hon? Vad var det hon sjöng? Jag tyckte att jag kände igen det.

Johanna: Det är klart du gjorde. Det var Bach... ur Matteus-passionen.

Jonas: Ja, det är klart... Den har jag **ju** hört förut.

Olof: Han tyckte om den. Erik tyckte om den. (Tyst musik)

Юнас: ... Кто это был? Что она пела? Кажется, что-то знакомое.

Юханна: Конечно, знакомое. Это был Бах... из Страстей по Матфею.

Юнас: Ах да, конечно... Я же (действительно) слышал эту музыку раньше.

Улоф: Он ее любил. Эрик ее любил.

В приведенном примере реактивное высказывание с *ju* употреблено в контексте подтверждения: говорящий подтверждает, что эта музыка ему знакома. Высказывание с *ju* обнаруживает смысловую связь с предшествующими репликами говорящего и собеседника: «Я, кажется, слышал эту музыку раньше. – Конечно, ты ее слышал. – Точно слышал». *Ju* выражает готовность говорящего согласиться со словами собеседника, помогает ему реализовать стратегию сближения с собеседником: «Я действительно ее знаю, как ты и говорил». При передаче *ju* с помощью частицы *же* высказывание приобретает дополнительную экспрессию: «Я же слышал ее раньше, как я мог забыть!». Такая экспрессия, судя по контексту, отсутствует в шведском тексте, поэтому наречие «действительно», также имеющее функцию подтверждения информации, представляется более адекватным способом перевода в данном случае.

(9) Svärdottern: Jag har plats i min bil.

Mannen: Det har vi med. Gott om plats.

Svärdottern: Vill du åka med mig?

Vännen: Visst. Det kan jag göra.

Mannen: Jag kör **ju** inte. Jag har slutat att köra. Men Klara kör så bra, så lugnt och säkert.

Dottern: Du kan lika gärna åka med oss. (Vinterförvaring)

Невестка: У меня в машине есть место.

Муж: У нас тоже. Много места.

Невестка: Хочешь поехать со мной?

Друг: Конечно. Могу поехать.

Муж: Я (ведь) не вожу машину. Перестал. Зато Клара водит очень хорошо, спокойно и уверенно.

Дочь: Ты можешь и с нами поехать.

В примере (9) с помощью *ju* говорящий стремится «создать предпосылки для продолжения темы разговора» [Eriksson 1988:93], то есть создает предпосылку для ввода следующей пропозиции: «Зато Клара водит очень хорошо, и вы можете поехать с ней». Таким образом, частица помогает создать катафорическую связь между высказываниями.

Из контекста неочевидно, к какому знанию обращается при этом говорящий – он не ожидает от слушающих знания этой информации. Частица, вместе с вводом предпосылки, употреблена для того, чтобы оправдать слова, звучащие в последующем высказывании. Поскольку для русских частиц *ведь* и *же* данная функция, судя по всему, не характерна (о ней нет упоминания в работах), при переводе *ju* можно опустить или передать посредством частицы *ведь*, которая «вводит новое знание А, из которого следует В» [Бонно, Кодзасов 1998:430].

Эмфатическая функция *ju* проявляется особенно ярко в примерах, в которых субъект пропозиции выражен личным местоимением *jag*, а предикат – глаголом *säga* *говорить* в форме прошедшего времени. В нашем материале встретилось восемь таких примеров:

(10) Han: Kan det vara här?

Hon: Jag sa **ju** att jag inte vet.

Han: Nej. (Litet Rekviem)

Он: Это может быть здесь?

Она: Я же сказала, что не знаю.

Он: Ясно.

Чаще всего в таких примерах наблюдается инверсия – инициальную позицию занимает местоимение третьего лица *det*:

(11) C: Ska du inte ha något?

D: Nej, jag har **ju** ätit. Det sa jag **ju**.

C: Jaha. (Genom)

C: Ты ничего не хочешь?

D: Нет, я же уже поел. Я же сказал.

С: Ясно.

В рассмотренных примерах *ju* употребляется в реактивной реплике, в контексте аргумента. Говорящий обращается к общему для него и собеседника знанию, т. е. напоминает собеседнику о релевантном факте, который тот в данный момент, судя по контексту, не учитывает. В переводе выбрана частица *же*.

На логическом уровне высказывания говорящего и собеседника объединены общим диалогическим единством «вопрос-ответ», и связь между ними очевидна как на текстовом, так и на смысловом уровне. Частица *ju*, если и участвует в обнаружении логических связей между высказываниями, не реализует полноценной связующей функции.

Анализируя примеры, где подлежащее выражено местоимением *vi*, необходимо отличать случаи, когда *vi* подразумевает говорящего и слушающего, от тех, когда *vi* подразумевает говорящего и третье лицо, присутствующее или не присутствующее при разговоре:

(12) Johanna: Hon skulle åka någonstans?

Jonas: Ja. Till Lund, tror jag. Hon kommer hem på lördag... Jag vet inte, det var nån konferens.

Olof: Det var fint att ni kunde vara med... Vi har **ju** känt varandra sen gymnasiet. Ni är **ju** våra äldsta vänner trots allt. Vi har **ju** gjort så mycket tillsammans. Kommer du ihåg när vi träffades första gången?

Jonas: På gymnasiet... Ja, det kommer jag ihåg. (Tyst musik)

Юханна: Она [Агнета] собиралась уехать?

Юнас: Да. По-моему, в Лунд. Она вернется в субботу... Какая-то конференция, точно не знаю...

*Улоф: Как хорошо, что вы смогли прийти... Мы **ведь** знаем друг друга со школы. Вы **ведь** как-никак наши самые старые друзья. Мы **ведь** через столько всего прошли вместе. Помнишь, когда мы встретились в первый раз?*

Юнас: В школе... Да, помню.

Пример (12) является иллюстрацией первого случая: *vi* объединяет говорящего и слушающего. В нем присутствуют три высказывания с частицей *ju*

(второе высказывание, где подлежащее выражено местоимением *ni*, включено в анализ, так как в нем *ju* служит той же коммуникативной цели и реализует те же функции). На логическом уровне все они связаны с первым высказыванием в реплике Юнаса причинно-пояснительными отношениями (*Как хорошо, что вы пришли, [потому что] мы так долго дружим, [потому что] мы через столько всего прошли вместе*). Связность высказываний обеспечивается прежде всего за счет параллелизма конструкций (*Vi har ju känt..., Ni är ju..., Vi har ju gjort...*). Однако эти отношения не выражены эксплицитно, и частица *ju* помогает обнаружить их, реализуя анафорическую функцию. Чтобы убедиться в этом, достаточно убрать частицу из текста: в таком случае получается простая констатация факта, никак не связанная с первоначальным высказыванием.

С точки зрения прагматики, реплика Улофа ориентирована на собеседников: он объясняет свою радость от их прихода, обращаясь к общему прошлому, и таким образом «актуализирует прошлый опыт» [Svensson 2009:157]. Посредством местоимения *vi*, а также частицы *ju*, говорящий стремится объединиться с собеседниками, частица помогает обеспечить это сближение (*närhetsskapande funktion* [там же]).

(13) Olof: Kom när ni vill... vi har gott om plats.

Karin: Visst har vi det... Har vi inte det?

Olof: Det är **ju** bara vi där. Karin och jag.

Karin: Det skulle vara så roligt att...om...det var länge sedan vi hade folk där. (Tyst musik)

Улоф: Приезжайте, когда хотите... у нас полно места.

Карин: Конечно, полно... Разве нет?

Улоф: Там же только мы и бываем. Мы с Карин.

Карин: Было бы так хорошо...если бы...у нас уже давно не было гостей.

В примере (13) местоимение *vi* объединяет говорящего и третье лицо. Частица *ju* использована для усиления аргумента, с помощью которого говорящий надеется убедить собеседников приехать к ним в гости. При этом говорящий может обращаться как к общему для него и собеседников, так и к собственному знанию.

Посредством частицы *ju* говорящий воздействует на субъективный мир собеседника, сообщая ему релевантный факт и включая его в свою ситуацию. Частица реализует эмфатическую функцию, предназначенную для убеждения собеседника.

На логическом уровне, поскольку речь идет об аргументе, высказывание с *ju* связано с предыдущим высказыванием говорящего причинно-пояснительными отношениями: «У нас полно места, потому что там только мы и бываем». Частица помогает обнаружить эту связь между высказываниями и, следовательно, реализует анафорическую связующую функцию.

Среди примеров данной подгруппы доминируют те, в которых *ju* реализует функцию сближения участников коммуникативного акта и помогает говорящему объединить себя и собеседника в единой коммуникативной ситуации.

II. Подлежащее выражено местоимением 2 лица единственного или множественного числа *du/ni*

Примеров употребления частицы *ju* в высказываниях, пропозициональный субъект которых выражен мест. 2 л., намного меньше (13%). По мнению Х. Бергквиста, это связано с коммуникативными особенностями частицы и ее обращенности на говорящего или собеседника. *Ju* «сигнализирует, что говорящий и собеседник обладают общим знанием, однако говорящий при этом исходит из собственного субъективного мира» [Bergqvist 2020:492].

В данной подгруппе наблюдается более явное воздействие говорящего на собеседника, при этом частица реализует эмфатическую функцию – с помощью нее говорящий не просто сообщает некий факт, который считает релевантным для собеседника, но и демонстрирует собеседнику уверенность в своей правоте:

(14) Johanna: <...> Det är jag som har fått sätta ihop alla tekniska maskiner som vi har köpt. CD:n. Videoapparaten. Tvättmaskinen. Det är jag som kör. Du har **ju** inte ens körkort.

Olof: Nej, jag vet. (Tyst musik)

Юханна: <...> Мне приходится настраивать всю нашу технику. Плеер. Видеопроектор. Стиральную машинку. И машину вожу я. У тебя же даже прав нет.

Улоф: Да, я знаю.

В приведенном примере частица употреблена в инициативной реплике в иллокутивном акте сообщения. С помощью частицы в последнем высказывании говорящий обращается к общему для него и слушающего знанию: частица подчеркивает авторитет говорящего, бесспорность его знания и убежденность в том, что слушающему это тоже прекрасно известно. В данном примере ярко проявляется способность частицы быть «маркером авторитарности» говорящего (markör för maktstrategier [Svensson 2009:156]). Кроме того, частица помогает говорящему реализовать манипулятивную стратегию и воздействовать на слушающего таким образом, чтобы он изменился.

В этом примере хорошо прослеживается и связующая функция частицы. Высказывание с *ju* связано с предыдущим высказыванием говорящего причинными отношениями: «И машину вожу я, потому что у тебя даже прав нет». Без частицы эта причинная связь пропадает: анафорическая функция частицы в данном случае приближается к союзной, которой наделена русская частица *же*.

В примерах данной подгруппы также встречаются такие, в которых частица на коммуникативном уровне сигнализирует внезапное припоминание или осознание говорящим некоего релевантного в конкретной ситуации факта:

(15) Karin: Vill du att vi ska göra det?

Johanna: Nej, varför det. Vi är väl inte släkt.

Jonas: Jag hämtar dem, när jag...

Johanna: Vi har bara varit gifta med samma man... ja, du är **ju** fortfarande gift med honom.

Paus. (Tyst musik)

Карин: Ты хочешь, чтобы мы это сделали?

Юханна: Нет, зачем? Мы же не родственники.

Юнас: Я заберу их, когда...

Юханна: Подумаешь, побывали замужем за одним и тем же мужчиной. Ну да, ты же и сейчас за ним замужем.

(Пауза.)

В приведенном примере *ju* употребляется в реактивной реплике в иллокутивном акте сообщения. Многоточие и междометие *ja* указывают на паузу в речи говорящего. Частица сигнализирует наличие общего для коммуникантов фонового знания, а также отражает внезапность припоминания Юханной факта наличия у ее бывшего мужа новой семьи.

Между высказыванием с *ju* и предшествующим высказыванием говорящего наблюдаются уступительные отношения («Всего-то побывали замужем за одним и тем же мужчиной, [хотя] ты и сейчас его жена»): Юханна поправляет себя, вдруг осознав, что Карин и сейчас замужем за Улофом. В примере (15) основную роль в обнаружении этой логической связи берет на себя прежде всего междометие *ja*, частица реализует анафорическую функцию не в полной мере.

В некоторых примерах данной подгруппы говорящий стремится воздействовать на собеседника, убедить его в верности своих слов и использует частицу, чтобы указать собеседнику на самоочевидность ситуации. В таких случаях частица употреблена в контексте аргумента:

(16) Olof: ...Ska jag dra för gardinerna? <...>

Jonas: Nej... det är bra.

Olof: Du sitter **ju** mitt i solskenet. Du ser **ju** ingenting. <...>

Jonas: Nej... det är bra... Jag kan hålla handen för ögonen. (Tyst musik)

Улоф: ...Задернуть шторы? <...>

Юнас: Нет... и так нормально.

Улоф: Тебе **же** солнце бьет прямо в глаза, ты **же** ничего не видишь. <...>

Юнас: Ничего... все в порядке... Я могу закрыть глаза рукой.

В примере (16) функция частицы приближается к функции сенсорного эвиденциала: с ее помощью говорящий указывает собеседнику на то, что в данный момент доступно сенсорному восприятию обоих. Цель говорящего – убедить собеседника в легитимности аргумента и своей правоте, и побудить его на какое-

то действие – в данном случае пересесть в другое место. Частица, таким образом, здесь реализует эмфатическую функцию.

Реактивная реплика с *ju* является возражением на реплику собеседника и связана с ней противительными отношениями: «И так нормально. – [Но] ты же сидишь прямо на солнце и ничего не видишь». Без частицы обнаружить противительные отношения между высказываниями и, следовательно, коммуникативный контекст возражения, было бы затруднительно.

В некоторых контекстах говорящий с помощью *ju* демонстрирует собеседнику убежденность в истинности вводимой им пропозиции, ориентируясь на собеседника, но обращаясь в первую очередь к собственному знанию:

(17) Johanna: Det har gått ett år redan.

Jonas: Ja... vi får se...vi får se...hur vi mår.

Johanna: Jag vet hur vi mår. Du kan **ju** åka.

Jonas: Visst.

Johanna: Jag vill vara hemma. <...> (Tyst musik)

Юханна: Уже год прошел.

Юнас: Да... посмотрим... посмотрим... по самочувствию.

Юханна: Я знаю, как мы себя чувствуем... Ты, конечно, можешь ехать.

Юнас: Конечно.

Юханна: А я хочу остаться дома <...>.

Частица *ju* в этом примере употребляется в коммуникативном акте утверждения помогает говорящему реализовать «манипулятивную стратегию» [Svensson 2009:158]: истинная воля говорящего неизвестна, вероятно, он совсем не хочет отпускать слушающего, однако использует частицу *ju*, обозначая свой авторитет. Частица реализует эмфатическую функцию.

Здесь реактивная реплика говорящего также является имплицитным возражением на реплику собеседника («Посмотрим по самочувствию. – [Но] я знаю, как мы себя чувствуем»), однако высказывание говорящего, в котором употреблена частица, связано с предыдущим высказыванием отношениями

следствия: «Я знаю, как мы себя чувствуем, [так что] ты можешь ехать». Таким образом, в данном примере реализуется катафорическая функция *ju*.

В других примерах данной подгруппы частица *ju* может реализовывать иные коммуникативные функции:

(18) Johanna: Jag vill vara hemma. Jag vill inte åka någonstans.

Karin: Ja, det är klart. Ni har **ju** ert vackra underbara hus på Gotland.

Olof: Ni ska väl åka dit... och sitta under...

Johanna: Nej.

Olof: Lövkronorna.

Karin: Ja, det är klart. (Tyst musik)

Юханна: Я хочу посидеть дома. Не хочу никуда ехать.

Карин: Да, понимаю. У вас же прекрасный дом на Готланде.

Улоф: Вы же, наверное, поедете туда... будете сидеть под...

Юханна: Нет

Улоф: ...кронами деревьев.

Карин: Вот-вот.

В приведенном выше примере частица употреблена в контексте объяснения: говорящий сигнализирует собеседнику, что понимает его, и объясняет причину этого. С прагматической точки зрения употребление *ju* здесь, на первый взгляд, неоправданно, поскольку слушающий и так прекрасно знает о существовании своего дома: истинность этой пропозиции не требует подтверждения или доказательства. С помощью частицы говорящий реализует здесь стратегию сближения с собеседником. А также частица используется говорящим для выражения внезапного припоминания.

Высказывание с *ju* связано с предшествующим высказыванием говорящего причинной связью («Я понимаю [почему ты не хочешь уезжать], [потому что] у вас прекрасный дом»), и без частицы эта связь была бы не столь очевидна, следовательно, в рассматриваемом примере *ju* реализует анафорическую функцию.

В переводе практически всех примеров использована частица *же*, «употребляющаяся для подчёркивания, усиления смысла сказанного» [Кузнецов

1998:301] и обладающая большей, чем *ведь*, риторической активностью. В данной подгруппе преобладают примеры, в которых *ju* реализует эмфатическую функцию, служит для воздействия на собеседника, манипуляции им.

III. Подлежащее выражено неопределенно-личным местоимением *man*

Примеры с местоимением *man* вынесены в отдельный пункт, поскольку представляют особый интерес для нашей работы. В таких высказываниях для подтверждения своей точки зрения говорящий обращается к общеизвестному знанию или общепринятым понятиям. В исследовании Х. Бергквиста [Bergqvist 2020], проведенном на материале корпуса разговорного шведского языка «Диалоги в Гётеборге» (шв. *Samtal i Göteborg*), предложений с частицей *ju*, где подлежащее выражено местоимением *man*, большинство. Это можно объяснить тем, что данное местоимение имеет обобщающее значение [Чекалина, Жильцова 2009:82], что позволяет говорящему апеллировать к общеизвестному знанию для воздействия на субъективный мир собеседника. В нашем исследовании таких примеров, однако, оказалось относительно немного (8 %).

В большинстве примеров данной подгруппы *ju* употребляется в иллокутивных актах возражения или аргумента. Эти контексты в целом не противоречат друг другу, поскольку возражение можно рассматривать как аргументацию противоположной точки зрения. В таких контекстах частица реализует эмфатическую функцию:

(19) Hon: Det kunde lika gärna varit sista gången jag såg dig varje gång.

Han: Jag behövde bara vara för mig själv ett tag.

Hon: Det kan man **ju** inte om man har ett litet barn att ta hand om.

Han: Nej, det vet jag. (Allt...innan)

Она: Каждый раз, когда я тебя видела, вполне мог оказаться последним.

Он: Мне просто нужно было немного побыть одному.

Она: Но так же нельзя поступать, когда у тебя маленький ребенок.

Он: Да, знаю.

В примере (19) с помощью частицы говорящий при возражении собеседнику апеллирует к общеизвестной морали: «ты же знаешь, что люди так не поступают, это нехорошо». Частица подчеркивает авторитет говорящего и призвана воздействовать на слушающего, чтобы тот согласился с выраженной в высказывании пропозицией. Высказывание с *ju* связано с предшествующим высказыванием собеседника противительными отношениями («Мне просто нужно побыть одному. – [Но] так же нельзя поступать...»), которые обнаруживаются в первую очередь с помощью частицы и эксплицируются в переводе посредством противительного союза *но* в связке с частицей *же*, вводящей нечто уже известное обоим коммуникантам. Таким образом, в рассматриваемом примере *ju* реализует анафорическую функцию и развивает действие в диалоге.

(20) D: Får jag se?

C: Det går inte.

D: Vad då?

C: Man kan **ju** inte välja ett barn så här.

D: Det vet väl jag också. Jag vill bara se vad du...vad du känner. (Om kärlek)

D: Можно посмотреть [фотографию ребенка]?

C: Так нельзя.

D: Ты про что?

C: Детей же так не выбирают.

D: Это я, конечно, тоже знаю. Просто хочу понять, что ты...что ты чувствуешь.

В примере (20) говорящий с помощью *ju* и *man* также апеллирует к общеизвестному знанию, чтобы объяснить собеседнику, почему его просьба неосуществима – перед нами акт аргумента. Кроме того, частица подчеркивает авторитетность говорящего в данном вопросе, а также ожидание, что собеседник с ним согласится.

На логическом уровне высказывание с *ju* связано с предыдущим высказыванием говорящего причинно-пояснительными отношениями: «Так

нельзя, потому что детей так не выбирают». Частица *ju* в полной мере участвует в обнаружении этой связи и реализует анафорическую связующую функцию.

(21) Johanna: ... Ska vi inte ha någonting att äta?

Olof: Ja... det är klart... Vi ska väl äta också. Det måste vi göra. Vi måste äta något. Man måste **ju** äta... Vad har vi för något?

Johanna: Jag gjorde i ordning det innan vi åkte. <...> (Tyst musik)

Юханна: ... Может, поедим?

*Улоф: Да... конечно... Нам же нужно поесть. Мы должны поесть. Мы должны съесть что-нибудь. **Ведь** надо есть. Что у нас [сегодня]?*

Юханна: Я приготовила перед отъездом. <...>

В следующем примере наблюдается интересное развитие диалогической реактивной реплики Улофа: сначала он, соглашаясь с Юханной, вспоминает, что им нужно поесть, используя модальный глагол *ska* *нужно* и местоимение *vi*, включающее всех присутствующих. Улоф пребывает в подавленном настроении (по действию пьесы они возвращаются с похорон собственного ребенка), есть ему не хочется, но он пытается заставить себя (и других) это сделать, для чего в последующих высказываниях использует модальный глагол *måste* *должен*, имеющий значение сильного долженствования. Не получив реакции от собеседников, он употребляет местоимение *man* и частицу *ju* – таким образом выражая общеизвестный факт: всем надо есть. С помощью *ju* говорящий транслирует собеседникам свою авторитетность и убежденность в этом вопросе. На логическом уровне мы наблюдаем отношения причины между высказыванием с *ju* и предшествующими высказываниями говорящего: «Нам нужно поесть, [потому что] все должны есть». *Ju* служит для обнаружения этих отношений и реализует анафорическую функцию.

Однако местоимение *man* может включать не только «неопределенное количество референтов» [Чекалина 2017:11]. Это местоимение «является одним из основных средств выражения неопределенно-личного агенса в шведском языке, которое не требует обязательного указания на отнесенность субъекта речи к неопределенному множеству референтов грамматического субъекта

высказывания, но и не исключает этого. В зависимости от контекста оно может употребляться как в обобщенно-личных высказываниях, так и в высказываниях с конкретной пространственно-временной локализацией; не исключается также его соотнесенность только с субъектом речи, который намеренно предпочитает оставаться в тени» [там же].

В примерах, где *man* подразумевает субъекта речи, говорящий стремится отстраниться от содержания пропозиции:

(22) Karin: Ja... nu är det över.

Johanna: Ja, det är väl skönt... att det är över, på sätt och vis.

Karin: Det är **ju** det man har väntat på... hela sommaren... den här dagen. Att den här dagen ska komma och gå.

Johanna: Det är nu det börjar.

Karin: Ja, man har **ju** haft så mycket... som man ska ordna... men Olof hade bestämt nästan allting in i minsta detalj... hur han ville ha det.

Johanna: Det är nu man behöver någon...

Karin: Ja. Jag är så glad för att ni kunde komma... (Tyst musik)

Карин: Ну... вот и все.

Юханна: Да, наверное, и к лучшему... в каком-то роде хорошо, что все закончилось.

Карин: Я ведь только этого и ждала... все лето...этого дня. Что этот день наступит и пройдет.

Юханна: Все только начинается.

Карин: Да, нужно ведь так много всего подготовить... но Улоф почти все продумал до мелочей... как все должно быть.

Юханна: В такие моменты так нужен кто-то...

Карин: Да. Я так рада, что вы смогли приехать...

В примере (22) Карин неприятно говорить о происшедшем, поскольку речь идет о похоронах ее мужа. Чтобы дистанцироваться от ситуации, она использует местоимение *man* вместо *jag*. При этом в обеих репликах с *ju* она сообщает слушающему факты о себе, апеллируя в первую очередь к собственному знанию (это отражает и частица *ведь*, которая «обычно вводит новое знание» [Бонно,

Кодзасов 1998:395]), и рассчитывает на то, что слушающий разделит с ней это знание и поймет ее. Ји объединяет обоих коммуникантов в единой коммуникативной ситуации и помогает говорящему реализовать стратегию сближения со слушающим. Таким образом, в рассматриваемом примере отражается противоречивое настроение говорящего: с одной стороны, он хочет дистанцироваться от действительности, с другой – поместить собеседника в свою ситуацию, в свой контекст.

В обоих случаях частица ји употреблена в реактивной реплике, развивающей и поясняющей слова второго коммуниканта. Высказывание с ји связано с предыдущим высказыванием собеседника причинно-пояснительными отношениями: «Хорошо, что все закончилось. – [Да, потому что] я только этого и ждала»; «Все только начинается. – [Да, потому что] нужно так много всего подготовить». Ји непосредственно участвует в обнаружении этих отношений и выполняет анафорическую связующую функцию.

IV. Подлежащее выражено местоимением 3 лица единственного или множественного числа *han/hon/de*

В большинстве примеров, относящихся к этой подгруппе, говорящий обращается к общему для него и собеседника знанию, чтобы донести до собеседника релевантный факт или напомнить ему о таком факте:

(23) A: Är den bra?

B: Jag vet inte... jag har sett den förut.

A: Har du sett den förut?

B: Dom visar **ju** samma filmer hela tiden. Samma film.

A: Varför tittar du på den... om du redan har sett den? (Förnimmelse)

A: *Хороший фильм?*

B: *Не знаю... я уже видел его раньше.*

A: *Ты уже смотрел его?*

B: *Они **ведь** показывают все время одни и те же фильмы. Один и тот же фильм.*

A: *Зачем ты смотришь его... если уже видел?*

Частица употреблена в диалогической реактивной реплике в иллюкутивном акте объяснения. Частица вводит факт, который, по убеждению говорящего, должен быть хорошо известен собеседнику. С помощью частицы говорящий реализует стратегию сближения с собеседником. На логическом уровне мы наблюдаем отношения причины или пояснения между высказыванием с частицей и предыдущим высказыванием говорящего: «Я уже видел этот фильм раньше, [потому что] они [как ты должен знать] все время показывают одно и то же». Таким образом, *ju* реализует анафорическую связующую функцию.

Особый интерес представляют примеры, в которых частица *ju* обычно опускается при переводе:

(24) A: Det var priset som intresserade oss. Ja, vi har råd att köpa hus?

B: De har **ju** råd.

A: Har dom?

B: Ja, det verkar så. (Genom)

A: *Нас заинтересовала цена. Ну что, у нас есть деньги на дом?*

B: *У них-то есть.*

A: *У них есть?*

B: *Да, похоже на то.*

В подобных примерах частица реализует функции, близкие к фатической – она служит исключительно для сближения говорящего с собеседником, объединения их в одной коммуникативной ситуации. Частица употреблена в контексте сообщения: говорящий представляет информацию как известную собеседнику, чтобы тот разделил его утверждение, хотя в действительности он не может быть уверен в том, что собеседник уже владеет этой информацией. На русский язык частицу *ju* кажется уместным передать русской частицей *-то*, акцентирующей местоимение и транслирующей убежденность говорящего в истинности своих слов.

Реплика с *ju* в рассматриваемом примере связана с предыдущей и последующей репликами в первую очередь благодаря лексическим повторам (*råd, de*). Связующей функции частицы здесь не обнаружено.

V. Подлежащее выражено местоимением 3 лица единственного числа *det*

В связи с многофункциональностью местоимения *det* эта подгруппа примеров является наиболее пестрой, причем в большинстве таких примеров частица *ju* реализует функции, которые уже были описаны выше (функция сближения говорящего и собеседника, эмфатическая функция и др.). Здесь мы остановимся на употреблении *ju* в контексте иллокутивного акта оценки. Подобные примеры представляют интерес для нашего исследования, поскольку в акте оценки могут употребляться все частицы, и различия в их значениях и функциях в нем особенно заметны.

Во всех примерах этой подгруппы говорящий обращается в первую очередь к собственному знанию и транслирует собеседнику свою оценку какого-то события или действия:

(25) Han: Ja...*ju* jag ska bära honom.

Hon: Jag kanske inte orkar gå.

Han: Nej men då tar vi en bil. Men det verkar **ju** fånigt att åka bil när vi bor så nära. Det är **ju** bara några hundra meter.

Hon: Det är minst en kilometer. (Litet Rekviem)

Он: Да...я понесу его.

Она: У меня, наверно, не хватит сил идти.

Он: Ну, тогда возьмем машину. Хотя (ведь) кажется глупо ехать на машине, когда живешь так близко. Всего в паре сотен метров оттуда.

Она: Как минимум в километре.

В примере (25) говорящий употребляет частицу *ju* дважды. С ее помощью он хочет убедить собеседника в том, что ехать на машине неразумно. В первом случае частица сигнализирует спонтанную мысль говорящего, а также вводит предпосылку для последующего пояснения. Высказывание с *ju* связано с предыдущим высказыванием отношения противопоставления, и эта связь выражена эксплицитно посредством противительного союза *men*.

Во втором случае говорящий объясняет слушающему подобную оценку, обращаясь к очевидному для них обоим факту. Кроме того, *ju* выполняет связующую функцию: высказывание с *ju* связано с предыдущим высказыванием говорящего причинно-пояснительными отношениями («Глупо брать машину, когда живешь так близко от нужного места»).

Следующий пример представляет особый интерес:

(26) Fadern: Det var **ju** trevligt att se er igen.

Sonen: Ja. (Om ljuset)

[Начало пьесы]

Отец: А приятно снова вас увидеть.

Сын: Да.

Здесь частица в инициативной реплике в полной мере реализует семантику спонтанности, неожиданности: говорящий сигнализирует, что не ожидал, что ему будет так приятно снова увидеть сына. Кроме того, *ju* помогает говорящему реализовать стратегию сближения со слушающим. Связующая функция частицы в данном примере не реализуется.

Краткие выводы

Частица *ju* может употребляться в декларативных речевых актах, в монологических и диалогических, инициативных и реактивных репликах, в речевом акте утверждения, сообщения, объяснения/пояснения, возражения, аргумента, оценки.

Ниже приведен анализ употребления частицы в высказываниях с различными пропозициональными субъектами:

	Jag, vi	Du, ni	Man	Han, hon, de	Det
Ju	220 (25%)	111 (13%)	67 (8%)	188 (21%)	296 (33%)
<i>Таблица 4</i>					

Из *таблицы 4* видно, что примеры с местоимением *det* в качестве субъекта пропозиции преобладают. Это вполне закономерно, поскольку это местоимение

многофункционально и может употребляться, например, в качестве местоимения, заменяющего неодушевленное существительное среднего рода, указательного местоимения, подлежащего в безличных предложениях, формального подлежащего [Чекалина, Жильцова 2018:93-95]. Помимо этого, мы видим существенное преобладание примеров с местоимениями первого и третьего лица над примерами с местоимениями второго лица (25 % против 13 %). Это, вероятно, говорит о том, что, стремясь воздействовать на собеседника, говорящий не обращается к нему напрямую, а *ji* служит ему средством убеждения собеседника в фактах, относящихся в первую очередь к нему самому, к ним обоим или к третьему лицу.

С местоимениями 1 лица частица чаще всего выражает внезапное воспоминание говорящего, напоминание говорящим чего-либо собеседнику (стратегия сближения).

Употребляясь с местоимениями 2 лица, частица выполняет эмфатическую функцию, позволяющую ей служить маркером авторитарности говорящего. Подчеркивая с помощью частицы самоочевидность ситуации, говорящий реализует манипулятивные стратегии – воздействует на собеседника таким образом, чтобы изменить ситуацию/его поведение.

С местоимениями 3 лица частица в первую очередь помогает говорящему реализовать стратегии сближения с собеседником, объединяя участников коммуникации в единой коммуникативной ситуации.

Необходимо отметить роль частицы в обнаружении логических отношений причины, уступки, противопоставления, (реже) следствия в диалоге. Обращаясь к фоновым знаниям, общим для говорящего и собеседника, сигнализируя различные пресуппозиции, а также реализуя в тексте связующую функцию (анафорическую или катафорическую), частица способствует развитию диалога.

3.3. Характеристика модальной частицы väl

Модальная частица väl, как и ju, является распространенным модальным оператором в разговорной речи. Авторы «Шведской академической грамматики» относят väl к подгруппе модальных фразовых обстоятельств, которые «выражают отношение говорящего к содержанию пропозиции, а именно разную степень его уверенности в достоверности этого содержания» (sannolikhetsgraderande satsadverbial) [SAG 4:103]. К этой группе также относятся наречия antagligen (*вероятно*), möjligen (*возможно*), kanske (*может быть*) и другие. При этом авторы «Граматики» замечают, что väl передает высокую степень уверенности в достоверности содержания пропозиции [там же с. 116]. Как и ju, väl употребляется первым среди других обстоятельств в предложении и не может занимать инициальную позицию или быть отдельным предложением, хотя лингвисты и отмечают, что в редких ситуациях спонтанной речи väl может стоять в конце фразы:

Du har redan pratat med henne **väl**? **Ты уже поговорил с ней же?* [SAG 4:115].

Частица väl, в отличие от относящихся к данной группе наречий, всегда безударна. Как отмечают авторы «Граматики», раньше обстоятельство väl могло употребляться в инициальной и ударной позиции в противительных контекстах со значением «*конечно*»:

Väl har jag lovat dig att komma någon gång i år, men jag har inte lovat att komma med detsamma. [там же] – *Конечно, я обещал приехать как-нибудь в этом году, но я не обещал приехать сразу же.*

Однако сегодня этот вариант считается устаревшим и не рассматривается в рамках данной работы.

Авторы «Граматики» отмечают, что väl обычно употребляется в декларативных речевых актах. В некоторых случаях эта частица может употребляться в вопросительных предложениях, чтобы подчеркнуть, что пропозиция, выраженная в высказывании, противоречит истинному положению вещей, и что от слушающего ожидается, что он разделит это мнение. В таких

вопросах *väl* занимает нетипичную для него синтаксическую позицию перед пропозициональным субъектом, однако сохраняет безударность:

**Har väl jag någonsin ljugit för dig? – Я что, когда-нибудь тебя обманывал?* [SAG 4:116].

Необходимо отдельно отметить употребление *väl* в так называемых модальных вопросах повествовательной структуры: такие предложения имеют прямой порядок слов, как в утвердительных предложениях, однако завершаются знаком вопроса. В таких случаях декларативный по форме речевой акт по сути превращается в «осторожный вопрос, обращение к слушающему за подтверждением информации» [там же]:

Så svårt är det väl inte att laga en punktering? – Отремонтировать проколотую шину ведь не так трудно?

Анализу *väl* как частицы посвящены исследования К. Аймера [Aijmer 1977, 2015], М. Эрикссона [Eriksson 1988], Я. Линдстрёма [Lindström 2008], Н. Шерф [Scherf 2018], С. Хёглунд [Höglund 2018], Х. Бергквиста [Bergqvist 2020].

К. Аймер не выделяет конкретного прагмасемантического инварианта *väl*, лишь отмечая, что эта частица не только выражает ту или иную степень уверенности говорящего в достоверности пропозиции, но и обладает различными коммуникативными функциями, без учета которых невозможно однозначно определить значение этой частицы [Aijmer 2015:175]. Тем не менее, материалы «Шведской академической грамматики» и другие исследования позволяют говорить о *väl* как о средстве выражения **проблематического типа эпистемической модальности** по классификации Э. Б. Крыловой [Крылова 2012]. Говорящий не уверен в достоверности содержания пропозиции, однако представляет ее как истинную и обращается к собеседнику за подтверждением своей правоты [Eriksson 1988, SAG 4:116]. Делая это, он «включает собеседника в зону ответственности за достоверность содержания пропозиции и наделяет его определенным “эпистемическим авторитетом”» [Bergqvist 2020:471]. Таким образом, частица *väl*, с одной стороны, обнаруживает некоторые сходства с *ju*: она

также сигнализирует наличие некоторого общего контекста, в котором находятся коммуниканты, наличие фонового знания, которое коммуниканты в той или иной степени разделяют. С другой стороны, употребляя *väl*, говорящий сознательно обнаруживает свою зависимость от знания собеседника, благодаря чему частица в различных контекстах приобретает целый ряд дополнительных коммуникативных функций, которые К. Аймер называет интерактивными и интерперсональными [Aijmer 2015:195].

3.3.1. Перевод высказываний с частицей *väl*

В «Большом шведско-русском словаре» издательства «Норstedтс» [Marklund Shararova 2012] частица *väl* переводится как: *наверное, может быть, надеюсь, полагаю, ли, видимо, все-таки, ведь*. В параллельном корпусе Национального корпуса русского языка предлагаются следующие эквиваленты: *наверное, небось, наверняка, кажется, сами знаете, же, ведь, случайно, пожалуй*:

– Nu är ni **väl** glada, säger hon.

– *Теперь-то вы, **наверное**, радуетесь, – сказала она.* [Annika Thor. En ö i havet (1997) | Анника Тор. Остров в море (М. Конобеева, 2006)]

En annan lyser med sin frånvaro. Men ingenting har **väl** ännu hänt? Det är något särskilt med att återvända hem.

*Второй блистает своим отсутствием. Но **ведь** еще ничего не произошло? Возвращение в отчий дом штука особая.* [Nina Wähä. Testamente (2019) | Нина Вяха. Завещание (Е. Савина, 2020)]

Det var **väl** i princip bara Lauri som hade blivit en blandning, med det mörka håret och de bleka ögonen.

***Пожалуй**, один лишь Лаури был исключением с его темными волосами и словно выцветшими глазами.* [Nina Wähä. Testamente (2019) | Нина Вяха. Завещание (Е. Савина, 2020)]

Нередко переводчики предпочитают оставлять *väl* без перевода:

Det är **väl** egentligen allt du behöver veta så här i förväg.

Собственно говоря, это все, что вам нужно знать на данный момент.
 [Fredrik Backman. Folk med ångest (2019) | Фредрик Бакман. Тревожные люди (К. Коваленко, 2020)]

Такое разнообразие вариантов перевода лишней раз подтверждает разнообразие коммуникативно-прагматических функций частицы *väl*. Тем не менее, большинство из перечисленных в словаре и корпусе эквивалентов относятся к средствам выражения предположительности, или модальной неопределенности, в русском языке: *наверное, наверняка, видимо* и т.д. [Арутюнова 1999:816]. Это подкрепляет наше решение об отнесении *väl* к средствам выражения проблематической модальности. С другой стороны, очевидно, значения частицы не ограничиваются рамками этой модальности (иначе как объяснить присутствие слов *пожалуй, все-таки, сами знаете, же, ведь* в качестве эквивалентов?). При анализе примеров мы дадим краткие комментарии относительно различных русских эквивалентов, которые помогут составить более полную характеристику частицы *väl*.

3.3.2. Анализ коммуникативно-прагматических функций *väl* в прямых речевых актах

В этом подразделе анализируются коммуникативно-прагматические функции, которые *väl* обнаруживает в прямых декларативных речевых актах.

I. Подлежащее выражено местоимением 1 лица единственного или множественного числа *jag/vi*

В большинстве примеров данной подгруппы *väl* употребляется с предикатами, выраженными модальными глаголами со значением долженствования, разрешения, возможности. Все контексты являются футуральными:

(27) Han: Och när du är där... Vad gör dom?

Hon: När jag är där får jag **väl** ligga och vänta tills det blir min tur... och sen får jag **väl** vara kvar efteråt några timmar och återhämta mig... Och sen får jag inte köra bil på 24 timmar.

Han: Det tänker du **väl** inte göra heller? Köra bil.

Tystnad.

Hon: Vad är det?

Han: Jag fryser. (Allt...innan)

Он: И когда ты там будешь... Что они будут делать?

*Она: Когда я там буду там, мне, **наверное**, придется лежать и ждать своей очереди... а потом, **наверное**, придется остаться еще на несколько часов, чтобы прийти в себя... И после этого мне нельзя садиться за руль двадцать четыре часа.*

*Он: Ты, **надеюсь**, и не собираешься этого делать? Садиться за руль?*

(Молчание.)

Она: Что такое?

Он: Мне холодно.

В приведенном примере мы анализируем употребление частицы только во второй реплике. Употребление *väl* в последней реплике этого диалогического единства подробно рассматривается ниже (см. пример (54)).

Эта реплика является диалогической и реактивной: говорящий отвечает на вопрос собеседника. Предикат выражен модальным глаголом *få* со значением необходимости совершения действия в будущем. Говорящий предлагает свою гипотезу о том, что будет происходить в больнице, при этом он исходит из своих представлений (из пьесы мы знаем, что у него еще не было подобного опыта). Таким образом, перед нами иллокутивный акт предположения. Не имея возможности подтвердить верность своего предположения, говорящий представляет его таковым и дает слушающему возможность принять его как верное или нет. Таким образом он сигнализирует слушающему, что эта пропозиция с той или иной долей вероятности может оказаться неверной, и хочет «оставить за собой право на ошибку» [Nordenstam 1989:28]. Интересно, что третье высказывание в данной реплике не содержит частицы – говорящий представляет это высказывание

как достоверный факт, поскольку получил такие указания от врача и уверен в надежности источника информации.

Модальное слово *наверное*, использованное в переводе, является показателем иллокутивной силы гипотетичности [Шмелев 1996:18], функционально направленным на слушающего, что соответствует коммуникативно-прагматической направленности *väl* в данном примере.

На логическом уровне связь реплики, содержащей *väl*, с предшествующей и последующей репликами создается прежде всего с помощью синтаксического параллелизма и лексического повтора (*När du är där...när jag är där*). Частица *väl* в этом процессе не участвует и, таким образом, не реализует связующей функции.

Последняя реплика данного диалогического единства представляет собой вопрос, в котором говорящий выражает надежду на то, что его опасения не подтвердятся, а также транслирует собеседнику свое желание получить от него ответ. При помощи ремарки (*Молчание*) автор маркирует отсутствие реакции на запрос говорящего.

Следует отметить, что авторские ремарки встречаются в проанализированных пьесах достаточно редко, что свидетельствует о стремлении автора дать читателям и постановщикам пьесы на сцене максимальную свободу в интерпретации характеров и чувств персонажей. Наиболее частотными являются ремарки *Пауза* и *Молчание*, которые служат для двух целей: 1) чтобы подчеркнуть, что запрос говорящего остается неудовлетворенным (пример (27)), или когда говорящий ждет от собеседника обратной связи, но не получает ее; 2) чтобы разграничить темы разговора (пример (28)) – после паузы коммуниканты переключаются на другую тему. Первый случай употребления ремарок представляет интерес для данного исследования, поскольку позволяет выделить случаи, где говорящий нуждается в реакции слушающего, но не получает ее. Поскольку употребление авторских ремарок в материале исследования ограничено двумя вышеперечисленными случаями, более подробно этот момент в данном исследовании не анализируется.

(28) C: Jag ska tända en lampa.

A: Nej, det behöver du inte... Det är skönt med... när det inte är så ljusst...som nu.

C: Ja.

Tystnad.

A: Du skulle ju äta.

C: Det kan jag **väl** göra sen. (Förnimmelse)

C: Я зажгу свет.

A: Нет, не надо... Лучшие с... когда не так светло... как сейчас.

C: Ладно.

(Молчание.)

A: Вы же хотели пообедать.

C: Я, пожалуй, могу сделать это и позже.

В примере (28) частица также употреблена в реактивной реплике с предикатом, выраженным модальным глаголом *kan* со значением возможности совершения действия. Однако контекст, в котором использована частица, совершенно иной: в данном случае перед нами имплицитное возражение говорящего на реплику слушающего: «Вы же хотели пообедать. – Но я могу это и позже сделать [не буду делать это сейчас]». Об употреблении *väl* в таком контексте упоминает М. Эрикссон [Eriksson 1988:102]. *Väl* сигнализирует о спонтанности решения говорящего, что передает при переводе русское модальное слово *пожалуй*: «*Пожалуй* указывает на то, что выбор происходит здесь и сейчас относительно момента речи и осуществляется самим говорящим. *Пожалуй* – слово из беседы, соответствующее спонтанной установке говорящего, когда он говорит и одновременно взвешивает сказанное» [Бонно, Кодзасов 1998:331]. В шведской реплике спонтанность решения также сопряжена с некоторой долей неуверенности говорящего.

На логическом уровне высказывание говорящего связано с предшествующим высказыванием собеседника противительными отношениями, которые обнаруживаются при анализе контекста. Формально высказывания связаны между собой посредством субституции (*äta* *есть* – *göra* *делать*). Частица *väl* не участвует в обнаружении этих отношений: ее отсутствие не меняет картины.

Среди высказываний, где субъект пропозиции выражен местоимением *vi*, интересно выделить примеры употребления *väl* в устойчивом выражении *vi får väl se*:

(29) Mannen: Här kommer hon.

Dottern: Tog det lång tid?

Mannen: Nej nej... nej, vi hade **väl** tänkt att vi skulle resa någonstans nu i höst, i oktober, men jag vet inte... Vi brukar ju göra det varje höst, försöka komma iväg ett tag... men vi får **väl** se hur det blir. (Vinterförvaring)

Tystnad.

Муж: Вот и она.

Дочь: Это заняло много времени?

*Муж: Нет, нет... нет, мы **вроде** планировали съездить куда-нибудь этой осенью, в октябре, но я не знаю... Мы ведь всегда путешествуем осенью, стараемся выехать куда-нибудь ненадолго... но **посмотрим**, как все сложится.*

(Молчание.)

Выражение *vi får väl se **посмотрим*** является устойчивым, только в параллельном корпусе НКРЯ встречается 36 случаев его употребления. В данном случае частица транслирует неуверенность говорящего в развитии будущих событий, которые он не может предсказать: «не будем загадывать». «Неопределенность в языке и речи – отзвук неопределенности в суждениях человека» [Арутюнова 1999:815]. Кроме того, в рассматриваемом примере, где местоимение *vi* не включает слушающего, наблюдается дистанцирование говорящего от действительности, отказ от принятия решения или однозначной оценки чего-либо, признание, что предугадать исход дела и, соответственно, гарантировать верность предположения, не в его силах. В переводе частица опущена, поскольку русское «*посмотрим*» уже в достаточной степени передает осторожность, неуверенность говорящего. В некоторых случаях, как отмечает К. Аймер, частица *väl* не передается при переводе на другие языки, в частности на русский (что подтверждается примерами из параллельного корпуса НКРЯ), поскольку не привносит в предложение никаких дополнительных оттенков

значения, а выполняет исключительно фатическую функцию. Проанализировав переводы предложений с частицами на английский и французский языки, Аймер делает вывод, что частица может опускаться при переводе, когда она употреблена с другими операторами эпистемической модальности:

Jag menar, jag måste **väl** ha inbillat mig det [Aijmer 2015:189].

Я имею в виду, что мне, должно быть, **наверно, все это только показалось.*

Передача обоих средств эпистемической модальности в одном высказывании невозможна, поскольку они обладают разными функциями: *väl* передает неуверенность говорящего и отсутствие у него дополнительных средств подтверждения верности своей гипотезы, а модальный глагол *måste*, напротив, свидетельствует о наличии у говорящего оснований для этого.

В примере (29) в первом случае употребления частицы (*Vi hade väl tänkt att...*) мы наблюдаем классический пример употребления *väl* в иллокутивном акте предположения: говорящий представляет предположение как истинное, однако дает собеседнику понять, что мог забыть о чем-то или понять что-то неправильно, и таким образом оставляет за собой право на ошибку. К тому же эта неуверенность вполне естественна: местоимение *vi* включает говорящего и третье лицо, так что говорящий чувствует, что не вправе говорить однозначно за себя и другого человека. При переводе использована русская частица *вроде*, употребляющаяся для выражения значений предположительности, неуверенности, сомнения в предложениях с уступительной или противительной связью: «говорящий убеждает себя, причем не категорично, в происходящем, но это убеждение с оттенком сомнения, вторая часть предложения заставляет думать об обратном, сигнализирует о противоположном» [Семенова 2000:12].

На логическом уровне в обоих случаях *väl* не обнаруживает связующей функции.

В следующих двух примерах *väl* употребляется с одним и тем же предикатом, выраженным глаголом *tänka* думать в форме прошедшего времени. Однако функции частицы в этих примерах сильно различаются:

(30) Dottern: Du hade ingen hatt. Du brukar aldrig ha hatt.

Modern: Vad konstigt.

Dottern: Jag har aldrig sett dig i någon hatt, mamma. Inte ens på vintern.

Modern: Jag tänkte **väl** att jag skulle ha det idag...

Tystnad. (Vinterförvaring)

Дочь: Не было у тебя никакой шляпы. Ты их никогда не носишь.

Мать: Как странно.

Дочь: Я ни разу не видела тебя в шляпе, мама. Даже зимой.

*Мать: **Наверное**, я подумала, что сегодня ее надо было надеть...*

(Молчание.)

В примере (30) частица *väl* употреблена в реактивной реплике. Говорящий высказывает предположение, комментируя и пытаясь объяснить возможные причины своих действий. Частица сигнализирует неуверенность говорящего в верности этого предположения, субъективность предположения, отсутствие у говорящего каких-либо доказательств или точек опоры, кроме собственных мыслей. При этом говорящий обращается к слушающему, предполагая, что тот является более компетентным в отношении пропозиции и должен подтвердить или рассеять сомнения говорящего. Здесь проявляется прототипическая функция *väl* как средства выражения проблематического типа эпистемической модальности. Это отражается в переводе с помощью модального слова *наверное*. Высказывание с *väl* имеет смысловую связь с предыдущим контекстом благодаря местоимению *det*, частица не реализует анафорической функции.

Во втором примере мы наблюдаем совершенно иную картину:

(31) Hon: Det är ingen som har ringt?

Sjuksköterskan: Ringt?

Hon: Hit, till avdelningen. Det är ingen som har ringt och frågat efter mig?

Sjuksköterskan: Inte vad jag har hört.

Hon: Nej, jag tänkte **väl** det.

Sjuksköterskan: Men jag ska höra därute om du vill.

Hon: Nej nej. Gör inte det. (Allt...innan)

Она: Никто не звонил?

Медсестра: Звонил?

Она: Сюда, в отделение. Никто не звонил и не спрашивал обо мне?

Медсестра: Нет, насколько я знаю.

Она: Я так и думала.

Медсестра: Но я могу уточнить у администратора, если хотите.

Она: Нет, нет. Не надо.

Здесь частица также употреблена в реактивной реплике: перед нами реакция говорящего на отрицательный ответ собеседника. Однако иллокутивный акт предположения здесь сменяется актом утверждения. Употребляя *väl*, говорящий стремится показать, что знал заранее, каким будет ответ собеседника, что такой ответ не стал для него неожиданностью. *Väl* подчеркивает отсутствие у говорящего сомнений в своей правоте, а также досаду говорящего по поводу сложившегося положения дел, и, таким образом, реализует эмфатическую и экспрессивную функции. В рассматриваемом примере функции *väl* приближаются к функциям частицы *ju*, что позволяет нам выделить аффирмативные характеристики *väl* и говорить о ней как о средстве выражения **аффирмативного типа эпистемической модальности**. *Väl*, по сравнению с *ju*, обладает большей риторической активностью – с *ju* это же высказывание звучало бы более нейтрально, просто как констатация факта. При переводе использована конструкция *так и*, выражающая интенсивность действия и, соответственно, так же имеющая выделительную функцию. Высказывание с *väl* связано с предыдущим высказыванием с помощью междометия *nej*, так что частица не реализует связующей функции.

Частица *väl* чаще всего приобретает аффирмативные функции при употреблении с фактивными, перцептивными, речемыслительными предикатами, в частности *veta* *знать*, *se* *видеть*, *tänka* *думать*, *säga* *говорить*:

(32) Johanna: Dom där gamla gardinerna... dom hängde jag upp en gång i tiden.

Karin: Nej.

Johanna: Jo.

Karin: Nej.

Johanna: Jo, det gjorde jag. Det vet jag **väl**.

Karin: Nej, det gjorde du inte, Johanna. (Tyst musik)

Юханна: Эти старые шторы... я повесила их здесь когда-то.

Карин: Нет.

Юханна: Да.

Карин: Нет.

Юханна: Нет, это я их повесила. Я же знаю (Что же, я не знаю, что ли?).

Карин: Нет, это не ты повесила, Юханна.

(33) B: Jag ville bara veta hur du har det.

A: Det sa jag väl.

B: Jag tyckte bara att du lät lite konstig. (Förnimmelse)

B: Я просто хотел узнать, как ты живешь.

A: Я же уже сказала [сколько раз повторять?].

B: Я просто подумал, что у тебя голос какой-то странный.

В этих примерах говорящий с помощью väl обращается к фоновым знаниям слушающего, предполагает, что тот осведомлен о действительном положении вещей и утверждаемое им не является для него неожиданностью. Этим обусловлен выбор русской частицы *же*, которая «подчеркивает сказанное с некоторым оттенком раздражения, недовольства по поводу того, что приходится говорить об известном, очевидном, повторять сказанное, напоминать или требовать снова» [Ожегов, Шведова 1997:190-191]. Важно отметить, что в этих примерах семантика väl, хотя частица и сигнализирует убежденность говорящего в своей правоте, включает интерактивность, обращенность говорящего на собеседника, стремление говорящего к взаимодействию с ним. Учитывая этот факт, а также очевидную экспрессивность частицы, кажется возможным перевод высказывания с ней с помощью риторического вопроса (*Что же, я не знаю, что ли? Сколько раз повторять?*). Своей экспрессивностью и направленностью на адресата väl, как средство выражения аффирмативной модальности, отличается от ju.

В этих примерах на логическом уровне наблюдаются имплицитно выраженные противительные отношения между высказыванием с väl и

предыдущим высказыванием собеседника (*– Это я повесила шторы. – [Но] я же знаю, что это сделала я. / – Я просто хотел узнать, как ты живешь. – [Но] я же уже сказала.*). Здесь проявляется функция *väl* в качестве средства выражения имплицитного возражения. Однако говорить о полноценной связующей функции *väl* нельзя, в этом также проявляется отличие *väl* от *ju*.

Эмфатическая и экспрессивная функции *väl* могут обнаруживаться и при употреблении частицы с другими предикатами, в иллокутивном акте возражения или объяснения (аргумента):

(34) В: Du kan ju tänka på att du inte ska glömma bort att klä på dig på morgonen innan du går ut i köket så att han inte får syn på dig när du är naken.

А: Jag går **väl** inte kring naken.

В: Man vet aldrig...vad man gör. (Förnimmelse)

В: *Помни, что по утрам нельзя забывать одеться перед тем, как пойти на кухню, чтобы он не увидел тебя в голом виде.*

А: *Я, вообще-то, и так не хожу по квартире голая [Разве я хожу голая?].*

В: *Мы никогда не знаем...что делаем.*

В примере (34) частица *väl* подсвечивает противительные отношения между высказываниями (*– Помни, что по утрам нельзя забывать одеться... – [Но] я и так не хожу голая») и выполняет ослабленную анафорическую функцию, связывая высказывание говорящего с предыдущим высказыванием собеседника.*

В следующем примере *väl* употребляется в акте объяснения:

(35) Jonas: Dom är kvar där. Det hade jag glömt.

Karin: Vill du att vi ska göra det?

Johanna: Nej, varför det. Vi är **väl** inte släkt.

Jonas: Jag hämtar dem, när jag...

Johanna: Vi har bara varit gifta med samma man. Ja, du är ju fortfarande gift med honom.

(Tyst musik)

Юнас: *Они еще там. Я забыл.*

Карин: *Хочешь, я это сделаю?*

Юханна: *Нет, зачем? Мы же [вообще-то] не родственники.*

Юнас: Я заберу их, когда...

Юханна: Мы просто были замужем за одним мужчиной. Ну да, ты ведь и сейчас за ним замужем.

Здесь высказывание с *väl* служит аргументом говорящего для объяснения своего нежелания соглашаться на предложение собеседника о помощи. Как Юханне, так и Карин прекрасно известно, что между ними нет родственных связей, говорящий апеллирует к чему-то само собой разумеющемуся: «мы, как ты знаешь, не родственники, и у тебя передо мной нет никаких обязательств, ты не обязана мне помогать». Актуализация общего для говорящего и собеседника знания входит в функции модальной частицы *ju*. Эти частицы являются здесь практически взаимозаменяемыми, на возможность таких случаев указывает М. Эрикссон [Eriksson 1988:102]. Отличительной чертой *väl* является повышенная экспрессивность.

Высказывание с *väl* связано с предыдущим высказыванием говорящего каузальными отношениями («Нет, я не хочу, чтобы ты это сделала, [потому что] мы не родственники»), другие средства связности отсутствуют и эту связь обнаруживает именно частица. *Väl* здесь реализует связующую функцию, что снова свидетельствует о пересечении функций *ju* и *väl*.

Таким образом, в первой подгруппе примеров частица *väl* обнаруживает некоторую двойственность – способность употребляться для выражения неуверенности говорящего, когда он хочет оставить за собой право на ошибку (в иллокутивном акте предположения), а также способность подчеркивать убежденность говорящего в своей правоте и реализовывать экспрессивную функцию (в иллокутивных актах утверждения, объяснения/аргумента и возражения). При этом связующая функция частицы была обнаружена лишь в одном примере, который является скорее исключением и не демонстрирует основную функциональную направленность *väl*.

II. Подлежащее выражено местоимением 2 лица единственного или множественного числа *du/ni*

В примерах этой подгруппы говорящий обращается непосредственно к собеседнику, вовлекая его в диалог:

(36) Karin: Ja, det är klart. Ni har ju ert vackra underbara hus på Gotland.

Olof: Ni ska **väl** åka dit... och sitta under...

Johanna: Nej.

Olof: Lövkronorna.

Karin: Ja, det är klart. (Tyst musik)

Карин: Да, понятно. У вас ведь прекрасный дом на Готланде.

*Улоф: Вы, **наверное**, поедете туда... будете сидеть под...*

Юханна: Нет.

Улоф: Кронами деревьев...

Карин: Да, точно.

В примере (36) частица употреблена в реактивной реплике в акте предположения, *väl* реализует функцию выражения неуверенности говорящего в достоверности содержания пропозиции. В отличие от предшествующего высказывания с *ju* (Ni har ju ert vackra hus på Gotland), где говорящий сообщает факт, опираясь на общее для него и собеседника знание (см. пример (18)), в данном высказывании говорящий высказывает гипотезу о планах собеседника на основе субъективного представления о ситуации и предоставляет собеседнику возможность подтвердить или опровергнуть это предположение. Поскольку в рассматриваемой подгруппе примеров, в отличие от предыдущей, разговор касается непосредственно адресата речи, ориентированность говорящего на собеседника проявляется в большей степени.

На логическом уровне связность между высказываниями достигается в первую очередь за счет употребления наречия места *dit tuda*, которое заменяет словосочетание «дом на Готланде» в предыдущем высказывании. Частица *väl* в данном примере не реализует связующей функции и не развивает действие в диалоге.

Авторы «Шведской академической грамматики» отмечают, что *väl* относится к модальным фразовым обстоятельствам, которые в предположении выражают высокую степень уверенности говорящего в том, что пропозиция верна [SAG 4:116]. Проведенный нами анализ примеров показывает, что это заключение не совсем верно: в разных контекстах *väl* выражает разную степень уверенности говорящего:

(37) Sonen: Ska du tillbaka till Stockholm idag?

Vännen: Nej, inte idag. Det hinner jag inte.

Dottern: Hinner gör du **väl**.

Vännen: Nej. Jag åker imorgon.

Dottern: Ja, ja. (Vinterförvaring)

Сын: Ты возвращаешься в Стокгольм сегодня?

Друг: Нет, не сегодня. Сегодня я не успею.

*Дочь: **Наверняка** успеешь.*

Друг: Нет. Поеду завтра.

Дочь. Ясно.

В приведенном примере *väl* употребляется в акте возражения и выражает высокую степень уверенности говорящего, которую он транслирует собеседнику, все же оставляя за собой право на ошибку. Высокую частотность употребления частицы *väl* в реактивных репликах, в которых говорящий высказывает возражение, отмечает М. Эрикссон [Eriksson 1988:99].

В других примерах частица выражает меньшую уверенность говорящего, что связано с незнанием говорящим обстоятельств дела или нежеланием выполнять то или иное действие:

(38) Dottern: Kan inte jag få följa med? Till Stockholm.

Vännen: Ja, det kan du **väl** göra... Tänkte du åka till Stockholm?

Dottern: Ja? Kan jag inte få åka med dig, och leva med dig? (Vinterförvaring)

Дочь: А я не могу тоже поехать? В Стокгольм.

*Друг: **Наверное**, можешь... Ты собралась ехать в Стокгольм?*

Дочь: Да? Разве нельзя поехать с тобой и жить с тобой?

В примере (38) *väl* употребляется в реактивной реплике, в контексте согласия на просьбу. Частица прибавляет этому согласию неуверенность и вынужденность, которые в тексте подчеркиваются многоточием. Высказывание с *väl* связано с предыдущим высказыванием собеседника в первую очередь с помощью междометия и субституции (гл. *följa med* *присоединиться* замещается гл. *göra* *делать*), частица не участвует в обеспечении связности диалогического текста.

В некоторых примерах *väl* служит лишь для установления контакта со слушающим, то есть выполняет фатическую функцию:

(39) Johanna: Du kan inte mena mig i alla fall.

Jonas: Nej. Absolut inte.

Johanna: Du tänkte **väl** bara på dig själv, antar jag.

Jonas: Det gjorde jag nog.

Johanna: Jag har aldrig trivts i det här rummet. <...> (Tyst musik)

Юханна: Ты точно говоришь не обо мне.

Юнас: Нет. Конечно, нет.

Юханна: Ты, как я полагаю, думал только о себе.

Юнас: Возможно.

Юханна: Мне никогда не нравилось в этой комнате. <...>

В примере (39) частица *väl* опущена в русском переводе, поскольку в предложении уже имеется маркер эпистемической модальности – глагол *anta* *полагать*. В шведской фразе, благодаря частице, слушающий понимает, что от него ждут ответа; в русской этот нюанс значения передан при помощи вопросительного знака в конце предложения. Частица *väl* в таких контекстах не реализует связующей функции.

Среди примеров данной подгруппы, также, как и в предыдущей, встречаются случаи, когда *väl* употребляется в речевом акте утверждения и приобретает аффирмативные характеристики. В большинстве примеров частица употребляется с фактивным предикатом, выраженным глаголом *veta* *знать*. Во всех примерах наблюдается имплицитное возражение говорящего:

(40) Non: Jag kan inte se ditt ansikte.

Han: Du vet **väl** hur jag ser ut.

Hon: Ja. Men jag vill se dig. (Allt...innan)

Она: Я не вижу твое лицо.

Он: Ты же знаешь [Ты что, не знаешь?], как я выгляжу.

Она: Да. Но я хочу тебя видеть.

(41) B: Det är dom som är värst. Det är dom man ska se upp med.

A: Är det?

B: Det vet du **väl**.

Tystnad. (Förnimmelse)

B: Это они хуже всего. Это их нужно опасаться.

A: Правда?

B: Ты же и сама знаешь [Как будто ты сама не знаешь].

(Молчание.)

При анализе подобных примеров (а также примера (32)) необходимо отметить, что **väl** в них может быть наречием со значением *хорошо*. В таком случае это слово будет ударным. Однако мы в данной работе исходим из того, что порядок слов и интонация в рассматриваемой фразе являются нейтральными, и считаем **väl** частицей. Знать что-то хорошо – значит знать что-то наверняка: таким образом, возможность интерпретации **väl** как наречия в подобных контекстах подтверждает наличие у частицы **väl** аффирмативного значения и, соответственно, эмфатической функции.

Помимо эмфатической функции **väl** реализует здесь функцию экспрессивную, транслируя слушающему недовольство говорящего тем, что тот не понимает его с первого раза или не учитывает какие-то известные им обоим факты. Обращенность к собеседнику и ожидание его ответа обуславливают возможность использования в переводе риторических вопросов.

На логическом уровне в обоих случаях прослеживается имплицитное возражение («Я не вижу твое лицо. – [Но] ты же знаешь...»; «Правда? – [Но] ты же

и сама знаешь»). Как средство выражения имплицитного возражения, частица отчасти реализует анафорическую связующую функцию.

Употребляясь с местоимениями второго лица, *väl* может выразить разную степень уверенности говорящего в своей правоте, помогая ему снять с себя ответственность за достоверность содержания пропозиции. В речевом акте сообщения *väl* может приобретать аффирмативное значение и реализовывать эмфатическую и экспрессивную функции. В таких контекстах *väl* может отчасти реализовывать связующую анафорическую функцию, как средство выражения имплицитного возражения.

III. Подлежащее выражено неопределенно-личным местоимением *man*

В нашем материале встретилось довольно мало примеров с местоимением *man* (4 %), что свидетельствует о более личностной направленности частицы: говорящему важно обратиться лично к собеседнику и донести до него свою мысль, используя местоимения первого и/или второго лица. Во всех примерах этой подгруппы *väl* употребляется с предикатом, выраженным модальным глаголом. Поскольку местоимение *man* служит для выражения значения «неопределенно представляемого субъекта» [Булыгина, Шмелев 1992:45], оно разбавляет интерактивную природу частицы, позволяя говорящему реализовывать стратегии вежливости: «Это не я считаю, что нужно поступить так, а в целом в подобных ситуациях, наверное, принято поступать именно таким образом»:

(42) Jonas: <...> Vi har inte pratat om det. Det är mycket som vi inte pratar om. Vi hinner inte.

Karin: Nej, det är klart.

Jonas: Nej, det mesta... har vi inte pratat om.

Karin: Det kommer.

Jonas: Jag vet inte... Man ska **väl** försöka ta sig tillbaka till livet... på ett eller annat sätt... eller så ska man göra slut på det... <...>

Karin: Jag tycker synd om henne. (Tyst musik)

Юнас: <...> Мы не говорили об этом [о покупке нового холодильника]. Мы много о чем не разговариваем. Не успеваем.

Карин: Понимаю.

Юнас: Да почти ни о чем... не разговариваем.

Карин: Еще успеете.

Юнас: Не знаю... нужно же, наверное, попытаться вернуться к жизни...так или иначе... или покончить со всем этим... <...>

Карин: Мне жаль ее.

В примере (42) в реактивной реплике говорящий высказывает субъективное мнение относительно того, что нужно делать в ситуации, в которую попало третье лицо, упоминаемое в диалоге. Не обладая уверенностью в правильности своего совета, он высказывает предположение и призывает собеседника разделить его мысли. Vål смягчает категоричность высказывания и сигнализирует собеседнику, что от него ожидается какая-либо реакция. Авторы «Шведской академической грамматики» замечают, что обращение говорящего к слушающему проявляется особенно однозначно в контексте совета, призыва, просьбы [SAG 4:116]. Хотя о совете в этом примере говорить не приходится, поскольку речь идет о третьем лице, не участвующем в диалоге, и говорящий употребляет неопределенно-личное местоимение, обращенность говорящего на собеседника здесь проявлена сильно.

На логическом уровне частица не обнаруживает отношений с предыдущим или последующим высказыванием и, соответственно, не реализует связующей функции.

В других примерах vål, наоборот, делает высказывание достаточно категоричным за счет того, что апеллирует к фоновым знаниям, общим для говорящего и слушающего, и выражает недовольство говорящего тем, что собеседник не проявляет достаточно чуткости, чтобы почувствовать, что задавать некоторые вопросы неприлично:

(43) B: Ja. Vad jobbar han med?

A: Det vet jag inte... Hur ska jag kunna veta det?

B: Frågade du inte?

A: Det kan man **väl** inte göra.

B: Varför inte det? (Förnimmelse)

B: Да. Чем он занимается?

A: Не знаю... Откуда мне знать?

B: Ты его не спросила?

A: Так же не делается.

B: Почему это?

В подобных примерах *väl* употребляется в иллокутивном акте возражения и приобретает аффирмативные характеристики, подчеркивая убежденность говорящего в своей правоте. Кроме того, *väl* реализует экспрессивную функцию. Как средство выражения имплицитного возражения, *väl* отчасти реализует функцию средства связности (– *Ты его не спросила?* – [*Но*] *так же не делается.*). Частица *же* в переводе сигнализирует, что говорящий обращается к фоновому знанию собеседника и ждет, что тот будет готов разделить его мнение.

В некоторых случаях частица опускается при переводе. Это происходит, в частности, когда речь идет об устойчивом выражении с частицей, модальным глаголом *får* и глаголом *hoppas* *надеяться*, которое выражает осторожную надежду говорящего на благополучный исход (ср. с *Vi får väl se* в примере (29)):

(44) Mannen: Vägverket är det **väl**. Dom har satt upp pinnar vid vägen om snön skulle komma.

Dottern: Man får **väl** hoppas att det dröjer ett tag.

Mannen: Jag hörde att det kommit snö i Norrland redan, igår. (Vinterförvaring)

*Муж: Это, **наверное**, Дорожное управление. Они установили колышки у дороги на случай снегопада.*

*Дочь: **Будем надеяться**, снег еще не скоро выпадет.*

Муж: Я слышал, в Норрланде он уже выпал, вчера.

Väl в этом случае позволяет говорящему дистанцироваться от ситуации и подчеркнуть, что ни от него, ни от кого-либо еще развитие этой ситуации (в данном случае погодных условий) не зависит. Местоимение *man* при этом подразумевает говорящего и собеседника и его можно было бы заменить на *vi*, однако оно здесь

служит для еще более явного дистанцирования говорящего. Частица *väl* в составе этого устойчивого выражения не реализует связующей функции.

В первом высказывании с *väl* в данном примере частица употребляется в иллокутивном акте предположения. Здесь реализуется прототипическое значение частицы как средства выражения проблематического типа эпистемической модальности.

Употребляясь в высказывании с местоимением *man*, *väl* может, с одной стороны, смягчать категоричность высказывания и помогать говорящему дистанцироваться от действительности, в частности для реализации стратегий вежливости. С другой – эта частица может приносить в высказывание категоричность и экспрессивность. Связующая функция *väl* реализуется лишь в той мере, в какой частица выполняет роль медиатора при взаимодействии между говорящим и собеседником.

IV. Подлежащее выражено местоимением 3 лица единственного и множественного числа *han/hon/de*

В большинстве примеров этой подгруппы *väl* выражает гипотетическое предположение говорящего, которое он предлагает слушающему в надежде на то, что тот его примет. В таких примерах говорящий может высказывать предположение о чем-то, что происходит непосредственно в момент речи (45), в настоящее время (46) или будущее время (47):

(45) Jonas: Ja, jag vet. Vad gör dom?

Karin: Dom pratar **väl** bara.

Jonas: Ja... vad skulle de annars göra? (Tyst musik)

Юнас: Да, знаю. Что они делают?

*Карин: Просто болтают, **наверное**.*

Юнас: Да, что им еще делать?

(46) Karin: Dom försvinner nog inte.

Olof: Dom finns **väl** kvar. Det är **väl** nån som tar hand om dom.

Johanna: Dom är kvar där. Det hade jag glömt. (Tyst musik)

Карин: Они [вещи дочери] вряд ли пропадут.

Улоф: Они, наверное, еще там. Кто-то, наверное, о них позаботится.

Юханна: Они там. Я забыла об этом.

(47) A: Tittar han hit? Tittar han på oss?

B: Det vet jag inte... Jag kan inte titta på honom för då ser han det ju...att jag tittar på honom.

A: Han går väl snart in.

B: Jag vet inte hur länge han har stått där. (Förnimmelse)

A: Он смотрит сюда? Он смотрит на нас?

B: Не знаю...Я не могу посмотреть на него, ведь тогда он увидит...что я смотрю на него.

A: Он, наверно, скоро зайдет в дом.

B: Не знаю, сколько он уже там стоит.

Во всех примерах частица употреблена в реактивной реплике в иллокутивном акте предположения. Гипотеза говорящего, которую он предлагает собеседнику, основана на его субъективных представлениях о том, как это должно быть, и ничем не подкреплена. Таким образом, с помощью *väl* говорящий демонстрирует собеседнику неуверенность в верности своего предположения и предлагает ему судить самому, тем самым частично снимая с себя ответственность за это и оставляя за собой право на ошибку. Интересно, что в двух первых примерах собеседник удовлетворяет ожидания говорящего и подтверждает его предположение. В третьем же примере, где речь идет о будущих событиях, гипотеза говорящего не подтверждается и не опровергается собеседником, поскольку он сам не знает наверняка, как события будут развиваться в будущем.

Во всех трех примерах связность высказываний в диалоге осуществляется с помощью местоимений и повторов, частица не участвует в этом процессе и, соответственно, не реализует связующей функции.

V. Подлежащее выражено местоимением 3 лица единственного числа *det*

В этой подгруппе, как и в случае с *ju*, мы рассмотрим примеры, в которых частица употребляется в речевом акте оценки. В большинстве примеров говорящий высказывает свою оценку ситуации, обращаясь к собеседнику и предлагая ему ее разделить:

(48) Karin: Ja... nu är det över.

Johanna: Ja, det är **väl** skönt... att det är över, på sätt och vis.

Karin: Det är ju det man har väntat på... hela sommaren... den här dagen. Att den här dagen ska komma och gå. (Tyst musik)

Карин: Ну... вот и все.

*Юханна: Да, и это, **наверное**, к лучшему... в каком-то смысле хорошо, что все закончилось.*

Карин: Мы ведь только этого и ждали... все лето...этого дня. Что этот день наступит и пройдет.

В этом примере тема слишком деликатна (смерть близкого человека), чтобы давать уверенную оценку чему-либо – неуверенность, осторожность говорящего подчеркивается многоточием.

(49) Pojken: Berätta att du träffade henne. Att det var slut med Maria.

Mannen: Hur är det med Nils då?

Vännen: Jo, det är bra... Det är som vanligt.

Dottern: Då är det **väl** inte bra.

Vännen: Nej... i och för sig. (Vinterförvaring)

Мальчик: Расскажи, что встретил ее. Что расстался с Марией.

Муж: Ну а как дела у Нильса?

Друг: Да нормально... Как обычно.

*Дочь: Тогда, **наверное**, не слишком хорошо.*

Друг: Да...пожалуй.

Здесь говорящий дает оценку ситуации на основании предыдущего высказывания собеседника (*Как обычно*). *Väl* выражает большую степень

уверенности говорящего по сравнению с предыдущим примером. Вероятно, говорящий действительно считает, что дела у Нильса обстоят не слишком хорошо, но не хочет, чтобы его слова прозвучали слишком категорично. С помощью частицы он реализует стратегии вежливости, одновременно предлагая слушающему разделить его оценку.

Авторы «Шведской академической грамматики» также отмечают, что «в пропозициях, выражающих оценку, намерение, мнение и т.д., говорящий осторожно высказывает свою оценку и призывает слушающего с ней согласиться» [SAG 4:116]. Следующий пример прекрасно демонстрирует это наблюдение:

(50) C: Den är två tusen kvadrater.

A: Kvadrater?

C: Kvadratmeter menar jag.

A: Ja, det är **väl** lagom. Lagom stort.

C: Ja. (Genom)

C: *Он [участок] две тысячи квадратов.*

A: *Квадратов?*

C: *То есть, квадратных метров.*

A: *А, этого, **наверное**, достаточно. Он достаточно большой.*

C: *Да.*

Здесь у самого говорящего нет сомнений в верности своей оценки – частица нужна ему, с одной стороны, чтобы его оценка не прозвучала слишком категорично, а с другой – чтобы слушающий понял, что от него ожидается какая-то реакция.

Во всех примерах данной подгруппы связность на уровне текста достигается другими средствами (междометиями, местоимениями, повторами), так что **väl** не обнаруживает связующей функции и не участвует в развитии действия в диалоге.

3.3.3. Анализ коммуникативно-прагматических функций *väl* в модальных вопросах повествовательной структуры

Интерактивная природа *väl*, ее обращенность на объект речи обуславливает возможность употребления частицы в модальных вопросах повествовательной структуры (термин взят из работы Э. Б. Крыловой [Крылова 2012]). Подобные не прямые вопросы призваны «побудить партнера подтвердить пропозицию высказывания, известную говорящему» [Заикин 1985:164]. В таких вопросах говорящий с помощью частицы апеллирует к общему для него и собеседника знанию, предполагая, что и для собеседника положительный ответ на этот вопрос очевиден. Авторы «Шведской академической грамматики» относят такие вопросы к риторическим [SAG 4:116]:

(51) Sjuksköterskan: Jag skulle bara ge dig dina kläder.

Hon: Ja tack.

Sjuksköterskan: Det är **väl** dina?

Hon: Ja, det tror jag. (Allt...innan)

Медсестра: Мне сказали принести вам ваши вещи.

Она: А, спасибо.

*Медсестра: Это **ведь** ваши?*

Она: Думаю, да.

В примере (51) медсестра знает, что принесла правильную одежду, однако из уважения к пациентке уточняет у нее, так ли это. *Väl* выполняет фатическую функцию, помогая говорящему установить контакт с собеседником, а также позволяет говорящему реализовать стратегии вежливости. Модальная частица *ведь*, использованная в переводе, имеет функцию выражения запроса на подтверждение.

Модальные вопросы повествовательной структуры часто вписываются в иллокутивный акт оценки, когда говорящий оценивает ситуацию или событие определенным образом и стремится разделить эту оценку с собеседником, ожидая, что тот ее примет. В некоторых случаях говорящий дополнительно подчеркивает

свою потребность получить подтверждение слушающего с помощью разделительного вопроса (eller hur?):

(52) A: Det är **väl** rätt lugnt och stilla härute, **eller hur**?

C: Ja. Det är det nog. (Genom)

A: Здесь так тихо и спокойно, правда?

C: Да, пожалуй.

В примере (52) говорящий высказывает в утвердительном предложении оценку ситуации и с помощью частицы и вопроса-привеска подчеркивает свое желание разделить эту оценку со слушающим.

В следующем примере **väl** приобретает дополнительную экспрессивную функцию, выражая надежду говорящего на положительный ответ:

(53) Johanna: <...> Hej då Karin... vi håller **väl** kontakten?

Karin: Ja, det är klart. (Tyst musik)

*Юханна: <...> Пока, Карин... мы **ведь (надеюсь)** будем на связи?*

Карин: Да, конечно.

«Аксиологическая модальность желательности для говорящего» [Крылова 2021:134] проявляется в большей степени в негативных модальных вопросах повествовательной структуры (о различных классификациях вопросительных предложений см., например, [Балли 1955:47-48]):

(54) Han: Och när du är där... Vad gör dom?

Hon: När jag är där får jag **väl** ligga och vänta tills det blir min tur... och sen får jag **väl** vara kvar efteråt några timmar och återhämta mig... Och sen får jag inte köra bil på 24 timmar.

Han: Det tänker du **väl** inte göra heller? Köra bil.

Tystnad. (Allt...innan)

Он: И когда ты там будешь... Что они будут делать?

Она: Когда я буду там, мне, наверное, придется лежать и ждать своей очереди... а потом, наверное, придется остаться еще на несколько часов, чтобы прийти в себя... И после этого мне нельзя садиться за руль двадцать четыре часа.

*Он: Ты, **надеюсь**, не собираешься этого делать? Садиться за руль?*

(Молчание.)

В приведенном примере говорящий выражает надежду на то, что его пропозиция окажется истинной, но опасается обратного и рассчитывает на то, что слушающий опровергнет его опасения. Однако, как видно из данного примера, ожидания не всегда становятся действительностью: вопрос повисает в воздухе. В следующем примере говорящий получает желаемый ответ:

(55) Modern: Hon bor ju inte hemma längre.

Sonen: Nej, jag vet... Det är väl bara jag som bor kvar. <...> Men du har **väl inga** planer på att flytta hem igen?

Vännen: Nej, inte direkt. (Vinterförvaring)

Мать: Она ведь больше не живет дома.

*Сын: Я знаю. Тут, наверное, только я и остался. <...> У тебя **ведь [надеюсь]** нет планов вернуться домой?*

Друг: Нет, по крайней мере в ближайшее время.

Во всех примерах этой группы вопросительное высказывание с *väl* связано с другими высказываниями с помощью местоимений, союзов или повторов. *Väl* не реализует связующей функции.

Таким образом, в позитивных и негативных модальных вопросах повествовательной структуры частица служит для установления контакта между коммуникантами, объединения коммуникантов в единой коммуникативной ситуации, а также для реализации стратегий вежливости и выражения экспрессии, в частности надежды говорящего на тот или иной исход дела.

О способности *väl* смягчать категоричность высказывания, тем самым помогая говорящему проявить вежливое отношение к собеседнику, мы упоминали при анализе примеров с *väl* и местоимением *man* в качестве субъекта пропозиции (см. п. II(в)). Наиболее ярко эта способность проявляется в особых типах косвенных речевых актов, которые Э. Б. Крылова называет конвенциональными косвенными речевыми актами вежливости [Крылова 2012:345].

3.3.4. Анализ коммуникативно-прагматических функций частицы *väl* в косвенных речевых актах

Авторы «Шведской академической грамматики» ограничивают сферу употребления частицы *väl* декларативными речевыми актами [SAG 4:116]. Однако некоторые другие исследователи, в частности М. Эрикссон и К. Аймер [Eriksson 1988, Aijmer 2015] указывают на способность частицы «смягчать» императивность высказывания, понижать его иллокутивную силу и даже «превращать приказ в просьбу». На практике это выражается в способности *väl* формировать косвенные речевые акты – «такие высказывания, формальные свойства которых не соответствуют иллокутивной силе, непосредственно выводимой из их прагматического контекста» [Рахилина, Бычкова, Жукова 2021:9].

Наиболее характерные примеры данной подгруппы представлены высказываниями с предикатом, выраженным модальным глаголом и субъектом, выраженным местоимением второго лица:

(56) Dottern: Du **kan väl** stanna en liten stund i alla fall, för mammas skull.

Sonen: Visst kan jag det. Jag stannar väl en stund men sen måste jag sticka.
(Vinterförvaring)

Дочь: Ты же можешь остаться хотя бы ненадолго, ради мамы.

Сын: Конечно, могу. Я, пожалуй, останусь на какое-то время, но потом мне нужно бежать.

По форме высказывание с *väl* в примере (56) является утверждением, однако по иллокутивной силе оно соответствует речевому акту просьбы (*Останься хотя бы ненадолго*). Употребляя *väl* и облачая свое высказывание в такую форму, говорящий дает собеседнику шанс отказаться от выполнения просьбы и в то же время сигнализирует, что ожидает его ответа.

В сочетании с предикатом, выраженным модальным глаголом *få* со значением долженствования, *väl* помогает говорящему завуалировать приказ или призыв к действию:

(57) C: Vad säger du? Kan du inte försöka prata lite högre? Jag hör inte vad du säger. Jag hör inte vad du säger. Det är väldigt svårt att höra vad du säger.

D: Är det?

C: Ja, det är det.

D: Du får **väl** lyssna lite bättre då.

C: Jag lyssnar. Det hjälper inte. (Genom)

C: Что ты говоришь? Можешь говорить погромче? Я не слышу, что ты говоришь. Не слышу, что ты говоришь. Мне трудно разобрать, что ты говоришь.

D: Правда?

C: Да.

*D: Тогда тебе, **наверно**, нужно слушать получше [Слушай внимательнее!].*

C: Я слушаю. Это не помогает.

Кроме просьбы и приказа частица *väl* способна создавать косвенный речевой акт совета:

(58) Kvinnan: Ja. Du satt och läste hela vägen.

Sonen: Ja. Man får vara rädd om tiden som man har.

Fadern: Nu ska du **väl** ta ledigt från studierna.

Kvinnan: Han läste Bibeln. (Om ljuset)

Женщина: Да. Ты читал всю дорогу.

Сын: Да. Нужно проводить время с пользой.

*Отец: Тебе, сейчас, **наверное, лучше** отдохнуть от учебы.*

Женщина: Он читал Библию.

(59) Fadern: Jag är så trött. Jag är så jävla trött.

Kvinnan: Du ska **väl** gå hem till dina barn.

Fadern: Ja, vart ska jag annars gå.

Отец: Я так устал. Устал как собака.

*Женщина: Тебе, **наверное, лучше** пойти домой к детям.*

Отец: Да, куда мне еще идти.

Особняком в этой подгруппе стоят примеры, в которых говорящий и собеседник объединены местоимением *vi* *мы*. В таких случаях за модальным вопросом повествовательной структуры, в котором говорящий ожидает от

собеседника положительный ответ, скрывается речевой акт призыва к совместному действию:

(60) Fadern: Vill du ha mer?

Kvinnan: Nej. Vill du gå?

Fadern: Nej. Vi kan **väl** sitta en stund till? *Kort paus.* Ser du dom där?

Paus. (Ljus)

Отец: Хочешь еще?

Женщина: Нет. Ты хочешь уйти?

Отец: Нет. Мы же можем посидеть еще немного? [Давай посидим еще немного?]

(Короткая пауза.) Ты видишь их, вон там?

(Пауза.)

Таким образом, формируя конвенциональные речевые акты вежливости, частица ослабляет риторическую активность высказывания, в этом заключается ее основная коммуникативно-прагматическая функция в подобных примерах. При этом частица никак не реализует себя в качестве средства связности.

Краткие выводы

В качестве средства выражения проблематического типа эпистемической модальности частица *väl* употребляется в речевом акте предположения (1), а также участвует в формировании модальных вопросов повествовательной структуры (2) и косвенных речевых актов вежливости (3). В первом случае частица транслирует адресату речи ту или иную (в зависимости от контекста) степень неуверенности говорящего в верности его предположения, позволяя говорящему снять с себя часть ответственности за сказанное и сохранить за собой право на ошибку. Эта неуверенность связана в первую очередь с тем, что говорящий строит предположение на своих субъективных представлениях и понятиях. Во втором случае *väl* выполняет фатическую функцию и сигнализирует слушающему, что говорящий знает (или думает, что знает), как обстоит дело, однако хочет услышать его подтверждение – например, чтобы проявить уважение к собеседнику. При этом говорящий с помощью частицы апеллирует к общему для него и собеседника

знанию, что свидетельствует о существовании некоторых точек соприкосновения между *ju* и *väl*. В третьем случае функция *väl*, направленная на то, чтобы выразить уважение к слушающему (риторическая функция), проявлена наиболее ярко. Частица помогает говорящему формировать косвенные речевые акты просьбы, совета, призыва к совместному действию. В этих примерах частица призвана снизить риторическую активность высказывания, сделать его менее категоричным.

В качестве средства выражения аффирмативного типа эпистемической модальности *väl* употребляется в речевых актах утверждения, возражения, объяснения, аргумента и реализует эмфатическую и экспрессивную функции, подчеркивая уверенность говорящего в истинности его слов и передавая его раздражение или недовольство, вызванное словами собеседника.

Ниже приведен анализ употребления частицы в высказываниях с различными пропозициональными субъектами:

	Jag, vi	Du, ni	Man	Han, hon, de	Det
Väl	112 (18%)	120 (19%)	27 (4%)	131 (21%)	242 (38%)
<i>Таблица 5</i>					

Таблица 5 демонстрирует примерно одинаковые показатели в том, что касается частотности употребления частицы *väl* с местоимениями первого, второго и третьего лица (18 %, 19 % и 21 % соответственно). Более частое по сравнению с *ju* употребление частицы *väl* с местоимениями второго лица, а также не такое большое количество примеров с мест. *man* (4 %) свидетельствует об интерактивном характере частицы, ее ориентированности на адресата высказывания.

В большинстве примеров *väl* не реализует связующей функции в диалогическом тексте и не может наравне с *ju* употребляться для развития диалога. Это связано с тем, что высказывание-предположение с *väl* меньше зависит от предшествующего или последующего высказывания. Однако в ряде примеров, где частица употреблена с местоимениями первого или второго лица, высказывание с *väl* является имплицитным возражением на предыдущее высказывание, и здесь частица реализует слабую анафорическую функцию.

3.4. Характеристика модальной частицы *nog*

Исследованию частицы *nog* посвящены работы К. Аймер [Aijmer 1996, 2016], Я. Линдстрёма [Lindström 2008], С. Боргстам [Borgstam 1977], Д. Петерссона [Petersson 2006], Н. Шерф [Scherf 2018].

Авторы «Шведской академической грамматики» относят частицу *nog*, как и *väl*, к группе модальных фразовых обстоятельств, выражающих ту или иную степень уверенности говорящего в достоверности пропозиции [SAG 4:117]. Они отмечают, что *nog* обычно занимает в предложении ту же позицию, что *ju* и *väl*, и чаще всего является безударной. К тому же *nog* не может употребляться самостоятельно в отдельном предложении. Все это позволяет нам рассматривать *nog* как частицу, стоящую в одной группе с *ju* и *väl*.

Тем не менее, *nog* отличается от частиц, проанализированных выше. Авторы «Граматики» выделяют два основных значения данной частицы:

1. Выражение предположения говорящего о достоверности или недостоверности содержащейся в пропозиции информации. Это позволяет говорить о *nog* как о средстве выражения **проблематического типа эпистемической модальности**. Здесь авторы «Граматики» отмечают, что *nog* может использоваться в придаточном предложении. Придаточные предложения больше свойственны письменной речи, и возможность такого употребления *nog* позволяет сделать вывод о том, что частицу нельзя назвать исключительно диалогической:

Jag var så där rädd för min far fast han **nog** aldrig gav mej mer än en eller annan lätt örfil. [SAG 4:117]

Я так боялся отца, хотя он, конечно, никогда не наказывал меня жестче, чем парой пощечин.

При употреблении *nog*, в отличие от *väl*, говорящий не требует от слушающего подтверждения верности своей гипотезы: он не обращается за подтверждением и не рассчитывает на него, поскольку считает, что у него имеется достаточно оснований для того, чтобы представить пропозицию как истинную [Borgstam 1977; Lindström 2008:98, SAG 4:117];

2. Усиление иллокутивной силы высказывания. В этом значении *nog* употребляется в первую очередь в речевом акте утверждения, где говорящий высказывается о собственных ощущениях или настроении, или в речевых актах обещания или угрозы.

Jag tycker **nog** i alla fall som Ulf att det är straffbart. [SAG 4:118]

По крайней мере я, как и Ульф, конечно, считаю, что это наказуемо.

Это значение частицы проявляется в полной мере при употреблении в ударной инициальной позиции:

Nog förvånar det mig litet att jag fick för pappa och mamma. [Там же]

Меня, конечно, немного удивило, что мама с папой разрешили мне это.

Авторы «Шведской академической грамматики» отмечают также, что в контекстах, где говорящий предлагает слушающему вынести свое, более авторитетное суждение по тому или иному вопросу, *nog* может употребляться в инициальной ударной позиции в вопросительных предложениях. В этом случае частица формирует косвенный речевой акт просьбы:

Nog lagar du källan åt mig? [SAG 4:118]

Ты же починишь мою [дачную] тачку?

Интересно, что в этом контексте авторы «Граматики» приводят пример, в котором *nog* употребляется в одном высказывании с *väl*, что свидетельствует о том, что данные частицы реализуют в высказывании разные функции:

Nog kan jag väl få din cykel? [там же]

Я же могу взять твой велосипед, правда?

Другие исследователи [Aijmer 2016, Scherf 2018] также указывают на различия в значениях и функциях *nog* в зависимости от синтаксической позиции, однако в нашем материале не встретилось ни одного примера употребления частицы в инициальной позиции, поэтому данное исследование ограничивается анализом примеров употребления *nog* в безударной позиции после предиката. Именно эта позиция является прототипической [SAG 4:117].

3.4.1. Перевод высказываний с частицей *nog*

Двухязычный словарь издательства «Норстедтс» предлагает следующие варианты перевода частицы *nog*: *вероятно, наверное, наверняка, конечно, возможно* [Marklund Sharapova 2012]. Все эти модальные наречия являются средствами выражения проблематического типа эпистемической модальности в русском языке.

В русско-шведском параллельном корпусе Национального корпуса русского языка представлено большее количество альтернатив: *возможно, пожалуй, вряд ли, наверное, явно, вероятно, видимо, все-таки*:

Hade de inte varit det hade jag nog kunnat få några års dispens mot att jag tog hand om dem. [Ninni Holmqvist. Enhet (2006) | Нинни Хольмквист. Биологический материал (Е. Хохлова, 2010)]

Если бы они были живы, мне, наверно, еще дали бы пару лет под предлогом заботы о них.

Присутствие эквивалентов *явно* и *видимо* позволяет предположить, что частица *nog* может также служить средством выражения эвиденциальных значений.

В довольно большом количестве примеров переводчики прибегают к опущению:

”Så märker vi **nog** det”, sa hon. Kort och gott. [Klas Östergren. Gangsters (2005) | Клас Эстергрэн. Гангстеры (Л. Стародубцева, М. Людковская, 2010)]

– Мы об этом узнаем, – сказала она, коротко и ясно.

3.4.2. Анализ коммуникативно-прагматических функций *nog*

I. Подлежащее выражено местоимением 1 лица единственного или множественного числа *jag/vi*

В большинстве примеров этой подгруппы говорящий употребляет частицу *nog* в речевом акте предположения. С помощью частицы он представляет пропозицию как истинную, однако сохраняет за собой право на ошибку:

(61) Jonas: Hur då? Vad menar du?

Olof: Ja.. det är **väl** nåt som jag inte har, som jag inte förstår. Jag vet **ju** att det finns. Men själv hade jag en sån lycklig barndom, så jag... Jag är **nog** den enda människa jag känner till som hade det. En harmonisk barndom... Snälla omtänksamma föräldrar. Snälla hyggliga människor. Dom bråkade aldrig. <...> Och sen har jag ju haft den fantastiska förmånen att få några underbara vänner som... ja, ni vet. Och sen träffade jag Johanna... vi har ju levt tillsammans sen vi var unga... och vi lever fortfarande tillsammans...

Jonas: Ja.

Olof: Eller hur?

Jonas: Ja, det gör ni. (Tyst musik)

Юнас: В каком смысле? Что ты имеешь в виду?

*Улоф: Ну... это, **наверное**, что-то чего у меня нет, чего я не понимаю. Я же знаю, что это есть. Но у меня самого было такое счастливое детство, что я... Я, **наверное**, единственный человек [из всех], кого я знаю, у кого это было... Гармоничное детство... Добрые, заботливые родители. Они никогда не ссорились. <...> И потом мне ведь посчастливилось иметь чудесных друзей, которые... ну, вы и сами знаете... Потом я встретил Юханну... мы ведь стали жить вместе еще молодыми... и до сих пор живем вместе...*

Юнас: Да.

Улоф: Так ведь?

Юнас: Да, так и есть.

В примере (61) частица употреблена в ответной реплике, которая сначала развивается как диалогическая, а потом, по мере того как говорящий все глубже уходит в размышления о своей жизни, превращается в монологическую – мы наблюдаем размышление вслух. Высказав гипотезу о том, что он единственный, у кого было счастливое детство, говорящий приводит доводы, подтверждающие состоятельность этой гипотезы – перед нами умозаключение говорящего, основанное на его личном опыте. При этом собеседник в этом процессе отсутствует, говорящий не нуждается в нем. В этом состоит основное отличие *nog* от частицы *väl*, которая не допускает употребления в монологических репликах и всегда направлена на слушающего.

Поскольку последующие высказывания говорящего соотносятся с умозаключением, выраженным с помощью частицы *nog*, мы можем наблюдать, как частица реализует катафорическую функцию (причинно-следственные отношения: «Я единственный такой человек, потому что у меня было гармоничное детство, добрые родители»).

Интересно проанализировать различия между частицами в приведенном примере. С помощью *väl* говорящий, отвечая на вопрос собеседника, высказывает субъективное предположение, ни на чем не основанное. Выбор эквивалента *наверное* для передачи обеих шведских частиц связан с тем, что в семантике этого модального слова содержится указание на явную или неявную вероятность того, что предположение окажется неверным [Бонно, Кодзасов 1998:310]. С помощью частицы *ju* говорящий высказывает возражение самому себе («но я же знаю, что оно есть»).

В следующем примере частица *nog* употреблена в реактивной диалогической реплике:

(62) Olof: Jag tyckte att du var så egendomlig... inbunden och tyst. Du verkade så förfärligt deprimerad.

Jonas: Det var jag **nog** också. Jag hatade den där skolan... (Tyst musik)

Улоф: Я считал тебя таким странным... замкнутым, молчаливым. Ты казался мне ужасно подавленным.

Юнас: Я, скорее всего, таким и был. Я ненавижу ту школу...

Здесь перед нами также речевой акт предположения. Вольно или невольно соглашаясь с оценкой собеседника, говорящий приводит доводы, подтверждающие его предположение о себе: «Я, скорее всего, таким и был, [потому что] ненавижу ту школу». Таким образом, с помощью *nog* говорящий сигнализирует собеседнику, что высказывает не просто предположение или догадку, ни на чем не основанные, а умозаключение, вывод, который он сделал, проанализировав свой опыт. Кроме того, частица «уменьшает степень вовлеченности говорящего в содержание пропозиции» [Aijmer 2016:159]: говорящий хочет оставить некоторую долю сомнения в истинности пропозиции, поскольку ему приходится признаваться в

чем-то очень личном, в чем признаваться не хочется. Функции *nog* здесь очень близки функциям *väl*, однако с *nog* высказывание приобретает более отстраненный, независимый характер – эта реплика вполне могла бы быть монологической и представлять собой размышления говорящего.

На логическом уровне мы снова наблюдаем причинно-следственные отношения между высказываниями: частица выполняет катафорическую связующую функцию.

Употребление в контекстах, где говорящий высказывает согласие, часто вынужденное, является достаточно типичным для частицы *nog*:

(63) Johanna: Du kan inte mena mig i alla fall.

Jonas: Nej. Absolut inte.

Johanna: Du tänkte väl bara på dig själv, antar jag.

Jonas: Det gjorde jag **nog**.

Johanna: Jag har aldrig trivts i det här rummet. <...> (Tyst musik)

Юханна: Ты точно говоришь не обо мне.

Юнас: Нет. Конечно, нет.

Юханна: Ты, как я полагаю, думал только о себе.

Юнас: Возможно.

Юханна: Мне никогда не нравилось в этой комнате. <...>

Говорящий высказывает предположение о самом себе, соглашаясь с собеседником, но не предоставляя никаких оснований для такого согласия. С помощью *nog* он сигнализирует, что согласен с собеседником, но не до конца, т.к. в его представлении имеются факты, ставящие этот тезис под сомнение. В русском языке такую функцию выполняет модальное слово *наверное* [Бонно, Кодзасов 1998:312].

Высказывание с *nog* связано с предшествующим высказыванием в первую очередь с помощью субституции (Du tänkte väl bara på dig själv – Det gjorde jag nog). Частица не реализует связующей функции.

(64) Sjuksköterskan: Är du yr?

Hon: Jag vet inte...lite matt är jag **nog**.

Sjuksköterskan: Ja. (Allt...innan)

Медсестра: У тебя голова кружится?

*Она: Не знаю... **кажется**, есть небольшая слабость.*

Медсестра: Ясно.

В примере (64) говорящий отвечает на прямой вопрос собеседника. По многоточию и частице *nog* можно понять, что ему не хочется признаваться в том, что он не очень хорошо себя чувствует, хотя, скорее всего, так и есть. Частица помогает говорящему отстраниться от действительности, не признаваться до конца в том, в чем признаваться не хочется.

Авторы «Шведской академической грамматики» отмечают, что в некоторых контекстах *nog* приобретает усилительную функцию [SAG 4:117]. Такие примеры встретились и в нашем материале:

(65) Modern: Folk får säga vad dom vill... Jag bryr mig inte om vad dom säger.

Mannen: Vad skulle dom säga?

Modern: Dom får säga vad dom vill... Jag vet **nog** vad dom säger.

Mannen: Det finns väl ingen som säger något.

Modern: Jag förstår **nog**... Det är ju alltid mamman som har skulden... som har gjort något fel.

Mannen: Nej då.

Modern: Vems kunde det annars vara? (Vinterförvaring)

Мать: Пусть говорят, что хотят... Мне все равно, что они говорят.

Муж: А что они могут сказать?

*Мать: Пусть говорят, что хотят... **Я знаю**, что они говорят.*

Муж: Но ведь никто ничего не говорит.

*Мать: **Я понимаю**... Мать всегда виновата...мать всегда ошибается.*

Муж: Ну что ты.

Мать: А кто еще?

В примере (65) частица употребляется в речевом акте утверждения. С помощью частицы говорящий подчеркивает, что знает, о чем люди говорят, и понимает ситуацию. *Nog* реализует эмфатическую функцию и приобретает

аффирмативные характеристики. Частица чаще всего реализует эту функцию при употреблении с фатическими предикатами *знать, понимать*. В подобных примерах значение частицы близко к значению наречия *nog* *достаточно* (*Я, конечно, знаю. – Я знаю достаточно [хорошо]*) и в примере (65) частица может быть употреблена в качестве наречия: для разграничения классов в данном случае подойдет лишь просодический принцип – наречие будет ударным.

В этом примере *nog* не реализует связующей функции и не участвует в развитии действия в драматическом диалоге. В переводе на русский частица опущена, поскольку подобные усилительные маркеры не употребляются в русском языке таким же образом, как в шведском.

Эмфатическая функция *nog* часто проявляется в контексте обещания или утешения:

(66) Mannen: Ja, vi får se. Vi får väl flytta först.

Pojken: Men om vi har det sen?

Mannen: Det fixar vi **nog**. (Om ljuset)

Муж: Ну, посмотрим. Давай сначала переедем.

Мальчик: А если у нас это потом будет?

Муж: Мы [обязательно] решим этот вопрос.

В примере (66) говорящий, чтобы утешить собеседника, стремится убедить его в том, что вопрос будет решен. Свою уверенность в этом он подкрепляет и транслирует собеседнику с помощью частицы. У говорящего нет явных оснований представлять пропозицию как достоверную, однако с помощью *nog* он сигнализирует, что сделает все, что в его силах, чтобы выполнить обещание. Частица не реализует связующей функции.

Часто примеры, демонстрирующие такое употребление *nog*, представляют собой конструкции с предикатом, выраженным глаголом *bli* *становиться* или вспомогательным глаголом *kommer att* с футуральным значением, а также с прилагательным *bra* *хорошо*:

Nu lär hon inte ringa släkten. ”Okej, gumman, det blir **nog** bra. Vi ses Jullan!” [Ann-Helén Laestadius. Tio över ett (2016) | Анн-Хелен Лаэстадиус. Десять минут второго (Н. Шматова, 2020)]

Но по крайней мере теперь она не станет звонить родственникам. – Ладно, дружок, всё будет хорошо. До встречи, Юлия!

В нашем исследовании тоже встретились подобные примеры:

(67) Sonen: Gud har gett mig ett nytt liv. Ett nytt friskt liv. Det liv som är mitt. Det enda sanna livet.

Fadern: Ja vi ska väl inte prata om det nu.

Sonen: Det tror ni inte men så är det i alla fall.

Modern: Nej.

Fadern: Det kommer **nog** att gå bra. (Om ljuset)

Сын: Господь дал мне новую жизнь. Новую, здоровую жизнь. Мою жизнь. Единственную настоящую жизнь.

Отец: Давайте не будем говорить об этом сейчас.

Сын: Вы не верите, но это так и есть.

Мать: Нет.

*Отец: **Все будет хорошо.***

В подобных примерах частица не реализует связующей функции и при переводе опускается.

Особый интерес представляют примеры, где *nog* употребляется с предикатами, выраженными модальными глаголами со значением долженствования. В таких случаях *nog* обнаруживает способность формировать косвенные речевые акты:

(68) F: Vi ska väl säga nåt till prästen.

C: Han står där.

D: Gör han?

F: Vi ska **nog** säga adjö till honom. Innan vi går.

D: Ja.

F. Ska vi inte det? (Om kärlek)

F: Нам, **наверное**, нужно что-нибудь сказать пастору.

C: Он стоит вон там.

D: Стоит?

F: Нужно попрощаться с ним. Прежде чем мы уйдет.

D: Да.

F: Разве нет?

В приведенном примере говорящий дважды обращается к собеседникам с призывом поговорить с пастором. В первом случае он использует частицу *väl*, которая сигнализирует недостаточную уверенность и решительность говорящего в данной ситуации, а также транслирует слушающим, что от них ожидается какая-то реакция. Однако говорящему не удастся привлечь внимание оппонентов, так что во втором случае, употребляя частицу *nog*, он апеллирует к общеизвестным представлениям об этикете: «Вежливые люди прощаются со знакомыми людьми перед уходом». О способности *nog* выражать эту функцию говорит Палмер: «так называемая «деонтическая *nog*» выражает отношение говорящего к вероятному действию с точки зрения того, допустимо ли оно и соответствует ли оно понятиям морали» [Palmer 1986:120]. Таким образом, акт предположения по форме становится на практике актом призыва. Связующей функции частицы здесь не обнаружено.

Функцию *nog* в качестве маркера вежливости хорошо демонстрирует следующий пример:

(69) Pojken: Gå inte.

Sonen: Nej, jag måste **nog** gå nu.

Pojken: Nej, gå inte... Stanna en stund till.

Mannen: Ska du redan gå? Kan du inte stanna en stund till?

Sonen: Nej, jag måste **ju** hämta Emma. (Vinterförvaring)

Мальчик: Не уходи.

Сын: Нет, мне, **наверное**, пора идти.

Мальчик: Нет, не уходи... останься еще ненадолго.

Муж: Тебе уже надо идти? Может быть, останешься ненадолго?

*Сын: Нет, я **ведь** должен забрать Эмму.*

В примере (69) высказывание с *nog* по форме является предположением, хотя на самом деле перед нами утверждение: говорящий знает, что пришло время уходить. Боясь обидеть собеседника своим отказом, говорящий употребляет *nog*, чтобы отказ звучал не так категорично. Кроме того, частица указывает собеседнику на наличие у говорящего достаточных оснований для того, чтобы сделать такое «предположение»: «Мне пора идти, потому что я должен забрать Эмму». Модальное слово *наверное*, употребленное в переводе, имеет два типа употреблений и может выразить (1) неуверенность и (2) знание. Употребляясь для выражения знания говорящего, это модальное слово может выразить вежливый отказ говорящего [Бонно, Кодзасов 1998:313].

Интересно, что причинно-пояснительные отношения между этими репликами обнаруживаются с помощью двух частиц: *ju* реализует анафорическую функцию, а *nog* – катафорическую. Такое взаимодействие между частицами наблюдается достаточно часто:

(70) Sonen: Det är **ju** en del som kommer tillbaka.

Mannen: Ja, det är det **nog**. Jag är **ju** själv härifrån. Fast jag har bott här dom sista fyrtio åren så känner man sig ändå lite som en gäst. (Vinterförvaring)

*Сын: Некоторые **ведь** возвращаются.*

*Муж: Да, **должно быть**. Я **ведь** и сам отсюда. Хотя и живу здесь уже сорок лет, все равно чувствую себя немного гостем.*

Таким образом, употребляясь с пропозициональным субъектом, выраженным местоимением первого лица, *nog* может выразить различные коммуникативно-прагматические функции. В актах предположения она транслирует слушающему, что умозаключение говорящего основано на его личном опыте, в контекстах согласия и подтверждения частица помогает говорящему отстраниться от неприятной ему правды. В утвердительных речевых актах *nog* реализует эмфатическую функцию, что приобретает особый вес в контекстах обещания и утешения. Кроме того, частица может служить маркером вежливости, облекая призыв и утверждение в форму предположения. В актах предположения

nog реализует катафорическую функцию, помогая логически связывать высказывания и реплики в диалогическом единстве и развивая диалог.

II. Подлежащее выражено местоимением 2 лица единственного или множественного числа *du/ni*

В обоих примерах этой подгруппы *nog* используется в сочетании с модальным глаголом *få* со значением долженствования и формирует косвенный речевой акт совета:

(71) Sjuksköterskan: Är du yr?

Hon: Jag vet inte...lite matt är jag nog.

Sjuksköterskan: Ja.

Hon: Det kommer jag väl att vara ett tag.

Sjuksköterskan: Ja, du får **nog** tänka på att ta lite lugnt några dar.

Hon: Ja, jag vet.

Sjuksköterskan: Det är ju som en vanlig förlossning. Det är ju som att föda ett barn.

(Allt...innan)

Медсестра: У тебя голова кружится?

Она: Не знаю... кажется, есть, небольшая слабость.

Медсестра: Ясно.

Она: Наверное, так будет еще какое-то время.

*Медсестра: Да, **наверно**, вам **лучше** отдохнуть несколько дней.*

Она: Да, я знаю.

Медсестра: Ведь это как обычные роды. Ведь это как родить ребенка.

(72) A: Dom är rätt nerslitna.

B: Ja, jag vet.

A: Du får **nog** byta dom snart.

B: Det är mycket som ska bytas. (Om kärlek)

A: *Они довольно старые.*

B: *Да, я знаю.*

*A: Тебе их, **наверное, лучше** сменить в ближайшее время.*

B: Мне много всего нужно сменить.

В этих примерах говорящий имеет достаточно оснований для того, чтобы указать собеседнику, что тот должен сделать. В первом случае медсестра исходит из своего опыта и ответа собеседника («если есть слабость, нужно полежать»), во втором – из непосредственного зрительного опыта («вот потрепанные джинсы, их нужно сменить»). Частица *nog* выполняет функцию маркера вежливости: превращает утверждение в предположение и таким образом смягчает иллокутивную силу высказывания и переводит модус высказывания в контекст вежливого совета: «наверное, будет лучше сделать так».

В обоих случаях высказывание с *nog* связано с другим высказыванием говорящего или собеседника причинно-следственными отношениями. В первом случае эти отношения возникают как с предшествующим, так и с последующим высказываниями («Есть небольшая слабость». – «Поэтому вам, наверное, лучше отдохнуть несколько дней, потому что это похоже на обычные роды»), во втором – только с предшествующим высказыванием говорящего («Они старые, поэтому лучше их сменить»). *Nog* реализует анафорико-катафорическую функцию. В примере (71) снова наблюдается взаимосвязь между частицами *nog* и *ju*: говорящий дает совет и убеждает собеседника принять его с помощью аргументов, не подлежащих оспариванию («Вам, **наверное, лучше** отдохнуть несколько дней, **ведь** это как обычные роды»).

III. Подлежащее выражено неопределенно-личным местоимением *man*

В обоих примерах данной подгруппы частица также употребляется с предикатами, выраженными модальными глаголами со значением долженствования – *måste* или *ska*:

(73) Olof: ...förr eller senare måste man bli... få en jävla smäll som slår en sönder och samman, helt och hållet. Det måste man räkna med. Eller hur?

Jonas: Det måste man **nog** vara beredd på.

Olof: Beredd, ja... Men hur ska man kunna vara det?

Jonas: Nej, det kan man inte vara. (Tyst musik)

Улоф: ...рано или поздно нужно стать ...получить сильнейший удар, который разобьет тебя вдребезги, без остатка. Это нужно учитывать. Правда?

Юнас: К этому, **наверное**, нужно быть готовым.

Улоф: Готовым, да... Но как это сделать?

Юнас: Никак.

В данном примере *nog* употребляется в речевом акте предположения в контексте согласия. В ответ на слова собеседника говорящий высказывает гипотезу, основанную на его предыдущем опыте или фоновом общечеловеческом знании («чтобы выживать, человек должен быть готов к трудностям»). Благодаря частице говорящий оставляет за собой право на ошибку, а употребляя в том же высказывании местоимение *man*, отстраняется от собственного высказывания. Функции *nog* в этом примере схожи с функциями *väl*, эти частицы здесь взаимозаменяемы. Однако *nog* выражает умозаключение говорящего – реакция собеседника не требуется.

На логическом уровне высказывание с *nog* связано с предшествующим высказыванием слушающего прежде всего с помощью синтаксического и лексического повтора (Det måste man räkna med... Det måste man nog vara...). Частица не участвует в обнаружении этой связи.

(74) B: Fem rum?

C: Ja.

A: Okej.

C: Men som jag sa måste man **nog** försöka greja lite med köket med tiden. Man ska **nog** skaffa en ny spis och ugn och diskmaskin också om man vill ha det. Det börjar bli ganska gammalt. Det är väl säkert 10 år sen som det installerades.

A: Ja. Allting pajar på en och samma gång.

C: Det verkar så. (Genom)

B: Пять комнат?

C: Да.

A: Ясно.

С: Но я уже говорил, что там, скорее всего, со временем придется что-то делать с кухней. Скорее всего, нужно будет поменять плиту с духовкой, и посудомойку тоже, если захотите. Там все потихоньку изнашивается. Устанавливалось ведь все уже лет десять назад, не меньше.

В примере (74) мы наблюдаем прототипическое значение *nog*: говорящий высказывает предположение, а дальше приводит доводы, давая понять, что у него есть веские основания его сделать. Местоимение *han* в данном случае подразумевает собеседника. *Nog* реализует катафорическую связующую функцию, обнаруживая причинно-следственную связь данного высказывания с последующими: «Скорее всего, будет нужно это сделать, [потому что] все изнашивается и устанавливалось давно».

IV. Подлежащее выражено местоимением 3 лица единственного и множественного числа *han/hon/de*

В большинстве примеров данной подгруппы *nog* реализует свое прототипическое модальное значение – выражает предположение говорящего и сигнализирует о наличии у него достаточных оснований для того, чтобы представлять его как верное:

(75) Karin: Jag tror att han har det ganska svårt.

Johanna: Det är klart han har. Det har han alltid haft.

Karin: Han är **nog** väldigt ensam.

Johanna: Har han slutat jobba?

Karin: Jag antar det. (Tyst musik)

Карин: Я думаю, ему довольно трудно.

Юханна: Конечно. Так всегда было.

*Карин: Он **наверняка** очень одинок.*

Юханна: Он ушел с работы?

Карин: Думаю, да.

В примере (75) Карин высказывает предположение о состоянии бывшего мужа, основываясь на своем прошлом знании о нем. Поскольку в данном

диалогическом единстве нет эксплицитных отсылок, которые могли бы указать нам на конкретные опоры, на которых основывает свое предположение говорящий, частица здесь не реализует связующей функции.

(76) Jonas: <...> Vi var i samma rum. Jag gick med dom efter begravningen. Jag visste inte vad jag skulle säga.

Karin: Nej... han kan **nog** inte hitta filtren. Det är därför det tar så lång tid.

Jonas: Jag glömmer aldrig den där dagen... <...> (Tyst musik)

Юнас: <...> Мы были в одной комнате. Я пришел с ними с похорон. Я не знал, что сказать.

Карин: Ясно... он, скорее всего, не может найти фильтр. Вот почему он так долго.

Юнас: Я никогда не забуду тот день... <...>

В приведенном примере логическое умозаключение говорящего построено на знании коммуникативной ситуации и ситуативного контекста: «Если он ушел на кухню и его долго нет, то он скорее всего не может найти фильтр».

Вводное сочетание *скорее всего*, употребленное в русском переводе, является разговорным аналогом модального слова *вероятно*. Это сочетание употребляется, когда говорящий в своем предположении исходит из объективного прошлого опыта, собственного или общечеловеческого: «Это, скорее всего, так, потому что так бывает всегда».

Степень уверенности говорящего в достоверности пропозиции, которую он транслирует слушающему с помощью *nog*, варьируется в зависимости от того, какие основания имеются у говорящего, чтобы считать пропозицию истинной, и насколько эти основания очевидны для слушающего:

(77) Mannen: Hon har flyttat till Lund. Har en egen lägenhet. En väldigt trevlig lägenhet.

Modern: Hon ville **nog** ha en som är lite större. Nu är det bara vi kvar. (Vinterförvaring)

Муж: Она переехала в Лунд. У нее своя квартира. Очень уютная квартира.

Мать: Она всегда хотела квартиру побольше. Теперь здесь остались только мы.

В данном примере говорящий представляет пропозицию как достоверную и не вызывающую сомнений: Мать знает, что ее дочь всегда хотела большую

квартиру. Семантика *nog* здесь сходна с семантикой аффирматива *ju*. Аймер указывает на способность *nog* выражать уверенность говорящего в достоверности пропозиции, в частности, когда ему внезапно напоминают о чем-то, что он забыл [Aijmer 2016:161]. Выбор *nog* обусловлен тем, что у говорящего нет цели убедить собеседника в достоверности пропозиции – высказывание с *nog* ориентировано в первую очередь на самого говорящего, перед нами его комментарий к полученным новостям. Частица не реализует связующей функции.

(78) Hon: Vi har inte ens bestämt vad han ska heta.

Han: Nej. Men det ser vi **nog** när han kommer.

Hon: Eller hon?

Han: Jag tycker han ska heta John-John.

Hon: Nej. Vad som helst utom det.

Han: Han kommer **nog** att säga ”Nej jag heter John-John” när han kommer ut. ”Vad heter du?” (Litet Rekviem)

Она: Мы даже не решили, как его назвать.

Он: Да. Но мы, скорее всего, увидим это, когда он родится.

Она: Или она?

Он: Он должен зваться Йон-Йоном.

Она: Нет. Как угодно, только не так.

Он: Думаю, он родится и скажет: «Привет, меня зовут Йон-Йон. А тебя?»

В примере (78) частица *nog* употреблена в двух высказываниях. В первом говорящий делает предположение, основываясь на своих представлениях о том, как должен происходить процесс выбора имени ребенку. Он выражает надежду на то, что будет так, как они планируют, как задумали. Во втором случае говорящий делает шуточное предположение-прогноз, не основываясь, вероятно, ни на чем, кроме собственных идей. Семантика *nog* сходна с семантикой *väl*, с тем отличием, что здесь говорящий не рассчитывает на реакцию собеседника. Необходимо заметить, что в обоих случаях речь идет о футуральных контекстах.

V. Подлежащее выражено местоимением 3 лица единственного числа *det*

В этой подгруппе примеров мы рассматриваем функции частицы в речевом акте оценки:

(79) Modern: Här är ju fint.

Fadern: Ja, ljusst och fint. Det är **nog** bra.

Modern: Ska vi inte sätta oss?

Fadern: Javisst. (Om ljuset)

Мать: А здесь красиво.

Отец: Да, светло и красиво. Хорошо.

Мать: Может быть, сядем?

Отец: Конечно.

В примере (79) говорящий соглашается с мнением собеседника. Он употребляет *nog* для формирования речевого акта предположения, чтобы оценка звучала скромнее – как будто не может быть до конца уверен в ее справедливости. Частица здесь помогает говорящему дистанцироваться от собственной оценки и служит маркером вежливости, смягчая иллокутивную силу высказывания. Здесь *nog* также не обнаруживает связующей функции. В переводе частица опущена, поскольку в русском языке в таких случаях эпистемические показатели не используются.

Краткие выводы

Частица *nog*, как и частица *väl*, имеет двойственную природу. В своем прототипическом значении частица 1) сигнализирует неполную уверенность говорящего в достоверности своего предположения и 2) указывает на то, что у говорящего есть основания представлять гипотезу как истинную. В этом значении частица употребляется в речевом акте предположения/умозаключения. В рамках этого речевого акта говорящий предлагает собеседнику вывод о некоем положении вещей, основанный на своем прошлом опыте или общечеловеческом знании. При этом говорящий не требует от собеседника подтверждения или опровержения этого предположения – это отличает *nog* от *väl* и обуславливает возможность

употребления частицы как в диалогических, так и в монологических репликах. Особо выделяется употребление частицы в контекстах согласия/подтверждения, где говорящий вынужден подтвердить слова собеседника. В таких примерах *nog* позволяет говорящему дистанцироваться от действительности, не в полной мере признавать то, что признавать не хочется.

Способность *nog* смягчать иллокутивную силу высказывания и служить маркером вежливости делает возможным ее участие в формировании косвенных речевых актов вежливости: акт призыва звучит как предположение или совет.

В утвердительных речевых актах, в контексте обещания или утешения *nog* приобретает эмфатическую функцию, что делает ее одним из средств выражения аффирмативной модальности.

В *таблице 6* приведен анализ употребления частицы в высказываниях с различными пропозициональными субъектами:

	Jag, vi	Du, ni	Man	Han, hon, de	Det
Nog	26 (37%)	2 (3%)	2 (3%)	21 (28%)	22 (29%)
<i>Таблица 6</i>					

Частица *nog* встречается в материале нашего исследования намного реже, чем *ju* и *väl* (74 примера против 882 и 632). *Таблица 6* показывает, что количество примеров с местоимениями 2 лица и неопределенно-личным местоимением *man* минимально (3 %). Это говорит о том, что функция прямого воздействия на слушающего у *nog* также сведена к минимуму. У говорящего может быть достаточно оснований, чтобы высказывать предположения о том, что касается его самого или других лиц, и ему не требуется подтверждение собеседника.

Связующая функция *nog* проявляется только в примерах, где частица употреблена с пропозициональными субъектами, выраженными местоимениями первого и второго лица. В основном *nog* реализует катафорическую функцию, вводя предпосылку для дальнейших доводов, которые говорящий должен представить, чтобы обосновать высказанное им умозаключение.

3.5. Характеристика модальной частицы *visst*

Не все исследователи, описывающие модальные частицы, причисляют к таковому *visst* [см., напр., Lindström 2008, Josephsson 2005], что связано с семантической близостью частицы и наречия *visst конечно*, а также с широкой распространенностью этого наречия в письменной и особенно в устной речи:

System: Vill du åka med mig?   *Сестра: Хочешь поехать со мной?*

Vännen: **Visst.** Det kan jag göra.   *Друг: Конечно. Могу поехать.*

Частица *visst* действительно сохраняет тесную связь с наречием *visst*, поскольку соответствует не всем критериям, приведенным К. Аймер для выделения класса модальных частиц. Так, частица *visst* может употребляться и в прототипической для модальных частиц позиции после личной формы глагола, и в инициальной позиции, также она может быть безударной и ударной. Тем не менее, Аймер и большинство современных исследователей [Petersson 2006, Scherf 2018] выделяют эту частицу и указывают на наличие у нее прагматической семантики и коммуникативно-прагматических функций.

Авторы «Шведской академической грамматики» не включают *visst* в группу наиболее распространенных модальных фразовых обстоятельств (в которую вошли частицы *ju, väl, nog* и модальные слова *faktiskt действительно, verkligen на самом деле* и *egentligen в сущности* [SAG 4:114-122]), однако относят эту единицу 1) к группе модальных фразовых обстоятельств, выражающих убежденность говорящего в достоверности пропозиции [там же с. 105], отмечая, что она имеет такое значение только в ударной инициальной позиции, а также 2) к группе обстоятельств, сигнализирующих о том, что есть некий источник информации, на основе которого говорящий строит свое предположение и который необходимо учесть при оценке достоверности пропозиции. Такой функцией маркера эвиденциальности авторы «Граматики» наделяют частицу в безударной позиции после личной формы глагола [там же с. 109], что делает обоснованным ее отнесение к классу модальных частиц (наречия и модальные слова всегда являются ударными и могут самостоятельно формировать высказывание, а также имеют определенное лексическое значение). Из описания частицы, приведенного в

«Грамматике», следует, что *visst*, как и *nog*, имеет разные функции в зависимости от синтаксической позиции в предложении и наличия/отсутствия интонационного выделения. Это отмечают и другие исследователи [Petersson 2006, Aijmer 2015, Scherf 2018]. В данной работе мы тоже придерживаемся такого разделения. Во всех проанализированных нами примерах частица *visst* употребляется в декларативных речевых актах.

3.5.1. Перевод высказываний с частицей *visst*

Шведско-русский словарь издательства «Норстедтс» [Marklund Sharapova 2012] предлагает следующие эквиваленты частицы *visst*: *конечно, без сомнения, несомненно, разумеется, вероятно, кажется, очевидно*.

Параллельный корпус Национального корпуса русского языка в целом повторяет предложенные авторами словаря варианты: *конечно, конечно же, разумеется, безусловно, определенно, точно, видимо, явно, кажется, несомненно*.

Большинство эквивалентов являются модальными словами, семантика которых связана как с модальностью мнения, так и с модальностью знания. Это в полной мере отражает двойственную природу *visst*.

3.5.2. Анализ коммуникативно-прагматических функций *visst*

I. *Visst* в позиции после личной формы глагола

Основную часть примеров этой подгруппы составляют высказывания с пропозициональным субъектом, выраженным местоимениями 3 лица (кроме местоимения *man*):

(80) Olof: Har ni varit och sett Hammershøi?

Jonas: Hammershøi?

Olof: På Nationalmuseum? Hammershøiutställningen på Nationalmuseum?

Jonas: Målaren?

Olof: Ja, dansken. Har ni hunnit se den? Det måste ni göra. Dom är... dom är underbara, hans tavlor. Vi var och såg den, Karin och jag. <...> Det var några tavlor som jag inte hade sett tidigare, som jag inte kände till... Men det är ju nästan samma motiv som

kommer igen hela tiden. Han möblerade visst om sina egna rum, för att få nya... för att variera dom... Det måste ni göra. (Tyst musik)

Улоф: Вы уже посмотрели Хаммерсхоя?

Юнас: Хаммерсхоя?

Улоф: В Национальном музее? Выставку Хаммерсхоя в Национальном музее?

Юнас: Художника?

Улоф: Да, датчанина. Вы успели ее посмотреть? Вы должны это сделать. Они...они просто великолепны, его картины. Мы были и видели их, Карин и я. <...> Там было несколько картин, которые мне незнакомы... Но ведь все время повторяется почти один и тот же мотив. Он, видимо, менял мебель в своих комнатах для новых... для разнообразия... Вы должны это увидеть.

В примере (80) частица употреблена в речевом акте предположения. Она сигнализирует неполную уверенность говорящего в достоверности содержания пропозиции и в то же время транслирует, что говорящий опирается на объективный источник информации. В данном случае говорящий сам был в музее и видел картины с разными интерьерами: visst реализует функцию визуального эвиденциала. Несмотря на это, говорящий по каким-то причинам не до конца доверяет зрительному опыту и выражает неуверенность в верности своей гипотезы, дистанцируясь от содержания предположения, чтобы «избежать ответственности за его достоверность» [Aijmer 1978:10]: «Я это видел, значит, это, вероятно, так, но я в этом не уверен. Если окажется, что это не так, я вас предупреждаю, что так может быть». В данном примере высказывание с visst связано с другими посредством местоимения, частица не реализует связующей функции и не развивает действие в диалоге.

В двух следующих примерах мы наблюдаем высказывания с частицей visst в реактивных репликах, в которых говорящий, отвечая на вопрос собеседника, указывает на наличие иного вербального источника информации:

(81) Jonas: Såg dom något?

Olof: Ja, nånting är det väl. Jag kanske har en liten cysta där som dom vill avlägsna... men dom vill passa på att titta på levern också. Det var några värden som **visst** inte var så bra. Men det är inget att oroa sig för. (Tyst musik)

Юнас: Они обнаружили что-нибудь?

*Улоф: Да, что-то вроде есть. У меня там, возможно, небольшая киста, которую они хотят удалить... но они хотят заодно посмотреть печень. Там какие-то показатели, **кажется**, были не очень хорошие. Но беспокоиться не о чем.*

В примере (81) Улоф с помощью **visst** сигнализирует, что получил информацию о показателях печени от кого-то. При этом он предполагает, что мог забыть или упустить что-то из сказанного, поэтому представляет эту пропозицию с некоторой степенью неуверенности. Таким образом, говорящий перекладывает часть своей ответственности за достоверность содержания пропозиции на источник информации: не его вина, если пропозиция окажется ложной, он лишь передал чужую информацию.

В некоторых примерах субъект пропозиции и источник информации совпадают:

(82) B: Jobbar dom i stan?

D: Nej. Dom är i USA, dom som har huset på den sidan. Jag tror att han är på nån sorts utbildning där, i Dallas. Han är **visst** nånting inom flyget, civilflyget...Men han är inte pilot. (Genom)

B: Они работают в городе?

*D: Нет. Они в США, те, у кого дом на этой стороне. Он, по-моему, на кого-то учится там, в Далласе. Его профессия, **кажется**, как-то связана с авиацией, гражданской авиацией...Но он не пилот.*

D отвечает на вопрос собеседника о соседях. Можно проследить изменение отношения говорящего к тому, что он сообщает. В первом высказывании он совершенно уверен в своей правоте. Во втором – транслирует недостаточную уверенность в достоверности сообщаемого факта с помощью эксплицитного модуса с ментальным предикатом *jag tror я думаю*. В третьем высказывании говорящий сигнализирует собеседнику о наличии иного вербального источника

информации, и сообщает, что мог забыть что-то из слов третьего лица или передать историю слишком кратко или неправильно. В этих примерах частица также не реализует связующей функции.

Пропозициональный субъект высказывания с частицей может быть выражен местоимениями первого или второго лица:

(83) Vännen: Det är säkert två månader sen jag pratade med honom. Det var nån gång i början av augusti. Innan jag började jobba. Men då var jag i Stockholm. Då hade jag kommit tillbaka.

Mannen: Ja, du var visst i Italien.

Vännen: Ja. Jag var där med Maria.

Друг: С тех пор, как мы разговаривали в последний раз, прошло не меньше двух месяцев. Это было в начале августа. До того, как я начал работать. Но тогда я был в Стокгольме. Тогда я уже вернулся назад.

Муж: Да, ты же, кажется, был в Италии.

Друг: Да. Я был там с Марией.

В данном примере visst также сигнализирует о наличии источника информации, на основании которого говорящий делает свое суждение. Основная функция частицы здесь заключается в актуализации информации, полученной когда-то ранее, и выражении внезапности этого воспоминания. Это значение отмечает и К. Аймер [Aijmer 1978:10]. Частица не указывает, от кого получена информация, но говорящий обращается к собеседнику за ее подтверждением. В рассматриваемом примере связь между высказываниями реализуется прежде всего с помощью междометия, частица не обнаруживает связующей функции.

В примерах, где visst приобретает эмфатическую функцию, способность «усилить речевой акт» [SAG 4:2018], она часто выступает в ударной позиции. Здесь подлежащее в высказывании с visst выражено только местоимениями первого и второго лица. Во всех примерах высказывание включено в речевой акт возражения:

(84) B: Var du därinne...hos honom?

A: Nej, det var jag inte.

B: Det var du **'visst**.

A: Nej.

B: Jo. (Förnimmelse)

B: Ты была там...у него?

A: Нет, не была.

B: А вот и была.

A: Нет.

B: Да.

В приведенном примере с помощью *visst* говорящий подчеркивает уверенность в своей правоте и воздействует на собеседника таким образом, чтобы тот принял его возражение как несомненно верное. Отсылки к конкретному источнику информации, на который опирается говорящий, не наблюдается, «используя частицу, говорящий сигнализирует слушающему только о наличии источника, на основе которого он строит свое высказывание» [Крылова 2021:159]. Поскольку говорящий стремится воздействовать на слушающего, убедить его в достоверности пропозиции, мы можем говорить о *visst* в этой функции как о средстве выражения аффирмативной модальности.

В следующем примере говорящий, используя частицу *visst* в аргументе, пытается собеседника в возможности совершения действия:

(85) C: Du kan bo här om du vill.

B: Nej, nej.

C: Det kan du **'visst** det.

B: Nej, det kan jag inte. Inte än. Inte så här.

C: Можешь пожить здесь, если хочешь.

B: Нет, нет.

C: Можешь, конечно.

B: Нет, не могу. Не сейчас. Не таким образом.

Здесь говорящий строит свое возражение на собственных объективных ресурсах и возможностях: С уверен, что сможет приютить В, это несомненно. Частица подчеркивает его уверенность и сигнализирует это слушающему.

(86) Dottern: Plinka på piano kan man ju inte leva på.

Sonen: Det kan jag **'visst**.

Moder 1: Han måste ju ha ett ordentligt yrke.

Дочь: На одной игре на пианино ведь не проживешь.

Сын: А вот и проживу.

Мать 1: Ему ведь нужна настоящая профессия.

Во всех примерах необходимо обратить внимание на лексические повторы (– Plinka på piano **kan du inte** leva på. – Det **kan jag** visst. – Nej, **det var jag** inte. – **Det var du** visst.). Зеркальный ответ собеседника, в состав которого входит visst, акцентирует содержание предыдущего высказывания.

Во всех этих примерах частица является средством выражения имплицитного возражения, участвует в обнаружении противительной связи между высказываниями и, таким образом, реализует связующую анафорическую функцию.

II. Visst в инициальной позиции

Примеров с visst в инициальной позиции большинство. В этой позиции встречается только безударный вариант частицы⁵, – вероятно, это связано с тем, что инициальная позиция уже придает частице достаточный вес и дополнительная интонационная поддержка была бы избыточной. В этой позиции частица употребляется со всеми пропозициональными субъектами, кроме местоимения man:

(87) C: Har ni sett några andra hus?

A: **Visst** har vi det.

B: Det sa vi ju. (Genom)

C: *Вы смотрели другие дома?*

A: **Конечно.**

B: *Мы же говорили вам об этом.*

---

⁵ Решение о том, является ли частица безударной или ударной, принималось с учетом мнения нескольких информантов – носителей шведского языка.

В примере (87) *visst* употребляется в контексте подтверждения. Говорящий дает положительный ответ на вопрос собеседника и с помощью частицы указывает на очевидность такого ответа. Третий участник разговора подтверждает, что такой ответ должен быть очевидным для слушающего.

В некоторых случаях высказывание с частицей, употребляющееся в акте подтверждения, зеркально повторяет предыдущее высказывание собеседника:

(88) Karin: Ni har det så fint därnere.

Jonas: Jag vet inte... **Visst** är det fint.

Karin: Det är ju underbart att ha ett hus att kunna åka till... fast man hinner ju inte vara där så mycket som man vill. <...> (Tyst musik)

Карин: У вас там [в загородном доме] такая красота.

Юнас: Не знаю... Там хорошо, конечно.

Карин: Ведь так прекрасно иметь дом, куда можно поехать... хотя, там ведь никогда не удастся побыть столько, сколько хочется. <...>

Некоторая неуверенность, которую демонстрирует говорящий в первом высказывании (Jag vet inte...), свидетельствует о том, что говорящий в действительности не вполне согласен с собеседником. Авторы исследования «Дискурсивные слова русского языка» выделяют значение «иллюзии согласия» у модального слова *конечно* [Бонно, Кодзасов 1998:351].

В некоторых примерах за согласием следует оговорка, которая вводится противительным союзом *men*:

(89) Dottern: Du kan väl stanna en liten stund i alla fall, för mammas skull.

Sonen: **Visst** kan jag det. Jag stannar väl en stund **men** sen måste jag sticka.

Дочь: Ты же можешь остаться хотя бы ненадолго, ради мамы.

Сын: Конечно, могу. Я, пожалуй, останусь на какое-то время, но потом мне нужно бежать.

В данном примере говорящий отзывается на завуалированную просьбу собеседника, однако за согласием следует сложное предложение с уступительно-противительной связью. Интересно отметить употребление здесь модальной частицы *väl*. Если *visst* отражает готовность говорящего помочь нарочито открыто,

väl имплицитно транслирует раздумья и, в конце концов, нежелание говорящего делать это.

Во всех примерах этой подгруппы частица не реализует связующей функции, в качестве средства связности используется прежде всего повторение слов. Следовательно, коммуникативно-прагматическая функция частицы в качестве средства развития действия в диалоге здесь, как и в предыдущих примерах, не реализуется.

Краткие выводы

Модальная частица *visst* может употребляться в ударной и безударной позиции, в позиции после предиката и в инициальной позиции. Необходимо отметить, что ударность/безударность частицы – критерий достаточно субъективный, поскольку в рамках данного исследования нет возможности проанализировать примеры в их устной интерпретации.

В позиции после предиката в безударной позиции частица употребляется в речевом акте предположения, транслируя слушающему недостаточную уверенность говорящего в верности своей гипотезы и сигнализируя о наличии иного объективного источника информации – сенсорного или вербального. Таким образом, частица может служить в драматическом диалоге сенсорным эвиденциалом или выражать значение косвенной засвидетельствованности. Это помогает говорящему снять с себя часть ответственности за верность предположения, дистанцироваться от ситуации. С местоимениями второго лица частица актуализирует полученную ранее информацию и выражает ее внезапное припоминание говорящим. В ударной позиции частица употребляется в речевом акте возражения и приобретает эмфатическую функцию: подчеркивает уверенность говорящего в своей правоте, служит для воздействия на собеседника. В таких случаях *visst* в позиции после предиката может быть средством выражения аффирмативного типа эпистемической модальности.

В инициальной позиции безударный вариант частицы *visst* употребляется в речевых актах согласия и подтверждения, транслируя уверенность говорящего в своей правоте или выражая «иллюзию согласия».

Ниже приведен анализ употребления безударного и ударного вариантов частицы в высказываниях с различными пропозициональными субъектами:

	Jag, vi	Du, ni	Man	Han, hon, de	Det
Безударный <i>visst</i>	8 (32 %)	1 (3 %)	0 (0 %)	2 (7 %)	7 (27 %)
Ударный <i>visst</i>	3 (11 %)	5 (20 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	(0 %)

Таблица 7

Таблица 7 показывает, что в отличие от других частиц, *visst* совсем не употребляется с местоимением *man*, что говорит о ее более личностной направленности. Безударный вариант (69 %) преобладает над ударным (31 %), поскольку является прототипическим. Ударный вариант частицы употребляется в основном с местоимениями 1 и 2 лица, причем примеры с последними преобладают.

Выводы по главе 3

1. Каждая из рассмотренных модальных частиц, как средство выражения субъективной модальности, имеет коммуникативно-прагматические функции, реализующиеся в том или ином контексте. Связующая функция подразумевает роль частиц в обнаружении логических связей между высказываниями и развитии драматического диалога. В этом аспекте связующая функция рассматривается в рамках коммуникативно-прагматических. Она реализуется не у всех частиц.
2. Частица **ju** является средством выражения аффирмативного типа эпистемической модальности и употребляется для воздействия на субъективный мир собеседника – а именно для того, чтобы убедить его в достоверности содержания пропозиции, высказанной говорящим. Для убеждения собеседника говорящий может апеллировать к собственному, чужому или общеизвестному

знанию, а также к фоновому знанию, общему для него и собеседника. Самое сильное воздействие происходит при апеллировании к чему-то самоочевидному, само собой разумеющемуся: тогда у собеседника не остается никакой возможности не согласиться с данной пропозицией. Употребляясь в иллокутивных актах утверждения, сообщения, объяснения, возражения, аргумента, оценки, частица *ju* обнаруживает следующие коммуникативно-прагматические функции:

- функцию объединения говорящего и слушающего в одной коммуникативной ситуации;
- функцию актуализации общего для коммуникантов/фонового знания;
- функцию напоминания слушающему о релевантном факте;
- функцию внезапного припоминания говорящим чего-то, что он в данный момент не учитывает;
- эмфатическую функцию, позволяющую, в том числе, реализовывать манипулятивные стратегии;
- функцию выражения реакции говорящего на что-то неожиданное;
- анафорическую функцию: обнаружение причинно-пояснительных, уступительных и противительных отношений между высказываниями;
- катафорическую функцию: обнаружение причинно-следственных отношений между высказываниями, ввод предпосылки для дальнейшего пояснения.

Необходимо отметить отсутствие у частицы *ju* экспрессивной функции: эта частица является самой нейтральной из всех в плане риторической активности. Этим, вероятно, и объясняется распространенность этой частицы, ее способность употребляться практически в любых контекстах.

Частица *ju* является диалогической, хотя и может использоваться в монологических репликах, где выражает внезапное припоминание говорящим какой-то информации.

Связующая функция частицы часто выходит на первый план в диалоге, что позволяет говорить о *ju*, как о дискурсивной частице.

3. **Частица v̄al** более диффузна по семантике: она может, в зависимости от контекста, быть средством выражения одного из двух типов эпистемической модальности – проблематического или аффирмативного. Прототипическое модальное значение v̄al – выражение неуверенности говорящего в достоверности содержания пропозиции – обуславливает преимущественное употребление частицы в речевом акте предположения. С помощью v̄al говорящий представляет свое предположение как истинное, однако сигнализирует собеседнику, что это предположение основано только на субъективных мыслях, интуиции говорящего. Среди важных моментов необходимо отметить обращенность частицы на собеседника: v̄al употребляется только в диалогических репликах.

В речевых актах предположения и оценки v̄al может выражать в коммуникативно-прагматическом аспекте:

- ту или иную степень неуверенности говорящего в верности его гипотезы относительно прошлого, настоящего или будущего, отстраненность говорящего от ответственности за достоверность содержания пропозиции;
- отстраненность говорящего от действительности;
- функцию маркера вежливости;
- осторожную оценку, которую говорящий хочет разделить со слушающим;
- стремление говорящего установить контакт с собеседником

Особо выделяется способность частицы реализовывать фатическую функцию (с мест. 2 лица) и смягчать иллокутивную силу высказывания, делать его менее категоричным. Последнее позволяет v̄al выступать в роли маркера вежливости и формировать косвенные речевые акты вежливости: v̄al преподносит акт призыва, приказа, просьбы как акт предположения. Фатическая функция частицы особенно проявляется в модальных вопросах повествовательной структуры, с помощью которых говорящий, часто уже зная ответ, задает вопрос слушающему, чтобы призвать его к беседе.

В качестве средства выражения аффирмативной модальности частица употребляется в речевых актах утверждения, объяснения, аргумента, возражения и реализует:

- эмфатическую функцию;
- экспрессивную функцию.

Экспрессивность и предельная интерактивность, обращенность на адресата, является отличительной чертой частицы *väl*. Частица может выражать надежду говорящего на что-то, его опасения из-за того, что ожидания не оправдаются, раздражение и недовольство из-за того, что собеседник забыл о чем-то важном. В этом контексте *väl* служит также для актуализации общего знания.

Связующую функцию *väl* отчасти реализует лишь в контекстах, где между высказыванием с *väl* и предшествующим высказыванием обнаруживается имплицитное противопоставление. Катафорическая функция совсем не свойственна этой частице.

4. Частица **nog** также обнаруживает двойственную природу. В качестве типичного для нее средства выражения проблематического типа эпистемической модальности она употребляется в речевом акте гипотезы-умозаключения, а также в контексте вынужденного согласия или подтверждения, где транслирует слушающему:

- наличие у говорящего объективных доводов, позволяющих представлять умозаключение как верное (типичным источником таких доводов является личный прошлый опыт говорящего или общечеловеческий опыт: «у меня так уже было/так обычно бывает, значит, и сейчас будет так»);
- желание говорящего отстраниться от неудобной ему правды;
- стремление говорящего сделать высказывание менее категоричным (маркер вежливости).

Как и *väl*, *nog* может формировать косвенные речевые акты вежливости, превращая призыв в совет, а утверждение в предположение. В этой «ипостаси» частица *nog* отличается от *väl* тем, что говорящий, употребляя ее, не нуждается том,

чтобы его гипотеза была подтверждена или отвергнута. Это обуславливает возможность употребления *nog* в том числе в монологических репликах.

В качестве средства выражения аффирмативного типа эпистемической модальности *nog* выражает только эмфатическую функцию, экспрессивность у нее отсутствует. Эта функция проявляется особенно ярко в контексте обещания/утешения.

В акте гипотезы-умозаключения *nog* может реализовывать катафорическую функцию, вводя предпосылку для дальнейшего объяснения. Обнаруживая причинно-следственные отношения между высказываниями, *nog* часто вступает во взаимодействие с частицей *ju*, реализующей, наоборот, анафорическую функцию. Таким образом реализуется коммуникативно-прагматическая функция частицы в качестве средства развития действия в драматическом диалоге.

5. **Частица *visst*** в качестве средства выражения проблематического типа эпистемической употребляется в акте предположения и отличается от *väl* и *nog* тем, что может служить сенсорным эвиденциалом и выражать значения пересказывательности. В этом случае *visst* сигнализирует:

- недостаточную уверенность говорящего в верности своих слов;
- желание говорящего снять с себя часть ответственности за сообщаемое;
- наличие объективного источника информации, на котором говорящий основывает свое высказывание.

Кроме того, частица может актуализировать прошлый опыт, фоновые знания, общие для коммуникантов, а также транслировать внезапность того или иного воспоминания для говорящего.

В иллокутивных актах возражения и согласия/подтверждения частица *visst* реализует эмфатическую функцию: усиливает речевой акт, чтобы подчеркнуть правоту говорящего и усилить степень воздействия его слов на собеседника. В некоторых контекстах *visst* сигнализирует очевидность данного ответа для говорящего, а также выражает «иллюзию согласия». Частица *visst* не обнаруживает ни анафорической, ни катафорической функции и, соответственно, не участвует в развитии драматического диалога.

Модальные значения, коммуникативно-прагматические и связующие функции шведских модальных частиц наглядно представлены в *таблице 9*:

	Аффирмат. знач.		Проблем. знач.		Связующая функция
	Мод.	Ком.-пр.	Мод.	Ком.-пр.	
Ju	Уверенность Воздействие на собес.	Эмфатическая ф. Маркер сближения Актуализ. прошлого опыта Напоминание Внезапное припоминание Неожиданность	–	–	+ (анафор., катафор.)
Väl	Экспресс. уверенность Совпадение с отрицательным и ожиданиями	Экспрессивная ф. Эмфатическая ф.	Предполож. Допущение	Низкая ст. вовлеч. Отстранение от действит. Потребность в подтв. от собес. Фатическая ф. Маркер вежл.	–
Nog	Вежливая уверенность	Утверждение Утешение Обещание	Предполож. Умозаключ.	Дистанц. от действит. Вынужденное согласие Маркер вежл.	+ (катафор.)
Visst	Уверенность	«Иллюзия согласия»	Эвиденциал Пересказыв.	Отстранение от ответств.	–

Безу д.					
Visst Уд.	Уверенность	Эмфатическая ф.	–	–	–

Таблица 9

В *таблице 10* представлены речевые акты, которые могут формировать частицы в драматическом диалоге:

	С	У	О	А	В	П	Согл.	Оц.	Обещ.	Пред.	Косв. р.а.
Ju	+	+	+	+	+	+		+			
Väl	+	+	+	+	+			+		+	+
Nog		+				+	+	+	+	+	+
Visst		+			+	+	+			+	

Таблица 10

* С – акт сообщения, У – акт утверждения, О – акт объяснения, А – акт аргумента, В – акт возражения, П – акт подтверждения, Согл. – акт согласия, Оц. – акт оценки, Обещ. – акт обещания, Пред. – акт предположения, Косв. р.а. – косвенные речевые акты.

Анализ употребления частиц в высказываниях, пропозициональный субъект которых выражен различными местоимениями, показал следующее:

	Jag, vi	Du, ni	Man	Han, hon, de	Det	Общее кол- во
Ju	220 (25%)	111 (13%)	67 (8%)	188 (21%)	296 (33%)	882
Väl	112 (18%)	120 (19%)	27 (4%)	131 (21%)	242 (38%)	632

Nog	27 (37%)	2 (3%)	2 (3%)	21 (28%)	22 (29%)	74
Visst безударны й	8 (32 %)	1 (3 %)	0 (0 %)	2 (7 %)	6 (24 %)	17
Visst Ударный	3 (11 %)	5 (20 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	1 (3 %)	9
<i>Таблица 11</i>						

Модальные частицы *ju*, *väl* и *visst* можно назвать диалогическими: процент их употребления с местоимениями 1 и 2 лица достаточно высок. Однако проявляется их диалогичность по-разному. *Ju* актуализирует общий для говорящего и собеседника прошлый опыт, который объединяет их в данной коммуникативной ситуации, что позволяет говорящему реализовывать свои коммуникативные стратегии. При этом количество примеров с *ju* в высказываниях с *јаg* в качестве подлежащего преобладает, что свидетельствует о том, что акцент делается на говорящем. Это же обуславливает возможность употребления *ju* в монологических репликах, в которых говорящий обращается к собственному знанию. С помощью *väl* говорящий обращается к собеседнику за подтверждением верности своего предположения и передает свои полномочия ему, поскольку самому ему не хватает знаний, опыта или других оснований для того, чтобы представить высказывание как несомненно верное. Это обуславливает большое количество примеров с *väl* в речевом акте оценки и в футуральных контекстах.

Наибольшее количество примеров с частицей *ju* в высказываниях с пропозициональным субъектом, выраженным местоимением *тап*, подтверждает частое обращение говорящего к общеизвестному знанию, общепринятым нормам. В примерах с *väl* и *nog* местоимение *тап* служит для другого: с помощью него говорящий отстраняется от содержания своего высказывания, поскольку тема ему неприятна, или он хочет соблюсти нормы вежливости и выразить свое мнение в менее категоричной форме. Таким образом, местоимение *тап* дополняет функции

väl и пог как маркеров вежливости. Отсутствие подобных примеров с visst свидетельствует об отсутствии этой функции у данной частицы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ материала показал, что единицы *ju*, *väl*, *nog* и *visst* относятся к классу модальных частиц и в этом качестве могут выполнять различные коммуникативно-прагматические функции. Основной целью данной работы было выявление этих функций в различных контекстах в двенадцати пьесах современного шведского драматурга Л. Нурена. Драматический диалог сочетает в себе особенности устной и письменной форм бытования дискурса, что позволяет выполнить наиболее полный анализ функций модальных частиц.

В данном исследовании анализ модальных частиц осуществлялся посредством сочетания методов структурно-семантического, коммуникативно-функционального, контекстуального и прагматического анализа. Два аспекта анализа – функционально-грамматический и коммуникативно-прагматический – позволили учесть множество факторов, определяющих функции, которые каждая частица реализует в зависимости от лингвистического и ситуативного контекстов.

Частица *ju* является средством выражения аффирмативного типа эпистемической модальности и используется в первую очередь для воздействия на собеседника, убеждения собеседника в том, что пропозиция, представленная говорящим, является верной. Обращаясь к общему для коммуникантов знанию, *ju* включает слушающего в одну коммуникативную канву с говорящим, благодаря чему говорящий может напомнить собеседнику о некоем релевантном факте, подчеркнуть свой авторитет, реализовать манипулятивные стратегии. Способность частицы апеллировать к чему-то очевидному, само собой разумеющемуся для говорящего и собеседника, позволяет использовать ее в аргументах, когда требуется что-то доказать собеседнику.

Основное модальное значение **частицы *väl***, как средства выражения проблематической модальности, – выражать предположение говорящего, основанное на его субъективном мнении или допущении, обуславливает основные коммуникативно-прагматические функции этой частицы. С помощью *väl* говорящий обращается к собеседнику за подтверждением высказанного им

предположения. Это обуславливает наличие у частицы фатической функции, а также является причиной употребления *väl* в нетипичных для других частиц контекстах – в частности, в модальных вопросах повествовательной структуры. Кроме того, интерактивная природа *väl* позволяет частице формировать косвенные речевые акты вежливости – акты просьбы, совета, призыва к совместному действию. Анализ показал, что *väl* имеет и аффирмативные характеристики: в актах утверждения, возражения, объяснения, аргумента частица приобретает эмфатическую и экспрессивную функции. *Väl* является наиболее экспрессивной и интерактивной частицей.

Коммуникативно-прагматические функции модальной **частицы *nog***, как средства выражения проблематической модальности, схожи с предыдущей частицей. *Nog* выражает гипотезу-умозаключение говорящего, которое не требует ни подтверждения, ни опровержения собеседником. У этой частицы отсутствуют характерные для *väl* фатическая и интерактивная функции. *Nog* может выразить низкую степень вовлеченности говорящего в содержание пропозиции и желание отстраниться от действительности. Особенно сильно это проявляется при выражении согласия, когда говорящий вынужден признать неудобную для себя правду. Кроме того, *nog*, как и *väl*, позволяет говорящему реализовывать стратегии вежливости за счет того, что снижает категоричность высказывания. Функция частицы как маркера вежливости проявляется также в способности *nog* формировать косвенные речевые акты вежливости, в частности акт совета. Так называемая «деонтическая частица *nog*» употребляется в контекстах, когда говорящий хочет мягко напомнить собеседнику о правилах этикета. Аффирмативные характеристики частицы проявляются в утвердительных речевых актах, в частности в контексте обещания/утешения.

Частица *visst*, как средство выражения проблематической модальности, употребляется в первую очередь в качестве маркера сенсорной эвиденциальности и пересказывательности. С помощью частицы говорящий снимает с себя часть ответственности за истинность содержания пропозиции, перекладывает

ответственность на другого человека или признает ненадежность собственного сенсорного восприятия.

В актах аргумента, возражения и подтверждения/согласия частица, как в ударном, так и в безударном варианте, приобретает эмфатическую функцию и передает значения аффирмативной модальности. Частица подчеркивает убежденность говорящего в верности своих слов, что позволяет ему продемонстрировать уверенность при убеждении собеседника или возражении ему.

Различные коммуникативно-прагматические функции модальных частиц *jū*, *väl*, *nog* и *visst* обуславливают частое употребление данных частиц в драматическом диалоге, где взаимодействие между персонажами продумано до мельчайших деталей, однако выглядит почти так же естественно, как и в спонтанном устном диалоге. Без них диалогические реплики были бы монотонными, а персонажи пьесы казались бы бездушными и неестественными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азнабаева Л.А. Принцип экспликации отношения в конвенциональном речевом поведении адресата // Филологические науки. – ТвГУ: 2002. – С. 40–49.
2. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия лит. и языка, Т.32. 1973. – С. 84–89.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
4. Балаян А.Р. Основные коммуникативные характеристики диалога: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. АН СССР. Ин-т языкознания. – М., 1971. – 19 с.
5. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд. иностр. лит., 1955. – 412 с.
6. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М.: Помовский и партнеры, 1993. – 205 с.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Институт мировой литературы РАН, 1963. – 505 с.
8. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
9. Бахтин М.М. К философии поступка. // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984-1985. – М: Наука, 1986. – 254 с.
10. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М: Прогресс, 1974. – 448 с.
11. Бердник Л.Ф. Коммуникативные типы русских предложений: учебное пособие к спецкурсу. – Пермь: ПГПИ, 1982. – 76 с.
12. Бонно К., Кодзасов С.В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линеаризацию и интонирование (на примере частиц же и ведь) // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. – М.: Метатекст, 1998. – С. 382–443.
13. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – 280 с.

14. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 545 с.
15. Буркова С.И. Эвиденциальность и эпистемическая модальность в ненецком языке // Исследования по теории грамматики Вып. 3. Ирреалис и ирреальность // Под ред. Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева. – М.: Гнозис, 2004. – С. 353–374.
16. Бырдина Г.В. Динамическая структура диалогической речи. – Тверь: Тверской государственный университет, 1992. – 84 с.
17. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1947. – 784 с.
18. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
19. Винокур Т.Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М.: Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1953. – 16 с.
20. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
21. Володина М.С. Средства формальной и смысловой связности в диалогическом тексте: дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2015. – 155 с.
22. Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Звезда, 1926, №6. – С. 244–267.
23. Гак В.Г. Сопоставительная прагматика // Филологические науки, 1992, №3. – С. 78–90.
24. Глущенко Н.В. Драматический диалог как дискурсивная практика: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2005. – 22 с.
25. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 276–302.

26. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
27. Заикин А.Е. Коммуникативно-прагматические функции немецких модальных частиц: дисс. ... канд. филол. наук. – М.: Изд-во МПГУ, 1985. – 215 с.
28. Зацепкина В.В. Соотношение понятий драматического, драматургического и театрального текста // Молодой ученый № 12 (35). 2011. – С. 234–236.
29. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 352 с.
30. Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 425 с.
31. Каменский, М.В. К вопросу о социолингвистической парадигме дискурсных маркеров английского языка // Наука. Инновации. Технологии. №50. 2007. – С. 171–178.
32. Киселева К.Л., Пайяр Д. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. – М.: Метатекст, 1998. – 448 с.
33. Кобозева И.М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – С. 39–46.
34. Кобозева И.М., Орлова С.В. Одноклеточные организмы общения под микроскопом: немецкая частица ja в сопоставлении с ее переводными эквивалентами ведь и же // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 7 (14). – М., 2008. – С.199–205.
35. Койт М.Э. Понятие коммуникативной стратегии в модели общения // Уч. Записки Тарусского ун-та, вып. 793. – Тарту, 1988. – С. 97–110.
36. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания № 3. 1994. – С.92–104.
37. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи: дисс. д-а филол. наук. – Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2001. – 359 с.

38. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 349–383.
39. Крылова Э.Б. Статус модальных частиц датского языка и порядок их следования в предложении // Скандинавская филология. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2009. – С. 111–122.
40. Крылова Э.Б. Система и функции модальных частиц в датском языке: дисс. ... д-а. филол. наук. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. – 425 с.
41. Крылова Э.Б. Коммуникативные функции модальных частиц в датском языке. – М.: МАКС Пресс, 2021. – 440 с.
42. Кудряшов И.А. Коммуникативная свобода языковой личности: скрытые смыслы, рациональность, дискурс [Текст] / И. А. Кудряшов // Мова і Культура: Науковий щорічний журнал. – Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2005а. – С. 144–148.
43. Ларина Т.В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации: На материале английской и русской коммуникативных культур: дисс. ... д-а филол. наук. – М.: изд-во РУДН, 2003. – 495 с.
44. Левонтина И.Б.. Об одной загадке частицы *ведь* // Труды Международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог-2005». – М.: Наука, 2005. – С. 1–5.
45. Левонтина И.Б. Частицы переспроса и припоминания // Слово и язык: Сб. ст. к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки славянских культур, 2011. – С. 269–278.
46. Левонтина И.Б. Русский со словарем. – М.: Corpus, 2016. – 464 с.
47. Левонтина И.Б. «Иду это я...». О дискурсивных употреблениях дейктических слов // Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии». – М., 2016. – С. 160–171.
48. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
49. Маркова Е.А. Английские эквиваленты русских частиц с позиций системной лингвистики: дисс. ... канд. филол. наук. – М.: РУДН, 2017. – 148 с.

50. Маслова-Лашанская С.С., Толстая Н.Н. Учебник шведского языка. – СПб.: Литера, 2005. – 272 с.
51. Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста: дисс. ... д-а филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 390 с.
52. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – М.: Наука, 1985. – 170 с.
53. Николаева Т.М. Текст. Лингвистика текста. Теория текста // Лингвистический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/507a.html>.
54. Николаева Т.М. От звука к тексту. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с.
55. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. – М., 1986. – С. 22–129.
56. Отин Е.С. О субъективных формах передачи чужой речи // Русский язык в школе № 1. – М., 1966. – С. 51–58.
57. Падучева Е.В. Прагматические аспекты связности диалога // Серия литературы и языка, Т. 41, №4. М., 1982. – С. 305–313.
58. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: ЛКИ, 1985. – 292 с.
59. Падучева Е.В. Модальность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusgram.ru/Модальность>.
60. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: РГГУ, 2011. – 672 с.
61. Рахилина Е.В., Бычкова П.А., Жукова С.Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы. // Вопросы языкознания № 2. 2021. – С. 7–27.
62. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект пресс, 1996. – 275 с.
63. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 181 с.

64. Ружицкий И.В. Модальные частицы как один из способов реализации прагматического уровня языковой личности // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 13–19.
65. Савельева Л.А. Роль частиц в когезии и когерентности текста // Вестник Башкирского университета. Т. 23. №1. 2018. – С. 225–232.
66. Савельева Л.А. Частицы в русском, английском и немецком языках: сопоставительный анализ характеристик и ключевых признаков // Вестник Башкирского университета. Т. 23. №4. 2018. – С. 1274–1283.
67. Семенова О.В. Морфологический статус и синтаксические функции слова «вроде»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 16 с.
68. Стародумова Е.А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке: дисс. ... канд. филол. наук. – Л.: ЛГУ, 1973. – 24 с.
69. Стародумова Е.А. Русские частицы (письменная монологическая речь): дисс. ... д-а. филол. наук. – М.: МПГУ, 1997. – 446 с.
70. Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 292 с.
71. Федотова Н.В. Проблема соотношения диалогической и монологической речи в аналитических телепрограммах // Вестник ТГУ вып. 2 (42). – Тверь, 2006. – С. 279–281.
72. Чекалина Е.М. Выражение неспецифицированного агенса в шведском и русском языках: контрастивный анализ и перевод // Stephanos, Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва), том 26, № 6, 2017. – С. 9–23.
73. Чекалина Е.М., Жильцова Е.Л. Шведский язык. Справочник по грамматике. – М.: Живой язык, 2018. – 224 с.
74. Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопросы языкознания №2. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – С. 67–82.
75. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 377 с.

76. Шведова Н.Ю. Частицы. // Грамматика русского языка I, под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – С. 723–731.
77. Шмелев А.Д. Референциальные механизмы русского языка // *Slavica Tampere*. IV. – Тампере, 1996. – 48 с.
78. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
79. Яковлев А.А. Соотношение между трансформациями и видами пресуппозиций в переводе. // Вестник Челябинского государственного университета № 8 (223). 2011. – С. 158–160.
80. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные труды. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – С. 17–58.
81. Aijmer K. Partiklarna ju och väl // *Nysvenska studier* 57. – Uppsala, 1977. – S. 205–216.
82. Aijmer K. Några talaktsfunktioner hos adverb i svenskan // *Förhandlingar vid sammankomst för att dryfta frågor rörande svenskans beskrivning*. – Stockholm: Stockholms universitet, 1978. – S. 5–20.
83. Aijmer K. Evidence and the declarative sentence (Stockholm Studies in English). – Lund: Studentlitteratur, 1980. – 150 p.
84. Aijmer K. Swedish modal particles in a contrastive perspective // *Language Sciences* 18. – Elsevier, 1996. – Pp. 393–427.
85. Aijmer K. The Swedish particle väl in a contrastive perspective // *Nordic Journal of English Studies* 14(1). – Gothenburg, 2015. – Pp. 174–200.
86. Aijmer K. The Swedish modal particle nog. A contrastive analysis // *Nordic Journal of English Studies*. – Gothenburg, 2016. – Pp. 149–170.
87. Allwood J. Linguistic communication as action and cooperation. – Gothenburg: Gothenburg University, 1976. – 184 p.
88. Allwood J. The structure of dialogue // *Structure of Multimodal Dialog II*. M. M. Taylor, F. Ne'el and D. G. Bouwhuis (eds). – Amsterdam: John Benjamins, 1988. – 25 p.
89. Andersson L-G. Talaktsadverbial // *Nysvenska studier*. 1976. – S. 25–46.

90. Austin J. *How to Do Things with Words*. – Cambridge: Clarendon Press, 1962. – 174 p.
91. Bach K., Harnish R.M. *Linguistic communication and speech acts*. – Cambridge, 1979. – 327 p.
92. Bergqvist H. Swedish modal particles as markers of engagement: evidence from distribution and frequency // *Folia Linguist.* – De Gruyter Mouton, 2020. – Pp. 469–496.
93. Borgstam S. Nog är tillräckligt // *Nysvenska studier*, 57:e årgången. 1977. – S. 217–240.
94. Brown P., Levinson S.C. *Politeness: Some universals in language usage*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
95. Chafe W. *Evidentiality: the linguistic coding of epistemology*. – Norwood: Ablex, 1986. – 358 p.
96. Chung S., Timberlake A. *Tense, Aspect and Mood* // Shopen, Timothy (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – Pp. 241–258.
97. Cohen A.D. *Language Learning: Insight for Learners, Teachers and Researchers*. – New York: Newbury House/Harper Row, 1990. – 217 p.
98. Davidsen-Nielsen N. *Discourse particles in Danish*. // *Content, expression and structure. Studies in Danish functional grammar*. – Amsterdam/Filadelphia, 1996. – S. 283–314.
99. Degand L., Cornillie B., Pietrandrea P. *Discourse markers and modal particles: two sides of the same coin?* // *Discourse markers and modal particles. Categorization and description*. – Amsterdam: John Benjamins, 2013. – Pp. 1–18.
100. Diewald G. *Same same but different – Modal particles, discourse markers and the art (and purpose) of categorization*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2013. – 239 p.
101. Edmondson W. *Spoken discourse: a model for analysis*. – London: Longman, 1981. – Pp. 217.
102. Elam K. *The semiotics of theatre and drama*. – London: Routledge, 2002. – 272 p.

103. Eriksson M. Ju, väl, då, va, alltså – en undersökning av talaktsadverbial i stockholmskt talspråk // Studier i stockholmspråk 1. – Stockholm: Stockholms universitet, 1988. – S. 75–120.
104. Fraser B. Perspectives on Politeness. // Journal of Pragmatics, 14. 1990. – Pp. 219–236.
105. Fretheim T. Norwegian ja, jo, nei as Tags. // Studier i norsk sprokvitenskap 2: Prosodi. – Oslo: Novus Forlag, 1983. – Pp. 399–417.
106. Grice H.P. Logic and conversation. // Syntax and Semantics 3: Speech Acts. – New York: Academic Press, 1975. – Pp. 83–106.
107. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. – London: Longman, 1976. – 392 p.
108. Herman V. Dramatic Discourse: Dialogue as Interaction in Plays. – London: Routledge, 1995. – 340 p.
109. Hilmisdóttir H. Partiklarna þúveist och skiluru – ett isländskt ungdomssamtal under lupp. // Språk, kön och kultur. – Göteborg: Göteborgs universitet, 2001. – 48 s.
110. Holm G. Nordiska studier. Femton uppsatser om ord, namn, dialekter, filologi, stilhistoria och syntax. // Festskrift till Gösta Holm på 80-årsdagen. – Stockholm, 1996. – 199 s.
111. Höglund S. Svenska modalpartiklar: användningen av ju och väl i samtal: kandidatuppsats. – Stockholm: Stockholms universitet, 2018. – S. 32.
112. Josephson O. Ju: ifrågasatta självklarheter om svenskan, engelskan och alla andra språk i Sverige. – Stockholm: Norstedts akademiska förlag, 2005. – 203 s.
113. Järnefelt P. Nog är ju viktigt: The role of modal particles nog and ju in responsibility attribution in L1 and L2 speakers. – Stockholm: Stockholm University, 2019. – 57 s.
114. Keenan E.L. Two kinds of presupposition in natural language. // Studies in linguistic semantics. – N.Y: Holt, 1971. – Pp. 44–52.
115. König E. Zur Bedeutung von Modalpartikeln im Deutschen // ein Neuansatz im Rahmen der Relevanztheorie. Germanistische Linguistik. 1997. – Pp. 57–75.

116. Lehti-Eklund H. Om att som diskursmarkör. // *Språk och Stil Ny följd 11*. – Uppsala: Swedish Science Press, 2001. – S. 81–118.
117. Levinson S. C. *Pragmatics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 420 p.
118. Lindström J. *Tur och ordning. Introduktion till svensk samtalsgrammatik*. – Stockholm: Norstedts akademiska förlag, 2008. – 319 s.
119. Linell P. *Initiativ och respons. Om dialogens dynamik, dominans och koherens*. – Universitetet i Linköping, 1987. – 269 p.
120. Linell P. *Samtalets praktik och talspråkets grammatik*. – Åbo: Åbo Akademis förlag, 1990. – S. 39–55.
121. Linell P. *En dialogisk grammatik? // Samtal och grammatik*. – Lund: Studentlitteratur, 2005. – S. 231–328.
122. Nordenstam K. *Tag questions och dylika påhäng i svenska samtal*. – Göteborg: Göteborgs universitet, 1989. – 90 s.
123. Nordman M. *Modalitet i några facktexter // Arkiv för nordisk filologi, 101:a bandet*. – Malmö: Liber förlag, 1986. – S. 194–210.
124. Norén L. *Dramer*. – Stockholm: Albert Bonniers förlag, 2014. – S. 13–56.
125. Norrby C. *Svenska påhängsuttryck av typen å så och eller nåt. // Språk & Stil Ny följd 11*. – Uppsala: Swedish Science press, 2002. – S. 183–210.
126. Ottesjö C. *Iallafall som diskursmarör. // Samtal och grammatik*. – Lund: Studentlitteratur, 2005a. – S. 201–229.
127. Palmer F. R. *Mood and Modality*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 236 p.
128. Petersson D. *Inte, nog och visst i mittfält och fundament*. – Lund: Lunds universitet, 2006. – S. 111–153.
129. Pfister M. *The theory and analysis of drama*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 360 p.
130. Platzack C. *Huvudsatsordföljd och bisatsordföljd. // Grammatik på villovägar*. – Svenska Språknämnden, 1987. – S. 87–96.

131. Saari M. Om adverbena ju, nog och väl. // Skrifter utgivna av institutionen för filologi II vid Tammerfors universitet, nordisk filologi nr 4. – Tammerfors, 1979. – S. 219–243.
132. Saari M. Diskurspartiklar i sociokulturell belysning. Språkbruk, grammatik och språkförändring. – Lund: Lunds universitet, 1994. – S. 197–209.
133. Saari M. Jo, nu kunde vi festa nog: synpunkter på svenskt språkbruk i Sverige och Finland // Folkmålsstudier 36. 1995. – S. 75–108.
134. Sacks H, Schegloff E. A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // Language. Vol. 50. № 4. 1974. – Pp. 696–735.
135. Schiffrin D. Discourse markers. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 364 p.
136. Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H.E. Discourse markers. Language, Meaning, and Context // The Handbook of Discourse Analysis. Volume 2. 2015. – Pp. 54–75.
137. Scherf N. Swedish Modal Particles. Analyses of 'ju', 'väl', 'nog' and 'visst': Ph. D. Thesis. – Humboldt-Universität zu Berlin, 2018. – 346 p.
138. Searle J. Indirect Speech Acts // Syntax and Semantics. – New York, 1975. – Pp. 69–82.
139. Stalnaker R.C. Pragmatics. // Semantics of natural language. – Dordrecht: Reidel, 1972. – Pp. 380–397.
140. Svensson G. Diskurspartiklar hos ungdomar i mångspråkiga miljöer i Malmö. – Lund: Lunds universitet, 2009. – 275 s.
141. Sörlin M. Att ställa till en scen: verbala konflikter i svensk dramatik 1725-2000. – Uppsala: Uppsala universitet, 2008. – 262 s.
142. Thornborrow J, Wareing S. Patterns in Language. An introduction to language and literary style. – London: Routledge, 1998. – 284 p.
143. Tsui A. English Conversation. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 298 p.
144. Vasilyeva A.N. Particles in Colloquial Russian: Manual for English-speaking students of Russian). – University Press of the Pacific, 1972. – 260 p.
145. Wessén E. Svensk språkhistoria. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1958. – 231 s.

146. Wierzbicka A. Particles and linguistic relativity // Intern. Rev. of Slavic Linguistics № 2/3, vol.1. 1976. – Pp. 327–367.
147. Willet T. A. Gross-Linguistic Survey of the Grammaticizing of Evidentiality // Studies in Language. 1988. – Pp. 51–97.

Грамматики, словари и справочные ресурсы:

1. Корпус шведского языка Språkbanken. URL: <https://spraakbanken.gu.se> (дата обращения: 14.08.2023).
2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 15.08.2023)
3. Энциклопедия «Кругосвет». URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DIALOG.html (дата обращения: 15.01.2023).
4. Академический толковый словарь русского языка. Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Издательский дом ЯСК, 2016.
5. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 02.03.2023).
6. Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 03.03.2023).
7. Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова. – СПб: Норинт, 1998.
8. Русская грамматика (АГ-80). Т. I-II. – М.: Наука, 1980.
9. Прагматические маркеры русской повседневной речи (словарь-монография) под ред. Н. В. Богдановой-Бегларян. – СПб: Нестор-история, 2021.
10. Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik (SAG) // Vol. 4. Stockholm: Norstedts, 1999.
11. Svenska Akademiens Ordbok (SAOB). URL: <https://www.saob.se> (дата обращения: 13.08.2023).
12. Hansen E, Heltoft L. Grammatik over det Danske Sprog. Syddansk Universitetsforlag, 2011.

13. Norsk referansegrammatikk. Jan Terje Faarlund, Svein Lie, Kjell Ivar Vannebo, Oslo, 1997.
14. Mac Donald K. Norsk grammatikk. Norsk som andrespråk. Cappelen Damm, Oslo. 2019.
15. Norske Akademis ordbok (NAOB). URL: <https://naob.no> (дата обращения: 16.06.2023).
16. Norstedts stora ryska ordbok. Redaktör: Elisabeth Marklund Sharapova. Stockholm: Norstedts, 2012.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В данном приложении приведены примеры реализации коммуникативно-прагматических функций модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* в различных речевых актах.

I. Модальная частица *ju*

Включение собеседников в единую коммуникативную ситуацию (акт сообщения)

<p>Hon: Han hade stängt av sin mobil. Väninnan: Han ville ju ha det. Hon: Ja, det kanske han ville. (Allt...innan)</p>	<p><i>Она: Он отключил свой мобильный.</i> <i>Подруга: Он ведь хотел его [ребенка].</i> <i>Она: Да, может быть, хотел.</i></p>
<p>C: Om ni vill ta en titt på trädgården sen kan vi ju gå ut och titta på den. A: Jaha... Hur stor var den? (Genom)</p>	<p><i>C: Если захотите потом взглянуть на сад, мы ведь можем выйти и посмотреть.</i> <i>A: Понятно... А какая у него площадь?</i></p>
<p>Fadern: Det kan jag tänka mig. Fattigt och eländigt. Sonen: Ja...men också hopp, kan man väl säga. Fadern: Vi vet ju inte hur jävla bra vi har det, vi som lever här. (Om ljuset)</p>	<p><i>Отец: Это я могу себе представить. Бедность и убожество.</i> <i>Сын: Да... но ведь можно сказать, что и надежда.</i> <i>Отец: А мы ведь даже не знаем, как чертовски хорошо мы живем, мы, здесь.</i></p>

Включение собеседников в единую коммуникативную ситуацию, обнаружение анафорической связи между высказываниями (акт объяснения)

<p>Väninnan: Ja, hoppas bara att vi kommer hem. Hon: Kommer hem?</p>	<p><i>Подруга: Да, только, надеюсь, мы доедем до дома.</i> <i>Она: Доедем до дома?</i></p>
---	---

<p>Väninnan: Jag har ju aldrig kört i vinter...</p> <p>Hon: Vägslag?</p> <p>Väninnan: Nej. Jag tog ju körkort i somras. Och jag har inga vinterdäck på bilen. (Allt...innan)</p>	<p><i>Подруга: Я ведь никогда не водила машину зимой...</i></p> <p><i>Она: Из-за условий на дороге?</i></p> <p><i>Подруга: Нет. Я ведь получила права летом. И у меня нет зимних шин.</i></p>
<p>C: Nej. Vi har precis sålt den...för ett tag sedan... Var det svårt att hitta?</p> <p>A: Nej. Vi såg ju skyltarna... Vad är det där?</p> <p>C: Det? (Genom)</p>	<p><i>C: Нет. Мы только что продали ее [машину]... не так давно... Трудно было найти нас?</i></p> <p><i>A: Нет. Мы ведь видели указатели...</i></p> <p><i>Что это?</i></p> <p><i>C: Это?</i></p>
<p>A: Ja. Vi måste nog gå nu.</p> <p>C: Ja, det förstår jag. Jag skulle också vilja gå men jag kan inte. Jag bor ju här.</p> <p>A: Ja, adjö då. (Genom)</p>	<p><i>A: Да. Нам, наверное, пора уходить.</i></p> <p><i>C: Да, понимаю. Я бы тоже хотела уйти, но не могу. Я ведь живу здесь.</i></p> <p><i>A: Да. Ну, до свидания.</i></p>
<p>A: Jag tänkte att det kanske hade hänt nåt.</p> <p>C: Jag glömde att jag ska stänga den.</p> <p>A: Man vet ju inte...om det är nåt.</p> <p>C: Det är inget.</p> <p>A: Nån kunde ju ha blivit sjuk eller...</p> <p>C: Jag mår bra nu. (Förnimmelse)</p>	<p><i>A: Я думала, что, может быть, что-то случилось.</i></p> <p><i>C: Я забыл, что ее [дверь] нужно закрыть.</i></p> <p><i>A: Ведь не знаешь...все ли в порядке.</i></p> <p><i>C: Все в порядке.</i></p> <p><i>A: Ведь кто-то мог заболеть или...</i></p> <p><i>C: Я сейчас чувствую себя хорошо.</i></p>

Подчеркивание авторитета говорящего при убеждении собеседника (акт оценки)

<p>Han: Vill du inte att jag går med dig? Hon: Jo men... det blir ju bara värre för mig... allting. Han: Blir det? Hon: Ja, det blir ju värre. Det är ju lättare om jag är ensam. Han: Jaså. Hon: Då gör jag ju inte dig illa... Han: Skit i mig. (Allt...innan)</p>	<p><i>Он: Ты не хочешь, чтобы я пошел с тобой?</i> <i>Она: Хочу, но... так ведь будет только хуже для меня... все это.</i> <i>Он: Правда?</i> <i>Она: Да, ведь будет хуже. Будет проще, если я пойду одна.</i> <i>Он: Ясно.</i> <i>Она: Тогда я ведь не сделаю тебе больно...</i> <i>Он: Не думай обо мне.</i></p>
<p>B: Det verkar väldigt lugnt och fridfullt här. C: Ja. Det är det. A: Rena landet. B: Det kan ju vara en fördel. A: Ja, om det är det man är ute efter. Lugn och avkoppling. Det kan ju vara skönt att komma ifrån all stressen inne i stan. B: Ja. (Genom)</p>	<p><i>В: Здесь, кажется, так спокойно и умиротворенно.</i> <i>С: Да. Так и есть.</i> <i>А: Чисто деревня.</i> <i>В: Но это ведь может быть преимуществом.</i> <i>А: Да, если ищешь именно этого. Спокойствия и отдыха. Конечно, прекрасно уехать от всего городского стресса.</i> <i>В: Да.</i></p>
<p>C: Jag ska köpa saker som han kan leka med...så att han har nånting när han kommer hit. A: Ja, det är ju bra. C: Han har ju saker där han bor. Andra saker. (Förnimmelse)</p>	<p><i>С: Я куплю что-нибудь, с чем он сможет играть... чтобы у него было что-нибудь, когда он сюда приедет.</i> <i>А: Да, это, конечно, правильно.</i> <i>С: У него, конечно, много всяких игрушек там, где он живет. Других игрушек.</i></p>

Подчеркивание авторитета говорящего при убеждении собеседника (акт сообщения)

<p>D: Varför frågar du om jag har handlat då om du har gjort det? Du hade ju redan handlat.</p> <p>C: Ja. Nån ska ju göra det. Jag bara undrade om du hade gjort det. (Genom)</p>	<p><i>D: Зачем ты меня спрашиваешь, ходил ли я в магазин, если ты уже сама сходила? Ты же уже купила продукты.</i></p> <p><i>C: Да. Кто-то же должен это делать. Я только спросила, не сделал ли ты этого.</i></p>
<p>A: Det har jag inte märkt.</p> <p>B: Det har jag. Man får ju stå och vänta därnere helt i onödan.</p> <p>A: Ja men vad då... (Förnimmelse)</p>	<p><i>A: Я не заметила этого.</i></p> <p><i>B: А я заметил. Теперь вот приходится стоять внизу просто так и дожидаться [лифта].</i></p> <p><i>A: Да, ну и что же?..</i></p>
<p>B: Hur gammal är han?</p> <p>A: Vem då? Åtta veckor sa jag ju.</p> <p>B: Den där som du träffade i trappen? (Förnimmelse)</p>	<p><i>B: Какой у него возраст?</i></p> <p><i>A: У кого? Восемь недель, я же сказала.</i></p> <p><i>B: У того, кого ты встретила на лестнице?</i></p>
<p>B: Var du hemma då...när jag ringde?</p> <p>A: Ja, jag sa ju det. Vad jag vet.</p> <p>B: Jaha. (Förnimmelse)</p>	<p><i>B: Ты была дома... когда я звонил?</i></p> <p><i>A: Да, я же сказала. Насколько я знаю.</i></p> <p><i>B: Понятно.</i></p>
<p>B: Jag har inte märkt något... Har du märkt nåt?</p> <p>A: Nej, jag sa ju att jag inte varit däruppe på länge.</p> <p>C: Jag tänkte bara bära upp hans saker på vinden men jag kommer inte in. (Förnimmelse)</p>	<p><i>B: Я ничего не заметил...А ты заметила что-нибудь?</i></p> <p><i>A: Нет, я же сказала, что давно не была наверху.</i></p> <p><i>C: Я только хотел отнести его вещи на чердак, но не могу попасть туда.</i></p>

Подчеркивание авторитета говорящего при убеждении собеседника (акт возражения)

<p>B: Det var märkligt. Att dom delar ut posten till en adressat som inte finns längre.</p> <p>C: Nej men jag bor ju här.</p> <p>B: Ja men han finns ju inte längre.</p> <p>C: Jag har inte fått nån post till honom. (Förnimmelse)</p>	<p><i>B: Странно. То, что они доставляют почту адресату, которого больше нет.</i></p> <p><i>C: Да, но здесь ведь живу я.</i></p> <p><i>B: Да, но его-то здесь больше нет.</i></p> <p><i>C: Я еще не получал ничего, адресованного ему.</i></p>
<p>Han: Det visste jag inte.</p> <p>Hon: Visste du inte?</p> <p>Han: Nej.</p> <p>Hon: Det sa jag ju. Det berättade jag för dig.</p> <p>Han: När då?</p> <p>Hon: Innan. Det sa jag ju.</p> <p>Han: Gjorde du? (Allt...innan)</p>	<p><i>Он: Я этого не знал.</i></p> <p><i>Она: Не знал?</i></p> <p><i>Он: Нет.</i></p> <p><i>Она: Я же тебе говорила. Я рассказывала тебе про это.</i></p> <p><i>Он: Когда?</i></p> <p><i>Она: Раньше. Я же тебе говорила.</i></p> <p><i>Он: Разве?</i></p>
<p>B: Vad är det då?</p> <p>A: Det är inget.</p> <p>B: Det ser jag ju.</p> <p>A: Nej, det är inget. (Förnimmelse)</p>	<p><i>B: А это что?</i></p> <p><i>A: Ничего.</i></p> <p><i>B: Я же вижу.</i></p> <p><i>A: Нет, ничего.</i></p>
<p>Hon: Då hade det varit lättare... om man kunde lägga det i Guds händer.</p> <p>Han: Du har ju redan... du har fått en tid för...när du ska gå dit.</p> <p>Hon: Jag måste ju... Jag har inget val.</p> <p>Han: Har du inget val? (Allt...innan)</p>	<p><i>Она: Было бы проще... если бы можно было вверить это Господу.</i></p> <p><i>Он: [Но] ты же уже...ты уже записалась на...на прием.</i></p> <p><i>Она: Я ведь должна... У меня нет выбора.</i></p> <p><i>Он: У тебя нет выбора?</i></p>
<p>C: Du sa hej. Sen gick du in hit och stannade här. Det är väl inte att prata. Det</p>	<p><i>C: Ты сказала «привет». А потом ушла и спряталась здесь. Разговором это, как</i></p>

<p>skulle jag inte kalla för att prata. Verkligen inte.</p> <p>D: Du pratar ju med dom.</p> <p>C: Det är inte samma sak. Vi är ju två. Man ska vara två. (Genom)</p>	<p><i>ты, наверное, понимаешь, не назовешь. Я бы не назвал это разговором. Никогда.</i></p> <p><i>D: [Но] с ними же ты разговариваешь.</i></p> <p><i>C: Это не одно и то же. Нас же двое. Мы должны быть вдвоем.</i></p>
<p>D: Du ska väl tvätta den först?</p> <p>C: Nej.</p> <p>D: Ska du inte tvätta den?</p> <p>C: Nej.</p> <p>D: Ja, men du måste ju tvätta av den innan du håller oljan på. <i>Paus.</i> (Genom)</p>	<p><i>D: Ты ведь сначала ее [курицу] промоешь?</i></p> <p><i>C: Нет.</i></p> <p><i>D: Не будешь промывать?</i></p> <p><i>C: Нет.</i></p> <p><i>D: Да, но ты же должен промыть ее перед тем, как поливать маслом. (Пауза.)</i></p>
<p>C: Jag kan komma tillbaka sen om ni...</p> <p>A: Nu är du ju här. Det är väl lika bra att du får den. Medan du är här.</p> <p>C: Ja, om det... (Förnimmelse)</p>	<p><i>C: Я могу потом вернуться, если вы...</i></p> <p><i>A: [Но] вы же уже здесь. Можно и сейчас вам его отдать. Раз вы здесь.</i></p> <p><i>C: Да, если это...</i></p>
<p>Hon: Som om jag hade fött ett barn.</p> <p>Väninnan: Det har du ju. <i>Ställer glaset på bordet.</i> <i>Tystnad.</i> (Allt...innan)</p>	<p><i>Она: Как будто я родила ребенка.</i></p> <p><i>Подруга: [Но] так же и есть. Ставит стакан на стол. (Молчание.)</i></p>

Подчеркивание авторитета говорящего при убеждении собеседника (акт аргумента)

<p>Han: Jag kommer inte att gå. Jag kommer inte att lämna dig.</p> <p>Hon: Jag kan inte gå. Jag måste stanna.</p> <p>Han: Jag är ju här. Jag sitter ju här.</p>	<p><i>Он: Я не уйду. Я не оставлю тебя.</i></p> <p><i>Она: Я не могу уйти. Я должна остаться.</i></p> <p><i>Он: Я же здесь. Я же сижу здесь.</i></p> <p><i>Она: Ты уже столько раз уходил.</i></p>
---	--

Hon: Du har redan gått så många gånger. (Allt...innan)	
B: Nåt ska vi väl hitta på... Det är ju lördag. A: Ja. B: Vädret är fint. Vi kan ju inte sitta inne hela dan. <i>Tystnad.</i> (Förnimmelse)	<i>V: Что-то нам, наверное, нужно придумать [Давай придумаем что-нибудь?]. Сегодня же суббота.</i> <i>A: Да.</i> <i>V: Погода хорошая. Мы же не можем весь день сидеть дома.</i> <i>(Молчание.)</i>

Подчеркивание авторитета говорящего при побуждении к действию (акт сообщения)

A: Nej...jag tror jag vill stanna hemma. B: Idag? I det här vädret? När det är så fint? A: Du kan ju åka in till stan. B: Själv? A: Du kan ju åka in till stan om du vill. B: Vad då? (Förnimmelse)	<i>A: Нет...я, наверное, хочу остаться дома.</i> <i>B: Сегодня? В такую погоду? Когда на улице так хорошо?</i> <i>A: Поезжай в город.</i> <i>B: Один?</i> <i>A: Поезжай в город, если хочешь.</i> <i>B: Ты чего?</i>
B: Jag kan hålla medan du öppnar. C: Ja...visst. <i>Tystnad.</i> B: Du kan ju öppna nu. C: Ja. Jag ska.	<i>B: Я подержу, пока ты открываешь.</i> <i>C: Да...конечно.</i> <i>(Молчание.)</i> <i>B: Открывай же.</i> <i>C: Да. Сейчас.</i>

Актуализация общего для коммуникантов знания (акт сообщения)

Sonen: Ja... När var det?	<i>Сын: Да... Когда это было?</i>
---------------------------	-----------------------------------

<p>Fadern: När du var hemma? Ja, ni var ju här i somras, några dar före midsommar, du och hon, Helen.</p> <p>Sonen: Ja, det var det. Det var sommar. (Om ljuset)</p>	<p><i>Отец: Когда ты был дома? Ну, вы же были здесь прошлым летом, несколько дней перед праздником середины лета, ты и она, Хелен.</i></p> <p><i>Сын: Да, верно. Это было летом.</i></p>
<p>D: Hur kom ni in?</p> <p>B: Hur jag kom in? Vad då? Vi ser ju på huset. Ni har ju satt in en annons i tidningen.</p> <p>D: Ja?</p> <p>B: Ni har ju satt in en annons i tidningen om att ni tänker sälja ert hus.</p> <p>D: Ja...jag vet.</p> <p>B: Vi träffades ju för en liten stund sedan.</p> <p>D: Ja, förlåt. (Genom)</p>	<p><i>D: Как вы вошли?</i></p> <p><i>B: Как я вошел? А что? Мы же смотрим дом. Вы же разместили объявление в газете.</i></p> <p><i>D: Да?</i></p> <p><i>B: Вы же разместили объявление в газете – о том, что хотите продать ваш дом.</i></p> <p><i>D: Да...я знаю.</i></p> <p><i>B: Мы же встречались не так давно.</i></p> <p><i>D: Да, простите.</i></p>
<p>B: När sa han det?</p> <p>A: Det var den gången när jag träffade honom i trappen... Jag träffade ju honom i trappen för några dar sen.</p> <p>B: Sa han vad han hette då? (Förnimmelse)</p>	<p><i>B: Когда он это сказал?</i></p> <p><i>A: В тот раз, когда я встретила его на лестнице... Я же встретила его на лестнице пару дней назад.</i></p> <p><i>B: Он тогда сказал, как его зовут?</i></p>
<p><i>Tystnad.</i></p> <p>A: Du skulle ju äta.</p> <p>C: Det kan jag väl göra sen. (Förnimmelse)</p>	<p><i>(Молчание.)</i></p> <p><i>A: Вы же хотели пообедать.</i></p> <p><i>C: Я, пожалуй, могу сделать это и позже.</i></p>
<p>B: Ja? Har du gjort nåt särskilt?</p> <p>A: Nej. Jag slutade tidigare idag.</p>	<p><i>B: Да? Ты сегодня делала что-нибудь особенное?</i></p> <p><i>A: Нет. Я сегодня освободилась раньше.</i></p>

<p>B: Jag vet. Jag ringde ju innan när jag hade paus.</p> <p>A: Ja. Jag slutade två idag. (Förnimmelse)</p>	<p><i>B: Я знаю. Я же звонил тебе до этого, когда у меня был перерыв.</i></p>
<p>Olof: Ni ska väl åka dit... och sitta under...</p> <p>Johanna: Nej</p> <p>Olof: Lövkronorna...</p> <p>Karin: Ja, det är klart.</p> <p>Johanna: Jag har ju min... jag är ju dagpatient...Jag måste gå dit på dagarna.</p> <p>Karin: Ja, naturligtvis.</p> <p>Olof: Ja, just det... Jaså, gör du det fortfarande... (Tyst musik)</p>	<p><i>Улоф: Вы поедете туда... будете сидеть под...</i></p> <p><i>Юханна: Нет.</i></p> <p><i>Улоф: Кронами деревьев...</i></p> <p><i>Карин: Да, точно.</i></p> <p><i>Юханна: У меня же... Я же лечусь. Должна ходить днем на лечение.</i></p> <p><i>Карин: Да, конечно.</i></p> <p><i>Улоф: Да, точно... Значит, ты еще лечишься...</i></p>
<p>B: Nej... men då så. Har du sett honom då?</p> <p>A: Vem då?</p> <p>B: Grannen?</p> <p>A: Jaså, han.</p> <p>B: Vår nye granne.</p> <p>A: Han har ju snart bott där en månad.</p> <p>B: Och ändå vet man inte vad han sysslar med. (Förnimmelse)</p>	<p><i>B: Нет.. ну, тогда ладно. Ты видела его тогда?</i></p> <p><i>A: Кого?</i></p> <p><i>B: Соседа?</i></p> <p><i>A: А, его.</i></p> <p><i>B: Нашего нового соседа.</i></p> <p><i>A: Он же живет там уже почти месяц.</i></p> <p><i>B: И мы до сих пор не знаем, чем он занимается.</i></p>

Актуализация общего для коммуникантов знания, обнаружение анафорической связи между высказываниями (акт объяснения)

<p>Han: Det är värre för dig. Det är ju du som bär det. Det är du som bär det inom</p>	<p><i>Он: Тебе хуже. Ты же его носишь. Ты носишь его внутри, и ты убьешь его, твоего и моего ребенка.</i></p>
---	---

<p>dig och som ska ta bort det, ditt och mitt barn.</p> <p>Hon: Det visste jag inte när... (Allt...innan)</p>	<p><i>Она: Я не знала этого, когда...</i></p>
<p>Hon: Jag försökte bara överleva.</p> <p>Han: Javisst.</p> <p>Hon: Du skulle ju åka igen, nästa dag.</p> <p>Han: Jag var tvungen. (Allt...innan)</p>	<p><i>Она: Я просто пыталась выжить.</i></p> <p><i>Он: Конечно.</i></p> <p><i>Она: Ты же должен был снова уехать, на следующий день.</i></p> <p><i>Он: Мне пришлось.</i></p>
<p>B: Dom byter en gång i kvartalet. Dom lägger alltid lappen med den nya koden i brevlådan.</p> <p>C: Det visste jag inte.</p> <p>A: Du har ju inte bott här så länge.</p> <p>B: Det är för att vi inte ska ha en massa ovälkomna personer som springer i trapporna.</p> <p>A: Det kunde ju inte du känna till.</p> <p>B: Den delas ut till alla som bor här. (Förnimmelse)</p>	<p><i>B: Они меняют его [код] раз в квартал. И всегда кладут бумажку с новым кодом в почтовый ящик.</i></p> <p><i>C: Я этого не знал.</i></p> <p><i>A: Вы ведь не так давно здесь живете.</i></p> <p><i>B: Это чтобы у нас по лестницам не бегали толпы чужаков.</i></p> <p><i>A: Вы ведь не могли этого знать.</i></p> <p><i>B: Он выдается всем, кто живет здесь.</i></p>
<p>D: Varför frågar du om jag har handlat då om du har gjort det? Du hade ju redan handlat.</p> <p>C: Ja. Nån ska ju göra det. Jag bara undrade om du hade gjort det. (Genom)</p>	<p><i>D: Зачем ты меня спрашиваешь, ходил ли я в магазин, если ты уже сама сходила? Ты же уже купила продукты.</i></p> <p><i>C: Да. Кто-то же должен это делать. Я только спросила, не сделал ли ты этого.</i></p>

Актуализация общего для коммуникантов знания (акт возражения)

<p>B: Vi skulle kunna åka ut till Ikea och titta på en barnsäng.</p> <p>A: Jag vet inte.</p> <p>B: Det har vi ju pratat om.</p> <p>A: Det är väl ingen brådska. (Förnimmelse)</p>	<p><i>B: Мы могли бы поехать в «Икею» и посмотреть детскую кроватку.</i></p> <p><i>A: Я не знаю.</i></p> <p><i>B: Мы же уже говорили об этом.</i></p> <p><i>A: С этим, мне кажется, торопиться некуда.</i></p>
--	--

Выражение реакции говорящего на неожиданную информацию (акт оценки)

<p>A: Vi har inte lämnat något.</p> <p>C: Nehej. Det skulle ju vara bra att ha.</p> <p>A: Vi ringer. (Förnimmelse)</p>	<p><i>A: Мы ничего не оставили.</i></p> <p><i>C: Понятно. Было бы, конечно, неплохо иметь ваш номер.</i></p> <p><i>A: Мы позвоним.</i></p>
<p>B: Det där är väl bara ett rum och kök men du kanske är ensam?</p> <p>C: Ja. Jag behöver inte mer.</p> <p>B: Det är ju bra. Nu måste jag sticka. Ska iväg och jobba.</p> <p>C: Ja. Tack för hjälpen. (Förnimmelse)</p>	<p><i>B: Там [в квартире] вроде только одна комната и кухня, но вы, может быть, живете один?</i></p> <p><i>C: Да. Больше мне и не нужно.</i></p> <p><i>B: Это хорошо, конечно. Ну, мне пора. Поеду на работу.</i></p> <p><i>C: Хорошо. Спасибо за помощь!</i></p>
<p>B: Så du är hemma och tar det lugnt under helgen.</p> <p>C: Ja, det...</p> <p>B: Det kan ju vara skönt.</p> <p>C: Jag har lite att göra...hemma. (Förnimmelse)</p>	<p><i>B: Значит, вы дома, отдыхаете в выходные.</i></p> <p><i>C: Да, это...</i></p> <p><i>B: Это, конечно, прекрасно.</i></p> <p><i>C: У меня есть дела...дома.</i></p>
<p>A: Hur långt är det? In till stan?</p> <p>C: Tre mil. 32,2 km.</p> <p>A: Det är ju ingenting.</p> <p>B: Inte om man har bil. (Genom)</p>	<p><i>A: Сколько отсюда ехать? До города?</i></p> <p><i>C: Тридцать километров. 32,2.</i></p> <p><i>A: Это ведь совсем ничего.</i></p> <p><i>B: Да, если есть машина.</i></p>

Fadern: Hur var vädret då?	<i>Отец: Какая тогда была погода?</i>
Sonen: Det var...det var ju mörkt och stilla.	<i>Сын: Было... Было темно и безветренно.</i>
Fadern: Ja, hon är duktig. (Om ljuset)	<i>Отец: Да, она умная.</i>

Выражение внезапного припоминания говорящим актуальной информации (акт сообщения)

C: Dom kanske har en telefon i affären.	<i>C: Может быть, у них в магазине есть телефон.</i>
A: Ja, det är klart att dom har en telefon. Jag kan ju fråga honom, Ali.	<i>A: Да, конечно, у них есть телефон. Я же могу спросить его, Али.</i>
C: Han har säkert telefon, i affären. (Förnimmelse)	<i>C: У него точно есть телефон, в магазине.</i>

II. Модальная частица *väl*

Дистанцирование говорящего от ответственности за достоверность содержания пропозиции (акт предположения)

Fadern: Det kan jag tänka mig. Fattigt och eländigt.	<i>Отец: Это я могу себе представить. Бедность и убожество.</i>
Sonen: Ja...men också hopp, kan man väl säga.	<i>Сын: Да... но ведь можно сказать, что и надежда.</i>
Fadern: Vi vet ju inte hur jävla bra vi har det, vi som lever här. (Om ljuset)	<i>Отец: А мы ведь даже не знаем, как чертовски хорошо мы живем, мы, здесь.</i>
Jonas: Har du ont?	<i>Юнас: Тебе больно?</i>
Olof: Nej nej... det gör väl inte ont längre...	<i>Улоф: Нет, нет... Больше вроде не болит...</i>
Jonas: Jag menar i magen. (Tyst musik)	<i>Юнас: Я имею в виду живот.</i>

<p>B: Jag tror att du hälsade på min fru häromdagen. I trappan.</p> <p>C: Jaså? Ja.</p> <p>B: Det där är väl bara ett rum och kök men du kanske är ensam?</p> <p>C: Ja. Jag behöver inte mer. (Förnimmelse)</p>	<p><i>B: Мне кажется, вы на днях поздоровались с моей женой. На лестнице.</i></p> <p><i>C: Вот как? Да.</i></p> <p><i>B: Там [в квартире] вроде только одна комната и кухня, но вы, может быть, живете один?</i></p> <p><i>C: Да. Больше мне и не нужно.</i></p>
<p>A: Vad finns det under mattan?</p> <p>C: Ja, det är väl träd.</p> <p>B: Vad fint. Det är snyggt med trägolv.</p> <p>C: Ja. (Genom)</p>	<p><i>A: А что под ковром?</i></p> <p><i>C: Дерево вроде.</i></p> <p><i>B: Как здорово. Деревянные полы симпатично смотрятся.</i></p> <p><i>C: Да.</i></p>
<p>Johanna: Jag menade inte dig... Hur är det med Agneta?</p> <p>Jonas: Dom flesta har väl lite svårt för att ta kontakt... De vet inte riktigt vad de ska säga... vad de ska göra.</p> <p>Johanna: Hur är det med henne? (Tyst musik)</p>	<p><i>Юханна: Я не имела в виду тебя... Как Агнета?</i></p> <p><i>Юнас: Большинству, наверное, трудноато идти на контакт... Они не знают, что говорить... что делать.</i></p> <p><i>Юханна: Как она?</i></p>
<p>Karin: Jo, det var det. Det var förra vintern.</p> <p>Olof: Var det?</p> <p>Jonas: Det är väl snart ett år sedan.</p> <p>Olof: Ja, det stämmer... det har du rätt i... det var det. (Tyst musik)</p>	<p><i>Karin: Да нет, так и было. Это было прошлой зимой.</i></p> <p><i>Улоф: Разве?</i></p> <p><i>Юнас: Это, наверное, было почти год назад.</i></p> <p><i>Улоф: Да, верно. Ты прав... так и есть.</i></p>
<p>C: Ja. Sen har jag inte sett henne.</p> <p>B: Nehej...Då får jag väl försöka be om ursäkt då.</p>	<p><i>C: Да. С тех пор я ее не видела.</i></p> <p><i>B: Ясно... Тогда мне, наверное, нужно извиниться.</i></p>

C: Nej då, det...Det var ju konstigt. (Förnimmelse)	<i>C: Нет, что ты... Это так странно.</i>
--	---

Высокая степень уверенности говорящего в достоверности содержания пропозиции (акт предположения)

<p>Dottern: Med mamma. Var det nåt som hade hänt?</p> <p>Fadern: Nej. Det tror jag inte. Inte vad jag känner till.</p> <p>Dottern: Det måste det väl ha gjort.</p> <p>Fadern: Jag vet inte... det hade jag väl vetat. (Ljus)</p>	<p><i>Дочь: С мамой. Что-то случилось?</i></p> <p><i>Отец: Нет. Не думаю. Насколько мне известно.</i></p> <p><i>Дочь: Наверняка что-то случилось.</i></p> <p><i>Отец: Я не знаю... тогда я бы, наверное, знал.</i></p>
---	---

Установление контакта с собеседником, обращение за подтверждением или опровержением информации (акт предположения)

<p>Modern: När började du intressera dig för den?</p> <p>Sonen: Ja...när jag fann den.</p> <p>Kvinnan: Det började du väl med nån gång i somras.</p> <p>Modern: Det har du ju aldrig gjort förut. (Om ljuset)</p>	<p><i>Мать: Когда ты начал интересоваться ей [Библией]?</i></p> <p><i>Сын: Ну...когда нашел ее.</i></p> <p><i>Женщина: Ты вроде начал читать ее когда-то прошлым летом.</i></p> <p><i>Мать: Ты же никогда не делал этого раньше.</i></p>
<p>Modern: Du är väl lite trött.</p> <p>Sonen: Jag är glad och tacksam.</p> <p>Modern: Jaså...Varför då? (Om ljuset)</p>	<p><i>Мать: Ты, кажется, немного устал.</i></p> <p><i>Сын: Я рад и благодарен.</i></p> <p><i>Мать: Вот как... Почему же?</i></p>
<p>B: Är du klar?</p> <p>A: Ja...Vi är väl klara. Det är väl inget mer att se nu.</p>	<p><i>B: Ты закончила?</i></p> <p><i>A: Да...Мы, наверное, закончили. Здесь вроде пока больше нечего смотреть.</i></p>

B: Nej, vi måste nog ge oss iväg innan det blir för sent. A: Ja, just det. Jaha. Var är...var är... (Genom)	<i>B: Да, нам, наверное, лучше уже уехать, пока не стало слишком поздно. A: Ах да, точно. Да. Где...где...</i>
---	--

Установление контакта с собеседником, надежда на подтверждение предположения (модальные вопросы повествовательной структуры)

Fadern: Ni har väl vinterdäck? Sonen: Hon tycker om att köra. (Om ljuset)	<i>Отец: У вас ведь есть зимняя резина? Сын: Ей нравится водить машину.</i>
Modern: Det blir snart varmt och skönt. Det blir väl skönt att få sova i ditt gamla rum? Sonen: Ja, det är ju fint. (Om ljuset)	<i>Мать: Скоро станет тепло и комфортно. Ведь хорошо поспать в своей старой комнате? Сын: Да, само собой.</i>
C: Ska ni gå? A: Javisst, det är klart. C: Javisst. Det var trevligt. Ni hör väl av er om ni är intresserade? A: Visst. Adjö.	<i>C: Вы уходите? A: Да, конечно. C: Ладно. Приятно познакомиться. Вы ведь позвоните, если заинтересуетесь [покупкой дома]? A: Конечно. До свидания.</i>

Установление контакта с собеседником, надежда на то, что опасения не подтвердятся (модальные вопросы повествовательной структуры)

Modern: Varför läser du den? Sonen: Varför skulle jag inte göra det? Fadern: Du tänker väl inte bli präst heller? Sonen: Nej...det behöver man inte bli.	<i>Мать: Зачем ты ее читаешь? Сын: А почему бы мне ее не читать? Отец: Ты, надеюсь, не собираешься становиться священником? Сын: Нет... это необязательно.</i>
--	---

<p>Modern: Du har väl inte ändrat dig nu igen, som förra gången? Inte nu när du kommit så här långt.</p> <p>Fadern: Du är ju snart färdig lärare. Du har ju bara ett år kvar. (Om ljuset)</p>	<p><i>Мать: Ты, надеюсь, не передумал снова, как в прошлый раз? Только не теперь, когда осталось совсем чуть-чуть.</i></p> <p><i>Отец: Ты же скоро станешь учителем. Ведь тебе остался всего год.</i></p>
<p>Kvinnan: Vi ska ju åka hem igen på torsdag.</p> <p>Modern: På torsdag?</p> <p>Fadern: Redan?</p> <p>Modern: Ni ska väl inte åka redan på torsdag?</p> <p>Fadern: Ska ni det?</p> <p>Kvinnan: Jo, vi måste det. (Om ljuset)</p>	<p><i>Женщина: Мы ведь уезжаем в четверг.</i></p> <p><i>Мать: В четверг?</i></p> <p><i>Отец: Уже?</i></p> <p><i>Мать: Вы ведь не уедете уже в четверг?</i></p> <p><i>Отец: Да?</i></p> <p><i>Женщина: Нет, нам нужно уезжать.</i></p>
<p>Olof: Har du bytt om nu?</p> <p>Johanna: Ja, ser du inte det? Det gör väl inget? Är ni hungriga?</p> <p>Jonas: Nej. (Tyst musik)</p>	<p><i>Улоф: Ты переоделась?</i></p> <p><i>Юханна: Да, ты разве не видишь? В этом ведь нет ничего плохого? Вы проголодались?</i></p> <p><i>Юнас: Нет.</i></p>

Установление контакта с собеседником, сближение говорящего и собеседника (акт оценки)

<p>Modern: Du verkar lite tyst.</p> <p>Sonen: Nej.</p> <p>Fadern: Det är väl skönt?</p> <p>Modern: Men det har du ju alltid varit...som om du var nån helt annanstans.</p> <p>Sonen: Nej då...Jag är här. (Om ljuset)</p>	<p><i>Мать: Ты какой-то очень тихий.</i></p> <p><i>Сын: Нет.</i></p> <p><i>Отец: Это же хорошо?</i></p> <p><i>Мать: Но ты ведь всегда был таким...как будто ты где-то не здесь.</i></p> <p><i>Сын: Да нет же... Я здесь.</i></p>
--	--

<p>Johanna: Jag har ju min... jag är ju dagpatient... Jag måste gå dit på dagarna. Karin: Ja, naturligtvis. Olof: Ja, just det... Jaså, gör du det fortfarande... Ja, men det är väl bra? Johanna: Fortfarande? Vad menar du med det? Karin: Det är väl bra att ha någon att prata med... Det är ju bara ett år sedan. Johanna: Tror du att tiden har någon betydelse? (Tyst musik)</p>	<p><i>Юханна: У меня ведь... Я ведь еще лечусь... Должна ходить на лечение днем.</i> <i>Карин: Да, конечно.</i> <i>Улоф: Да, точно... Значит, ты еще лечишься... Но это же хорошо?</i> <i>Юханна: Все еще? Что ты хочешь этим сказать?</i> <i>Карин: Ну хорошо же поговорить с кем-нибудь... Ведь всего год прошел.</i> <i>Юханна: Думаешь, время имеет значение?</i></p>
<p>C: Vad tyckte du? Vad tyckte du om dom? D: Jag vet inte. Dom var väl trevliga...normala människor. C: Ja. Hon var väldigt trevlig. Hon verkade ganska intresserad i alla fall. (Genom)</p>	<p><i>C: Что скажешь? Как они тебе?</i> <i>D: Я не знаю. Вроде приятные...нормальные люди [ты так не думаешь?].</i> <i>C: Да. Она очень приятная. В любом случае, ее, кажется, заинтересовала наша квартира.</i></p>
<p>Mannen: Nej, jag vill inte ha en hund. Kvinnan: En liten sort, en Jack Rassel. Det är väl en bra sort. Mannen: Nej, jag vill inte ha nån hund. (Litet Rekviem)</p>	<p><i>Мужчина: Нет, я не хочу заводить собаку.</i> <i>Женщина: Маленькую, Джексона Рассела. Это же хорошая порода.</i> <i>Мужчина: Нет, я не хочу заводить никакую собаку.</i></p>
<p>B: Det är ju mörkt. A: Så mörkt är det väl inte? Tystnad. (Förnimmelse)</p>	<p><i>B: Там ведь темно.</i> <i>A: Ну, наверное, все-таки не так уж темно?</i> <i>(Молчание.)</i></p>

Выражение недовольства говорящего положением дел (акт сообщения, объяснения)

<p>B: Vad är det här för ställe? A: Ett kafe. B: Ja, det ser jag väl. Men varför skulle vi träffas här. A: För vi skulle prata. (Förnimmelse)</p>	<p><i>B: Что это за место? A: Кафе. B: Да, вижу [Неужели ты думаешь, что я не вижу?]. Но почему мы встретились здесь? A: Потому что нам нужно поговорить.</i></p>
<p>Kvinnan: Han hade inte så mycket. Ingenting. Han: Alla har väl för fan mörka rum. Ett litet mörkt rum. <i>Tystnad.</i> (Litet Rekviem)</p>	<p><i>Женщина: У него было не так много всего. Ничего не было. Он: У всех есть темная комната, черт побери [Будто ты не знаешь!]. Маленькая темная комната. (Молчание.)</i></p>
<p>Modern: Läste du den? Varför gjorde du det? Sonen: Det kan man väl läsa när som helst och var man än är. Den kan man alltid ha med sig. Kvinnan: Den är ju ganska stor. (Om ljuset)</p>	<p><i>Мать: Ты читал ее? Зачем? Сын: Эту книгу можно читать когда угодно и где угодно [разве не так?]. Ее можно всегда носить с собой. Женщина: [Но] она же довольно большая.</i></p>
<p>Modern: Åt ni nånting på vägen? Fadern: På vägen äter man väl inte. Kvinnan: Ja, vi stannade på en bensinmack och drack kaffe och tog några sandwichar. (Om ljuset)</p>	<p><i>Мать: Вы поели что-нибудь в дороге? Отец: В дороге вообще-то не едят. Женщина: Да, мы остановились на заправке выпить кофе и перекусить сэндвичами.</i></p>
<p>Fadern: Vi har ju undrat...eftersom du inte hört av dig så ofta.</p>	<p><i>Отец: Ведь мы думали... ты ведь не так часто выходил на связь.</i></p>

<p>Sonen: Det har väl varit annat som har varit viktigare.</p> <p>Fadern: Men inga nyheter är ju goda nyheter, säger dom ju. (Om ljuset)</p>	<p><i>Сын: У меня, как вы, наверное, понимаете, были дела поважнее. Отец: Но отсутствие новостей ведь тоже хорошие новости, как говорится.</i></p>
---	--

Выражение спонтанности, с которой говорящий принимает решение (акт сообщения)

<p>Dottern: Ja, nu står vi här.</p> <p>Svärdottern: Då tänder jag väl också en. Jag röker inte hemma. Jag går ut på balkongen och röker.</p> <p>Vännen: Jag minns när vi hörde den sista gången. Den där skivan. (Vinterförvaring)</p>	<p><i>Невестка: Ну, вот мы и здесь.</i></p> <p><i>Сын: Тогда я, пожалуйста, тоже покурю. Я не курю дома. Выхожу на балкон и курю.</i></p> <p><i>Друг: Я помню, как мы слушали ее в последний раз. Ту пластинку.</i></p>
---	---

Неуверенное согласие / признание (акт подтверждения)

<p>Olof: <...> Men jag kan gå dit efter jobbet.</p> <p>Johanna: Det är ingen brådska. Det kan du göra sen.</p> <p>Olof: Nej, det är väl lika bra. Jag hoppas att dom förstår. Jag hoppas att dom inte tar illa upp.</p> <p>Johanna: Tänk inte på det nu. Det är ingen brådska. (Tyst musik)</p>	<p><i>Улоф: <...> Но я могу сходить туда [за вещами] после работы.</i></p> <p><i>Юханна: Это не к спеху. Потом сходишь.</i></p> <p><i>Улоф: Да, спешки, пожалуйста, нет. Надеюсь, они поймут. Надеюсь, они не примут это близко к сердцу.</i></p> <p><i>Юханна: Не думай об этом сейчас. Это не к спеху.</i></p>
<p>Hon: Jag vågar inte lita på dig, på oss... på att vi ska klara av att ha ett barn.</p> <p>Han: Nej, jag förstår det.</p>	<p><i>Она: Я не могу положиться на тебя, на нас... на то, что мы сможем воспитывать ребенка.</i></p> <p><i>Он: Да, я понимаю.</i></p>

<p>Hon: Att vi ska klara av att ha ett barn tillsammans. Ingenting är ju lättare av att man får ett barn.</p> <p>Han: Nej, jag vet... Om du inte vill ha det så... då är det väl det bästa. (Allt...innan)</p>	<p><i>Она: На то, что мы сможем воспитывать ребенка вместе. Ведь с появлением детей ничего не становится проще.</i></p> <p><i>Он: Да, я знаю... Если ты не хочешь ребенка, то...то это [аборт], пожалуй, лучшее решение.</i></p>
---	--

Мягкий призыв к совместному действию (косвенный речевой акт)

<p>Fadern: Vi ska väl ha mat så småningom.</p> <p>Modern: Jag har satt in mat i ugnen...några kotletter och vad jag har. (Om ljuset)</p>	<p><i>Отец: Нам, наверное, скоро надо будет поест [Давайте скоро поедим].</i></p> <p><i>Мать: Я уже поставила еду в духовку...несколько котлет и то, что было.</i></p>
<p>Kvinnan: Du har ju redan läst dom.</p> <p>Fadern: Dom kan man väl sälja och få pengar för.</p> <p>Sonen: Dom behöver jag inte. (Om ljuset)</p>	<p><i>Женщина: Ты же их уже прочитал.</i></p> <p><i>Отец: Их [книги], наверное, можно продать и получить деньги [Давайте продадим их и получим деньги?].</i></p> <p><i>Сын: Они мне не нужны.</i></p>
<p>B: Det är fint väder. Ska vi gå ut sen?</p> <p>A: Jag vet inte.</p> <p>B: Nåt ska vi väl hitta på... Det är ju lördag.</p> <p>A: Ja.</p>	<p><i>B: Сегодня такая хорошая погода. Сходим куда-нибудь?</i></p> <p><i>A: Не знаю.</i></p> <p><i>B: Что-то нам, наверное, нужно придумать [Давай придумаем что-нибудь?]. Сегодня же суббота.</i></p> <p><i>A: Да.</i></p>

III. Модальная частица *nog*

Дистанцирование говорящего от достоверности содержания пропозиции (акт согласия/подтверждения)

<p>Svärdottern: Det var väldigt vackra saker...Som det där halsbandet som jag fick när vi gifte oss.</p> <p>Mannen: Ja, det var nog vackert. Men jag var ju bara amatör. (Vinterförvaring)</p>	<p><i>Невестка: Очень красивые вещи... Как и то ожерелье, которое я получила в день свадьбы.</i></p> <p><i>Муж: Да, пожалуй. Но я же всего лишь любитель.</i></p>
<p>B: Hur är grannarna? Är dom trevliga?</p> <p>D: Det är dom nog...Ja, det tror jag.</p> <p>B: Jaså...Är dom äldre, eller? Hur är dom?</p> <p>D: Dom är inte hemma nu. (Genom)</p>	<p><i>B: Как соседи? Приятные?</i></p> <p><i>D: Да, пожалуй... Думаю, да.</i></p> <p><i>B: Ясно... Они старше тебя? Как они?</i></p> <p><i>D: Их сейчас нет дома.</i></p>

Смягчение категоричности высказывания (акт предположения/оценки)

<p>B: Jag måste nog gå nu.</p> <p>C: Jag förstår det. Ja. Okej. (Om kärlek)</p>	<p><i>B: Мне, наверное, пора.</i></p> <p><i>C: Понимаю. Да. Хорошо.</i></p>
<p>Fadern: Varför skulle vi vara rädda? Det är ju helt dumt.</p> <p>Sonen: För Gud.</p> <p>Fadern: Det finns väl annat att vara rädd för. Det är nog vårt minsta bekymmer. (Om ljuset)</p>	<p><i>Отец: Чего мы должны бояться? Это же очень глупо.</i></p> <p><i>Сын: Бояться Бога.</i></p> <p><i>Отец: Вообще-то, в жизни есть вещи и пострашнее [Как будто больше бояться нечего!]. Так что это волнует нас меньше всего.</i></p>
<p>B: Varför kom hon så tidigt?</p> <p>A: Det händer väl. Det är nog inte så ovanligt.</p> <p>B: Nej, men ändå. (Grått rum)</p>	<p><i>B: Почему она пришла так рано?</i></p> <p><i>A: Это, как ты знаешь, случается. В этом, кажется, нет ничего необычного.</i></p> <p><i>B: Да, но все же.</i></p>
<p>Fadern: Det är väl bra? Ja, förlåt... Vad sa du?</p> <p>Kvinnan: Nej, det är inte bra. Jag var inte orolig när jag gick dit men det är jag nu.</p>	<p><i>Отец: Все же хорошо? Да, прости... Что ты сказала?</i></p> <p><i>Женщина: Нет, не хорошо. Я не волновалась, когда шла туда, а теперь</i></p>

Han tog både cell- och vävnadsprov. Varför skulle han göra det om det inte var nåt. Fadern: Det är nog inget allvarligt. Kvinnan: Varför tar han prover då? (Ljus)	<i>волнуюсь. Он взял биопсию и клетки, и ткани. Зачем бы он стал это делать, если бы все было в порядке?</i> <i>Отец: Здесь, наверняка, ничего серьезного.</i> <i>Женщина: Тогда зачем все эти анализы?</i>
--	--

IV. Модальная частица **visst**

A) Безударный вариант

Дистанцирование говорящего от достоверности содержания пропозиции, функция сенсорного эвиденциала (акт предположения)

Modern: Det var visst fler som väntade därute. Dottern: Ja. Modern: Jag vet inte vilka dom var... Kände du igen dom? Dottern: Nej. (Vinterförvaring)	<i>Мать: Там, кажется, стояло еще несколько человек.</i> <i>Дочь: Да.</i> <i>Мать: Я не знаю, кто они... Ты их узнала?</i> <i>Дочь: Нет.</i>
Olof: Vi hade det ganska lugnt och stillsamt... Det var ju så dåligt väder. Regnade hela tiden. Jonas: Ja, det gjorde det. Det här var visst den regnigaste sommaren sedan 1993. Olof: 1993? Regnade det då? Jonas: Ja, då regnade det mycket. (Tyst musik)	<i>Улоф: А нам было хорошо и спокойно... Погода ведь стояла ужасная. Все время лил дождь.</i> <i>Юнас: Да. Это было, кажется, самое дождливое лето с 1993 года.</i> <i>Улоф: С 1993? Тогда шел дождь?</i> <i>Юнас: Да, тогда было очень дождливо.</i>

Подчеркивание авторитета говорящего (акт согласия/подтверждения)

C: Det gör så ont. B: Ja.	<i>C: Это так больно.</i> <i>B: Да.</i>
------------------------------	--

<p>C: Men det...</p> <p>B: Visst gör det. (Om kärlek)</p>	<p><i>C: Но это...</i></p> <p><i>B: Конечно, больно.</i></p>
<p>Fadern: Ja, vi fick ju några kort från både Kina och Indien och Pakistan men sen hörde man inget. Man var väl lite orolig när man tänkte på att du reste genom dom länderna. Men du kom ju hem igen.</p> <p>Sonen: Visst kom jag hem.</p> <p>Fadern: Ja. (Om ljuset)</p>	<p><i>Oтец: Да, мы, конечно, получили несколько открыток из Китая, Индии и Пакистана, но потом наступила тишина. Мы, как ты, наверное, догадываешься, переживали, когда думали, как ты там путешествуешь по этим странам. Но теперь ты ведь вернулся домой.</i></p> <p><i>Сын: Да, [конечно], вернулся.</i></p> <p><i>Oтец: Да.</i></p>
<p>Kvinnan: Det är så annorlunda mot när vi var här i somras. Det är så lugnt och skönt.</p> <p>Fadern: Visst är det det.</p> <p>Kvinnan: Man känner nästan hur tyst det är. (Om ljuset)</p>	<p><i>Женщина: Здесь все воспринимается совсем по-другому по сравнению с прошлым летом. Так тихо и хорошо.</i></p> <p><i>Oтец: Да, [конечно], так и есть.</i></p> <p><i>Женщина: Можно почти физически ощутить, какая здесь тишина.</i></p>
<p>Modern: Du har väl ett arbete.</p> <p>Mannen: Visst har jag det. Det har jag. (Om ljuset)</p>	<p><i>Мать: У тебя же, по-моему, есть работа?</i></p> <p><i>Муж: Конечно, есть. Есть.</i></p>
<p>B: Är du klar?</p> <p>A: Ja...Ja, vi får väl sätta oss ner och fundera lite.</p> <p>B: Ja, det måste vi göra. Det är mycket att tänka på.</p> <p>A: Visst är det...Dom säger ju att det är det viktigaste köpet man gör i sitt liv. (Genom)</p>	<p><i>B: Ты закончила?</i></p> <p><i>A: Да... Да, нужно, пожалуй, посидеть и немного подумать.</i></p> <p><i>B: Да, обязательно. Нам нужно многое обдумать.</i></p> <p><i>A: Да, [конечно]... Ведь говорят, что это самая важная покупка в жизни человека.</i></p>

Olof: Har du tid att stanna en liten stund? Jonas: Ja... Det är klart. Visst har jag det. Olof: Om du inte har andra saker som du måste göra. (Tyst musik)	<i>Улоф: У тебя есть время остаться ненадолго?</i> <i>Юнас... Да... Конечно. Конечно, есть.</i> <i>Улоф: Если у тебя нет каких-то других дел.</i>
Olof: Kom när ni vill... vi har gott om plats. Karin: Visst har vi det... Har vi inte det? Olof: Det är ju bara vi där. Karin och jag. (Tyst musik)	<i>Улоф: Приезжайте, когда хотите... у нас полно места.</i> <i>Карин: Конечно, полно... Разве нет?</i> <i>Улоф: Там ведь только мы и бываем. Мы с Карин.</i>

Подчеркивание авторитета говорящего (акт возражения)

Modern: Är du inte glad? Sonen: Visst är jag det. Modern: Klart han är glad. Det skulle väl vem som helst vara. (Om ljuset)	<i>Мать: Ты разве не рад?</i> <i>Сын: Рад, конечно.</i> <i>Мать: Конечно, он рад. Мне кажется, кто угодно был бы рад на его месте.</i>
--	---

Б) Ударный вариант

Подчеркивание авторитета говорящего (акт возражения)

Modern: Köpte du kaffe? Fadern: Javisst. Det sa jag ju. Modern: Nej, det sa du inte. Fadern: Det sa jag 'visst det. Jag sa att jag har köpt kaffe. Modern: Inte när jag frågade. (Om ljuset)	<i>Мать: Ты купил кофе?</i> <i>Отец: Конечно. Я же сказал.</i> <i>Мать: Нет, ты такого не говорил.</i> <i>Отец: А вот и говорил. Я сказал, что купил кофе.</i> <i>Мать: По крайней мере, не тогда, когда я спросила.</i>
Fadern: Du var ju så glad innan...för några veckor sen. Dottern: Nej.	<i>Отец: Ты же была так счастлива, пока... несколько недель назад.</i> <i>Дочь: Нет.</i>

<p>Fadern: Det var du 'visst det...när vi träffades...när du fyllde år.</p> <p>Dottern: Jag var inte glad.</p> <p>Fadern: Det var du 'visst... Kommer du inte ihåg det?</p> <p>Dottern: Jag var inte glad. (Skalv)</p>	<p><i>Отец: Конечно, была... [Как же не была?..] Когда мы встретились...на твой день рождения.</i></p> <p><i>Дочь: Я не была счастлива.</i></p> <p><i>Отец: Как же не была? Ты разве не помнишь?</i></p> <p><i>Дочь: Я не была счастлива.</i></p>
<p>Dottern: Det behöver du inte.</p> <p>Fadern: Behöver jag inte? Det behöver jag 'visst det.</p> <p>Dottern: Varför då? (Skalv)</p>	<p><i>Дочь: Ты не обязан это делать.</i></p> <p><i>Отец: Не обязан? Конечно, обязан!</i></p> <p><i>Дочь: Зачем же?</i></p>